

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2025 '2

ЖЕНЩИНА

В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2025

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022)*

Редакционный совет:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (*заместитель главного редактора*, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- М. В. Певная** (Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; доктор социологических наук, доцент),
- Т. К. Ростовская** (Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва;
доктор социологических наук, профессор),
- О. В. Рябов** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),
- З. Х.-М. Саралиева** (Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
- И. Н. Смирнова** (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент),
- Р. Н. Сулейманова** (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- А. В. Белова** (Тверской государственный университет, г. Тверь;
доктор исторических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- И. С. Клещина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),
- Н. С. Рычихина** (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2025
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2025

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 2 — 2025

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- Prof. **O. A. Khasbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology
and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Assoc. Prof. **M. V. Pevnaya**, Dr. Sc. Sociology (Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg),
Prof. **T. K. Rostovskaya**, Dr. Sc. Sociology (Institute for Demographic Research —
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **Z. M. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo),
R. N. Suleymanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2025
© Ivanovo State University, 2025

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 3—12.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 3—12.

Научная статья

УДК 316.346.2:396.1

EDN: <https://elibrary.ru/hcjuyi>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.1

МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО: «В ЕДИНСТВЕ ДЛЯ ВСЕХ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК»

Надежда Александровна Шведова

Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

Аннотация. 2025 г. богат на юбилейные события: отмечается 30 лет Пекинской декларации, 25 лет резолюции 1325 Совета Безопасности ООН, 5 лет до 2030 г. и 15 лет со дня создания структуры «ООН-женщины». Юбилейные даты воспринимаются как «призывы» к сплочению, к действию, напоминания о положении Пекинской декларации, что права женщин — это права человека. В текущем году состоялась 69-я сессия Комиссии по положению женщин ООН, на которой государства-члены приняли важный документ под названием «Политическая декларация по случаю тридцатой годовщины Четвертой Всемирной конференции по положению женщин». Политическая декларация нацелена на уважение, защиту и поощрение права, равенство и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. В данной статье рассмотрены основные положения Политической декларации, посвященные равенству женщин и мужчин в обществе.

Ключевые слова: Политическая декларация, 69-я сессия Комиссии ООН по положению женщин, структура «ООН-женщины», Четвертая Всемирная конференция по положению женщин, Пекинская декларация, Платформа действий

Для цитирования: Шведова Н. А. Мировое сообщество: «В единстве для всех женщин и девочек» // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 3—12.

Original article

**THE GLOBAL COMMUNITY:
“UNITY FOR ALL WOMEN AND GIRLS EVERYWHERE”**

Nadezhda A. Shvedova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. The year 2025 is rich in anniversaries: 30 years since the Beijing Declaration, 25 years since UN Security Council Resolution 1325, 5 years until 2030, and 15 years since the establishment of UN Women. The anniversaries are perceived as “calls” to unity, to action, “powerful reminders that, as the Beijing Declaration affirms, women’s rights are human rights”. The 69th session of the Commission on the Status of Women opened, at which member states adopted an important document entitled “Political Declaration on the Occasion of the Thirtieth Anniversary of the Fourth World Conference on Women”. The Political Declaration aims to respect, protect and promote the rights, equality and empowerment of all women and girls. What new does the adopted Political Declaration bring to the series of many international documents dedicated to equality of women and men in societies?

Key words: Political Declaration, the 69th session of the Commission on the Status of Women, UN Women, Fourth World Conference on Women, Beijing Declaration, Platform for Action

For citation: Shvedova, N. A. (2025) Mirovoe soobshchestvo: “V edinstve dlia vseh zhenshchin i devochek” [The global community: “Unity for all women and girls everywhere”], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—12.

Введение

10 марта 2025 г. в штаб-квартире ООН (Нью Йорк, США) в торжественной обстановке была открыта 69-я сессия Комиссии по положению женщин ООН (the Commission on the Status of Women, CSW69), которая проходила в юбилейную дату — 30-ю годовщину Пекинской декларации и Платформы действий, одобренных на Четвертой Всемирной конференции по положению женщин в 1995 г. (Пекин, Китай). По итогам сессии правительства единогласно приняли мощную Политическую декларацию. Женщины-лидеры были удостоены приветствий, потому что в марте 2025 г. заняли высокие государственные посты в таких странах, как Намибия, где 21 марта состоялась инаугурация первой женщины президента, Тунис, где женщина стала премьер-министром на день раньше, 20 марта заняв пост главы правительства.

**Побудительные мотивы проведения 69-й сессии
Комиссии по положению женщин ООН**

Сима Бахус, заместитель Генерального секретаря и исполнительный директор структуры «ООН-женщины», приветствуя принятие Политической декларации по случаю тридцатой годовщины Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, заявила о необходимости противостоять вызовам равенства женщин и мужчин, необходимости коллективных и решительных действий

всех государств именно в настоящее время, поскольку с трудом завоеванные достижения в области гендерного баланса и равенства находятся под угрозой нападения. В частности, она отметила: «Чтобы ответить на вызовы гендерному равенству, нужны коллективные, решительные действия всех государств-членов, сейчас больше, чем когда-либо. В то время когда с трудом завоеванные достижения в области равноправия подвергаются нападкам, мировое сообщество сплотилось в демонстрации единства для всех женщин и девочек во всем мире» [As the 69th Commission... , 2025].

69-я сессия Комиссии ООН по положению женщин длилась с 10 по 23 марта 2025 г. Подводя итоги, члены Комиссии подчеркнули, что перспективы Политической декларации должны быть воплощены в реальность. В их декларации отмечалось, что «Комиссия по положению женщин показала свою способность и возможность действовать, несмотря на все препятствия. Организация Объединенных Наций по-прежнему служит платформой, которая способствует поиску консенсуса по вопросам гендерного равенства». Представители правительств и общественности на различных уровнях — национальном, глобальном или местном — проявляли стремление к объединению «для выработки общей повестки дня и решимости сделать вместе больше, чем можно было бы сделать поодиночке» [Speech... , 2025].

В текущем году Комиссия по положению женщин привлекла в общей сложности более 13 000 участников; было представлено 186 государств-членов (1 вице-президент, три заместителя премьер-министра, 97 министров и др.). Более 5845 представителей НПО — новый рекорд для Комиссии — приняли участие в событии. На площадках ООН прошли 283 параллельных мероприятия, многие из которых были инициированы государствами-членами. Состав участников отличался разнообразием: были услышаны голоса молодых феминисток, молодых женщин-лидеров и представителей гражданского общества, в том числе на масштабном городском собрании гражданского общества с Генеральным секретарем ООН. Сима Бахус не без оснований заметила, что для этого пришлось столкнуться с огромными трудностями, но, «несмотря на сильные встречные ветры», удалось с ними справиться и сохранить курс для всех женщин и девочек. В ООН есть понимание сложности состояния мира, который находится в напряжении.

Четкое послание, Политическая декларация 69-й сессии Комиссии ООН по положению женщин играет важную роль для достижения прогресса. В декларации отмечается, что равноправие полов, расширение прав и возможностей всех женщин и девочек имеют важное значение для устойчивого развития стран. Сессией Комиссии ООН сделан вывод, что 30 лет спустя после Четвертой Всемирной конференции по положению женщин ни одна страна не достигла в полной мере равноправия полов и расширения прав и возможностей женщин и девочек, что сохраняются серьезные пробелы и препятствия.

Важнейшие направления Политической декларации

В документе предусмотрены 9 главных направлений деятельности на пути к намеченной цели [ibid.]. Это продвижение повестки «Женщины, мир и безопасность» с финансированием национальных планов действий; противостояние гендерному насилию во всех его формах — от угроз в Интернете до сексуального

насилия в условиях конфликта; обеспечение равноправного участия женщин в принятии решений; инвестирование в образование, STEM (Science, Technology, Engineering and Mathematics — естественные науки, технология, инженерия и математика) и цифровую инклюзивность; достижение приверженности правам человека, устранение пересекающихся форм дискриминации; проведение конкретной политики в области ухода и социальной защиты; обеспечение тщательного мониторинга ответственного отношения к финансированию деятельности по достижению реального прогресса в области равноправия полов; подтверждение общей приверженности активизации деятельности Комиссии по положению женщин, Пакту о будущем (the Pact for the Future), Плану Генерального секретаря по ускорению гендерного равенства в масштабах всей системы (the Secretary-General's System-wide Gender Equality Acceleration Plan); содействие выдвижению женщин на будущие руководящие должности в ООН, на пост Генерального секретаря (Secretary-General) и Председателя Генеральной Ассамблеи (President of the General Assembly).

Работа над проблемами равенства женщин и мужчин в социуме требует креативного и постоянного внимания. В этом ракурсе две недели, проведенные участниками заседания на полях встреч Комиссии по положению женщин ООН, послужили важным стимулом для дальнейшей работы. Ясно, что особым вниманием пользовались делегаты из числа молодежи и гражданского общества, многим из которых, прежде чем добраться до США и принять участие в заседаниях ООН, приходилось проявлять смелость и мужество.

Стратегический план 2022—2025

Стратегический план на 2022—2025 гг. определил направления работы Структуры ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин [UN Women Strategic Plan... , 2021]. В документе были подробно изложены способы стимулирования срочных действий структуры «ООН-женщины» по достижению гендерного равенства и расширению прав и возможностей всех женщин и девочек.

Стратегический план основан на Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Пекинской декларации и Платформе действий [ibid.], а также на резолюциях Совета Безопасности ООН по вопросам женщин, мира и безопасности [Шведова, 2020], Программе действий Международной конференции по народонаселению и развитию и других соответствующих межправительственных документах. Цель Стратегического плана на 2022—2025 гг. — добиться достижения Целей устойчивого развития к 2030 г. Речь шла об использовании структурой «ООН-женщины» своего тройного мандата, который охватывал нормативную поддержку, координацию в рамках системы ООН и оперативную деятельность, для достижения гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек и поддержки реализации Повестки дня на период до 2030 г. [UN Women Strategic Plan... , 2021].

Обзор глобального прогресса и сохраняющиеся проблемы

Среди заметных достижений можно отметить улучшение ситуации в области равенства юношей и девушек в сферах образования и здравоохранения: сегодня возросло количество стран, которые достигли гендерного паритета в образовании, а также сокращения смертности женщин при родах [Обзор и оценка... , 2020]. За последнее десятилетие структура «ООН-женщины» поддержала более 700 правовых реформ в 89 странах и конституционные реформы в 25 странах. Охват системой социальной защиты во многих странах расширился, хотя сегодня только 25,6 % женщин во всем мире (и 34,3 % мужчин) имеют полный объем социальной защиты, закрепленный в праве [International Labour Organization... , 2021].

В процессе обзора «Пекин+25» государства-члены призвали всех участников бороться с основными структурными барьерами и дискриминационными практиками, которые сдерживают прогресс в области гендерного равенства. Отмечалось, что структура «ООН — женщины» прибегает к комплексным подходам к устранению коренных причин неравенства мужчин и женщин путем следующих мер:

- укрепление глобальных нормативных рамок и законов, политики и институтов, учитывающих аспекты неравенства;
- финансирование в интересах обеспечения равенства женщин и мужчин;
- обеспечение равноправного доступа к услугам, товарам и ресурсам;
- поощрение лидерства и самостоятельности женщин;
- подготовка, анализ и использование статистических данных с разбивкой по признаку пола;
- координация действий ООН в сфере гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин.

Структура «ООН-женщины» установила 4 тематические области деятельности, в которых продвигаются системные результаты:

- 1) управление и участие в общественной жизни;
- 2) расширение экономических прав и возможностей женщин;
- 3) искоренение насилия в отношении женщин и девочек;
- 4) женщины, мир и безопасность, гуманитарная деятельность и уменьшение риска бедствий.

Основные направления Стратегического плана включают расширение партнерских отношений и влияние на действия и финансирование других участников, сотрудничество с партнерами и их привлечение, а также обеспечение того, чтобы обязательства были подкреплены стабильным финансированием и подотчетностью.

Структура «ООН-женщины» в глобальном мире

Структура «ООН-женщины» — это уникальная организационная единица, занимающаяся вопросами равенства женщин и мужчин и расширения прав и возможностей женщин. Она создана в 2010 г. в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН [Performance... , 2025]. Именно этот институт — «ООН-женщины» — единственное подразделение в рамках глобальной

международной системы ООН, которое сосредоточено на решении проблемы достижения равноправия полов и обладает тройным мандатом.

Организация полностью финансируется за счет добровольных взносов, в основном от государственных доноров. Ее годовой доход составляет 619 млн долл. США (2023 г.). Штаб-квартира «ООН-женщины» расположена в Нью-Йорке; число ее сотрудников составляет 3789, из которых 81 % трудятся в страновых и региональных офисах и работают в 120 странах, в том числе в 61 многострановом офисе [ibid.].

Время с 2014 по 2024 г. обозначено специалистами как период, в течение которого были достигнуты значительные успехи в глобальной пропаганде и создании двух стратегических планов. Стратегический план на 2022—2025 гг. дополнительно уточняет приоритеты структуры «ООН-женщины», уделяя больше внимания системным результатам.

Ее главные партнеры — система ООН, женские и молодежные организации, частный сектор, международные финансовые институты, исследовательские организации, средства массовой информации, мужчины и мальчики, а также другие заинтересованные стороны.

Среди заметных достижений, как уже говорилось в разделе «Обзор глобального прогресса...», отмечается улучшение ситуации в области гендерного равенства в сферах образования и здравоохранения.

В целом структура «ООН-женщины», по мнению многих экспертов, сумела добиться заметного прогресса в укреплении собственных институциональных основ и согласовании действий со своим «амбициозным мандатом». Она остается значительным субъектом в продвижении гендерного равенства во всем мире.

Негативные тенденции

Известные международные документы — Пекинская декларация и Платформа действий — три десятилетия спустя продолжают оставаться преобразующей основой для достижения гендерного равенства, расширения прав и возможностей всех женщин и девочек и полного осуществления их прав человека [ibid.]. Причина их долголетия ясна. Они способствуют пониманию и осознанию насущных проблем, стоящих перед людьми, и нахождению путей их решения. Однако, несмотря на значительные успехи в некоторых областях на пути продвижения к цели равенства женщин и мужчин в социуме, очевидны сохраняющиеся барьеры, которые препятствуют полному достижению равноправия женщин и девочек [Обзор и оценка... , 2020], прогрессу во многих областях, демонстрируя слишком медленный темп на просторах стремительной цивилизации. Так, менее двух третей женщин в возрасте от 25 до 54 лет, по сравнению с более чем 90 % мужчин того же возраста, заняты трудовой деятельностью. Эти показатели не улучшились за последние 30 лет. Женщины выполняют в 3 раза больше неоплачиваемого «ухода» и домашней работы, чем мужчины, в ущерб своему здоровью, самостоятельности и экономическим перспективам [там же]. По-прежнему женщины в возрасте от 25 до 34 лет чаще живут в бедности, чем мужчины той же возрастной группы [UN Women, Progress... , 2019].

Заметен прогресс в области образования, особенно начального, однако 30 % молодых женщин (13 % молодых мужчин) не имеют образования, работы или профессиональной подготовки [Обзор и оценка... , 2020]. Менее половины (48 %) женского населения мира пользуется Интернетом, в то время как у мужчин этот показатель составляет 55 % [International Telecommunications Union... , 2020].

С 1995 г. во всем мире доля женщин в парламенте увеличилась более чем в 2 раза, однако женщины по-прежнему занимают лишь четверть всех мест. За этот период только в 24 странах женщины занимали пост главы государства или правительства, только пятая часть министров в государствах — женщины.

Выводы

В чем значение принятого документа — Политической декларации? Выделяются 5 важнейших положений.

Первое. С учетом реалий настоящего времени, когда ни одна страна в мире не достигла полного гендерного равенства, одобрение смелой декларации свидетельствует о готовности правительств стран признать 2025 г. точкой бифуркации, поскольку данные обещания по истечении тридцатилетия — под угрозой недостижения. Это означает, что наступил момент для гарантии выполнения обязательства по гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин для всех женщин и девочек во всем мире. Именно эта мысль прозвучала из уст исполнительного директора структуры «ООН-женщины» С. Бахус на 69-й сессии Комиссии ООН по делам женщин.

Второе. Немаловажен тот факт, что Политическая декларация подтверждает обязательства Пекинской декларации и Платформы действий, принятые в 1995 г. на Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, с акцентом на необходимость соблюдения всех прав человека и основных свобод для каждой женщины и девочки без исключения. Более того, она усиливает обязательства в отношении женщин, мира и безопасности, указывая на необходимость включения голосов и лидерства женщин на всех этапах предотвращения и разрешения конфликтов.

Третье. В документе логически связаны задачи искоренения нищеты во всех ее формах, в том числе путем обеспечения права женщин и девочек на образование, особенно в областях STEM.

Четвертое. Значение документа определяется тем, что в нем отражена последовательность в наступательной борьбе с насилием: декларация вновь обязывает государства-члены ликвидировать все формы насилия в отношении женщин и девочек, включая новые формы — цифровое насилие, онлайн-преследования и кибербуллинг*.

* Кибербуллинг — травля в цифровом пространстве (Интернет), включающая оскорбления и злые шутки в сообщениях или в комментариях, публикацию личной информации и др.

Пятое. Укрепление женских национальных и международных механизмов, включая обновленную Комиссию ООН по положению женщин, рассматривается как действенный рычаг реализации поставленных задач.

Поскольку структура «ООН-женщины» готовится к выполнению своего Стратегического плана на 2026—2029 гг., устранение системных ограничений будет иметь важное значение для того, чтобы оставаться на почве практических реалий. При нынешних темпах изменений для искоренения крайней нищеты среди женщин может потребоваться еще 137 лет. Потребуется почти 300 лет, чтобы полностью устранить дискриминационные законы, и 176 лет, чтобы ликвидировать гендерный разрыв в лидерстве и принятии решений [Performance... , 2025]. Укоренившиеся социальные нормы и откат прав женщин в некоторых контекстах угрожают достижению Целей устойчивого развития к 2030 г.

Необходимо осознание того факта, что структура «ООН-женщины» играет решающую роль в продвижении гендерного равенства посредством пропаганды, разработки политики и партнерств, но ее способность систематически связывать эти усилия с измеримым, масштабным воздействием остается ограниченной. Это мнение бытует при оценке эффективности деятельности структуры «ООН-женщины». При всей очевидности заслуженного упрека в ее адрес следует подчеркнуть смягчающее обстоятельство, которое заключается в объективной сложности достижения консенсуса в ситуации разнонаправленных тенденций и интересов.

Список источников

- Обзор и оценка хода осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и итоговых документов двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи, доклад Генерального секретаря (E/CN.6/2020/3). 2020. URL: <https://www.un.org/ru/events/beijing10/background.htm> (дата обращения: 14.04.2025).
- Шведова Н. А.* Отмечая юбилей: вопросы гендерного равенства в приоритетах ООН // *Женщина в российском обществе.* 2020. № 3. С. 16—29.
- As the 69th Commission on the Status of Women Opens, Member States Adopt Strong Political Declaration, Committing to Respect, Protect and Promote Rights, Equality and Empowerment for All Women and Girls. 2025. URL: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/statement/2025/03/as-the-69th-commission-on-the-status-of-women-opens-member-states-adopt-strong-political-declaration-committing-to-respect-protect-and-promote-rights-equality-and-empowerment-for-all-women-and-girls> (дата обращения: 30.03.2025).
- International Labour Organization (ILO), World Social Protection Report 2020—22: Social Protection at the Crossroads: Making a Decisive Turn for a Better Future (Geneva, 2021). 2021. URL: <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/world-social-protection-report-2020-22-social-protection-crossroads-pursuit> (дата обращения: 12.01.2025).
- International Telecommunications Union, Measuring Digital Development: Facts and Figures 2020 (Geneva, 2020). 2020. URL: https://www.itu.int/pub/D-IND-ICT_MDD-2020 (дата обращения: 13.12.2024).
- Performance at a Glance UN-Women. 2025. URL: https://www.mopanonline.org/assessments/unwomen2025/2025_UN_Women%20Performance_Glance.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

- Speech: The Political Declaration's Vision Must Be Made Real — Change Is There Now to Be Grasped. Closing Remarks by Ms. Sima Bahous, UN Under-Secretary-General and UN Women Executive Director, at the 69th Session of the Commission on the Status of Women, 21 March 2025, UN Headquarters. 2025. URL: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/speech/2025/03/speech-the-political-declarations-vision-must-be-made-real-change-is-there-now-to-be-grasped> (дата обращения: 22.03.2025).
- UN Women, Progress of the World's Women: Families in a Changing World (New York, 2019). 2019. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2019/06/progress-of-the-worlds-women-2019-2020> (дата обращения: 12.02.2025).
- UN Women Strategic Plan 2022—2025 Building a Gender-Equal World. 2021. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2021/UN-Women-Strategic-Plan-2022-2025-brochure-en.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

References

- As the 69th Commission on the Status of Women Opens, Member States Adopt Strong Political Declaration, Committing to Respect, Protect and Promote Rights, Equality and Empowerment for All Women and Girls* (2025), available from <https://www.unwomen.org/en/news-stories/statement/2025/03/as-the-69th-commission-on-the-status-of-women-opens-member-states-adopt-strong-political-declaration-committing-to-respect-protect-and-promote-rights-equality-and-empowerment-for-all-women-and-girls> (accessed 30.03.2025).
- International Labour Organization (ILO), World Social Protection Report 2020—22: Social Protection at the Crossroads: Making a Decisive Turn for a Better Future* (Geneva, 2021) (2021), available from <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/world-social-protection-report-2020-22-social-protection-crossroads-pursuit> (accessed 12.01.2025).
- International Telecommunications Union, Measuring Digital Development: Facts and Figures 2020* (Geneva, 2020) (2020), available from https://www.itu.int/pub/D-IND-ICT_MDD-2020 (accessed 13.12.2024).
- Obzor i otsenka khoda osushchestvleniia Pekinskoj deklaratsii i Platformy deistviy i itogovykh dokumentov dvadtsat' tret'ej spetsial'noj sessii General'noj Assamblei, doklad General'nogo sekretaria (E/CN.6/2020/3)* (2020) [Review and appraisal of the implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action and the outcome documents of the twenty-third special session of the General Assembly, report of the Secretary-General (E/CN.6/2020/3)], available from <https://www.un.org/ru/events/beijing10/background.htm> (accessed 14.04.2025).
- Performance at a Glance UN-Women* (2025), available from [https://www.mopanonline.org/assessments/unwomen2025/2025_UN_Women %20Performance_Glance.pdf](https://www.mopanonline.org/assessments/unwomen2025/2025_UN_Women%20Performance_Glance.pdf) (accessed 17.03.2025).
- Shvedova, N. A. (2020) Otmechaia iubilei: voprosy gendernogo ravenstva v prioritetakh OON [Celebrating the anniversary: gender equality issues in UN Priorities], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 3, pp. 16—29.
- Speech: The Political Declaration's Vision Must Be Made Real — Change Is There Now to Be Grasped. Closing Remarks by Ms. Sima Bahous, UN Under-Secretary-General and UN Women Executive Director, at the 69th session of the Commission on the Status of Women, 21 March 2025, UN Headquarters (2025), available from <https://www.unwomen.org/en/news-stories/speech/2025/03/speech-the-political-declarations-vision-must-be-made-real-change-is-there-now-to-be-grasped> (accessed 22.03.2025).

UN Women, Progress of the World's Women: Families in a Changing World (New York, 2019) (2019), available from <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2019/06/progress-of-the-worlds-women-2019-2020> (accessed 12.02.2025).

UN Women Strategic Plan 2022—2025 Building a Gender-Equal World (2021), available from <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2021/UN-Women-Strategic-Plan-2022-2025-brochure-en.pdf> (accessed 05.03.2025).

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, профессор, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Chief Researcher, Professor, Head of the Center for Social and Political Research, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 13—34.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 13—34.

Научная статья

УДК 314.5

EDN: <https://elibrary.ru/affnww>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.2

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА БРАКА: РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Татьяна Александровна Гурко

Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр, Российская академия наук, г. Москва,
Россия, tgurko@yandex.ru

Аннотация. Развитие института брака анализируется сквозь призму эволюции и трансформации. В качестве показателей эволюции рассматриваются различные варианты удаленных браков, современное многоженство, браки с иностранцами, а также гражданские партнерства и однополые браки в зарубежных странах. Важный показатель трансформации — эгалитаризация супружеских ролей. Судя по анализу данных Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2022, доходы мужей выше, нежели жен, затраты времени жен на домашние дела и занятия с детьми значительнее, нежели мужей. Среди пар с высшим образованием разница времени, затрачиваемого на занятия с детьми и домашние дела женами и мужьями, меньше, нежели в среднем по выборке. Показано, что Россия лидирует по числу браков и разводов в мире, в стране сохраняется низкий уровень окончательного безбрачия и мужчин, и женщин, стабильна доля состоящих в повторном браке. Доля сожителей не изменилась с 2009 по 2023 г., сожительства не являются альтернативой бракам. В России брак остается основным институтом формирования семьи.

Ключевые слова: брак, развод, сожительство, партнерство, супруги, дети, семейный бюджет, домашняя работа, удаленные браки

Для цитирования: Гурко Т. А. Развитие института брака: Россия в международном контексте // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 13—34.

Original article

THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF MARRIAGE: RUSSIA IN AN INTERNATIONAL CONTEXT

Tatiana A. Gurko

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, tgurko@yandex.ru

Abstract. To analyze the development of the institution of marriage, the statement about the difference between evolutionary and transformational changes of the institution is accepted as an alternative to reasoning about the deinstitutionalization of marriage. Indicators of the transformation of marriage can be considered the universalization of marital roles, the increase in the number of premarital sexual relations, premarital and extramarital births, the spread of cohabitation and the increase in the number of divorces. Evidence of the evolution of the institution of marriage are remarriages, international marriages, civil partnerships and same-sex marriages in a number of foreign countries, which were previously uncommon practices. Data from the “Sample Survey of Reproductive Plans of the Population” (RPN-2022) on spouses aged 25—44 with minor children, 2383 wives and 1811 husbands are presented. It was found that, according to the estimates of both wives and husbands, more husbands than wives make a significant contribution to the family budget. Time expenditure by wives on housework and activities with children is more significant than by husbands. The difference in time expenditure by wives with higher education and their husbands on housework and activities with children is smaller than in the sample as a whole. Universalization of marital roles occurs more intensively in marriages of spouses with higher education. Time expenditure on communication with children by both mothers and fathers, both on weekdays and weekends, is not related to the number of children, level of education and material level of the household. The ideology of intensive parenting is spreading among all social groups. Unlike a number of developing countries with a high marriage rate and a low divorce rate, and post-industrial countries, where cohabitation is common, marriage and divorce rates are low, marriage and divorce rates are high, and final celibacy of both men and women is low, the proportion of those in a second marriage is stable in Russia. The share of cohabitants in cities aged 25—69 has remained virtually unchanged from 2009 to 2023. Cohabitation is not an alternative to marriage in Russia, but rather a stage of relationship testing. The specifics of translocal and cross-border marriages have been little studied, as have other options for forced or voluntary, short-term or long-term separation of spouses.

Key words: marriage, divorce, cohabitation, partnership, spouses, children, family budget, housework

For citation: Gurko, T. A. (2025) Razvitie instituta braka: Rossiia v mezhdunarodnom kontekste [The development of the institution of marriage: Russia in an international context], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 13—34.

Введение

Теоретические рассуждения о деинституциализации института брака [Cherlin, 2004] критиковались не только представителями нового институционального подхода, но и самим автором. Для анализа развития института брака имеет смысл принять утверждение о «различии между эволюционными и трансформационными изменениями института брака как альтернативу

рассуждениям о деинституциализации» [Cherlin, 2020: 66]. В продолжение анализа развития института брака [Гурко, 2021] рассматриваются эмпирические показатели этого процесса в России в международном контексте.

На развитие института брака повлияли в числе других факторов ослабление патриархата, интенсификация внедомашней занятости женщин, секуляризация, увеличение периода социального взросления молодежи, мобильность населения, либерализация законодательства о разводах и сексуальной морали, доступность контрацепции и новых репродуктивных технологий.

Показателями трансформации брака можно считать эгалитаризацию супружеских ролей, распространение добрачных сексуальных связей, добрачных и внебрачных рождений, увеличение числа разводов, распространение сожительств. Свидетельствами эволюции института, малораспространенными практиками являются повторные, удаленные и международные браки, а также гражданские партнерства и однополые браки в ряде зарубежных стран.

Разделение супружеских и родительских ролей

Одним из показателей трансформации института брака является эгалитаризация супружеских и родительских ролей, обусловленная возрастающей экономической самостоятельностью женщин и повышением их социального статуса [Хасбулатова, Смирнова, 2023]. Проблема «двойного рабочего дня» работающих жен, распределения домашних и родительских обязанностей между супругами стала изучаться российскими социологами семьи уже с конца 1970-х гг. в условиях массового вовлечения советских женщин в общественное производство. В работах 2000-х гг. результаты получены преимущественно на локальных выборах в различных регионах РФ и свидетельствуют о незначительных сдвигах в разделении ролей. Так, было установлено, что у работающих женщин сохраняется большая, чем у мужчин, продолжительность бытовой деятельности, но превышение это уменьшалось как с 1965 по 1998 г. [Караханова, 1999: 138], так и с 1986 по 2007 г. [Караханова, 2014: 121]. «Тяготы рыночной занятости больше выпадают на долю мужчины, а домашние хлопоты в большей степени ложатся на женщину», — отмечают исследователи [Барсукова, Радаев, 2000: 98]. Увеличение занятости мужчин на рынке труда вынуждает женщину уделять больше времени домашнему хозяйству, при увеличении оплачиваемой занятости женщин домашняя занятость мужчин возрастает незначительно [Клецин, 2003: 121; Задворнова, 2014: 56]. Виды домашнего труда, которые выполняют женщины, остаются достаточно устойчивыми в городской семье [Евстифеева, 2013: 96]. На данных общероссийской выборки сделан вывод о том, что женщины вносят больший вклад «как в экономику заботы, так и в ведение домашнего хозяйства» [Калабихина, Шайкенова, 2018: 55].

Для того чтобы установить тенденцию разделения супружеских ролей в разных социальных группах, практически нет общероссийских данных. С целью выявления динамики по будущим срезам анализировались результаты Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (РПН-2022)¹ в отношении

¹ Выборочная совокупность РПН-2022 составляет 15 тыс. домохозяйств, опрашивался один из членов домохозяйства — женщина в возрасте 18—44 лет или мужчина в возрасте 18—60 лет.

супругов в возрасте 25—44 лет, имеющих несовершеннолетних детей [Выборочное наблюдение репродуктивных планов... , 2022]. По анализируемым переменным жены и мужья давали ответы о себе и о своем супруге, т. е. о муже/жене. Подвыборка жен составила 2383, мужей — 1811 в той же возрастной группе.

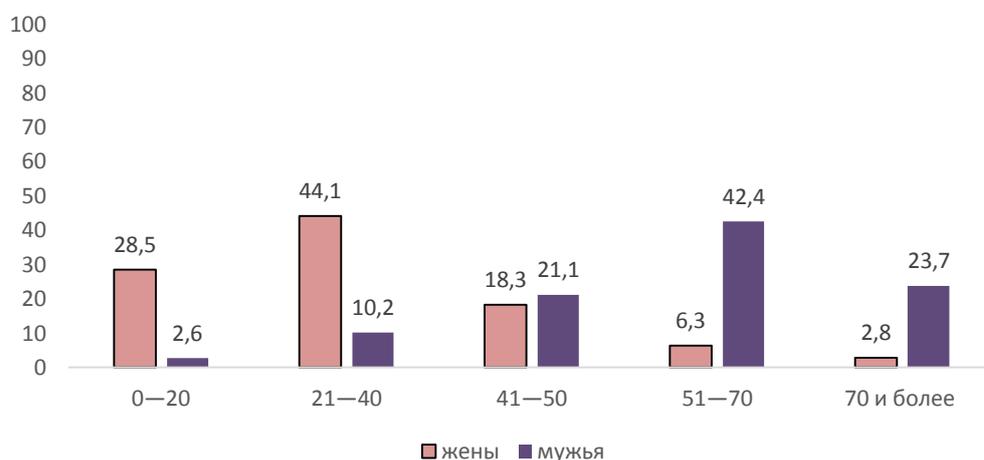

Рис. 1. Примерный вклад в семейный бюджет жен 25—44 лет, имеющих несовершеннолетних детей, и их мужей по оценке жен, РПН-2022, n = 2383, %

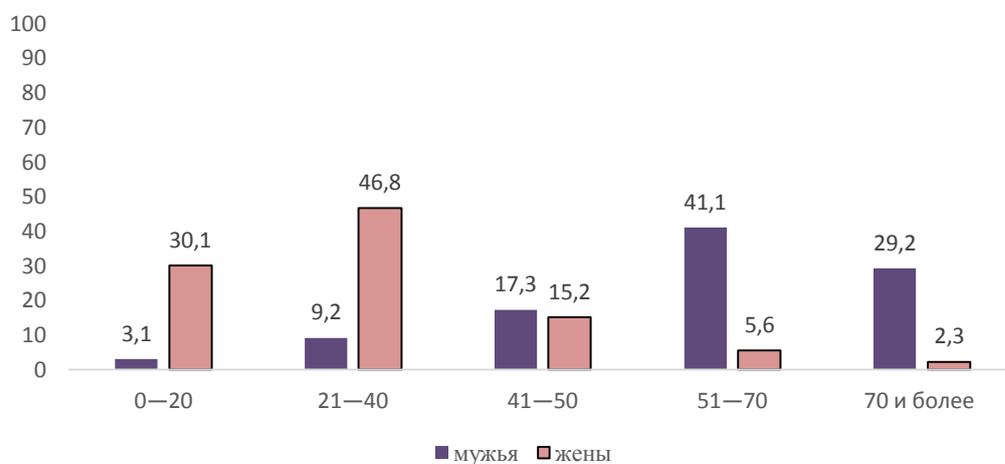

Рис. 2. Примерный вклад в семейный бюджет мужей 25—44 лет, имеющих несовершеннолетних детей, и их жен по оценке мужей, РПН-2022, n = 1811, %

Доля мужей, которые вносят значительный вклад в семейный бюджет, больше в сравнении с долей жен (рис. 1). По ответам жен только 9,1 % жен и 66,1 % их мужей вносят в семейный бюджет более 50 %. По ответам других мужей 7,9 % их жен и 70,3 % их самих вносят в семейный бюджет более 50 % (рис. 2). Женские и мужские оценки также сходны в отношении затрат времени на домашнюю работу и занятия с детьми.

Больше доля мужей (23,7 %), которые вносят значительный вклад в семейный бюджет (70 % и более), в сравнении с долей сожителей (10,8 %) по оценкам жен/сожительниц (n = 271). Сходные данные и по подвыборке мужчин: 29,2 % мужей и только 17,6 % сожителей (n = 192) ответили, что они вносят в семейный бюджет более 70 %. Связаны ли такие различия с брачно-партнерским статусом мужчин, меньшей ответственностью сожителей за семейный бюджет либо тем, что среди сожителей больше мужчин, имеющих средний уровень образования и, соответственно, невысокие зарплаты, судить рано.

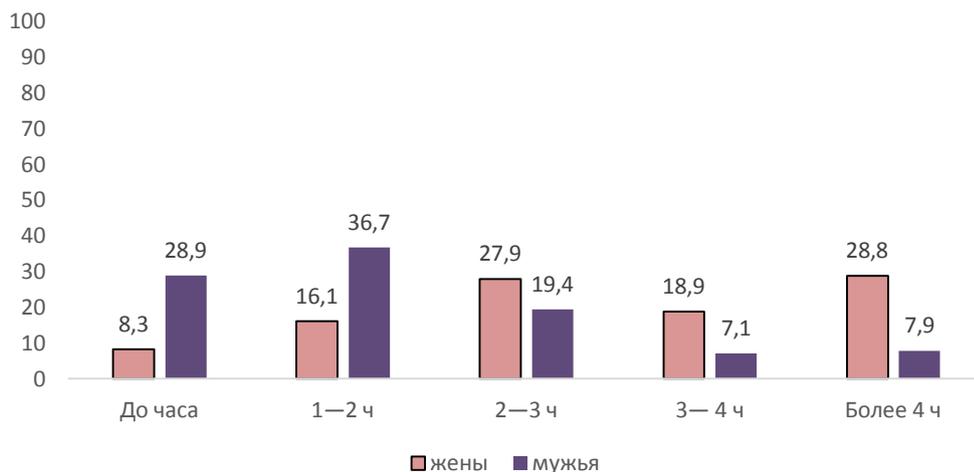

Рис. 3. Затраты времени на домашнюю работу жен и их мужей по оценке жен в будние дни, РПН-2022, n = 2383, %

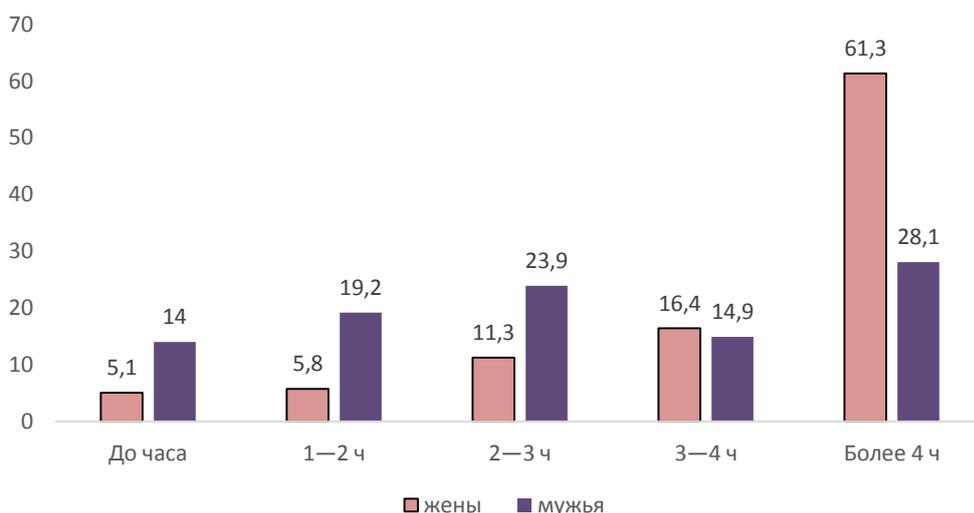

Рис. 4. Затраты времени на домашнюю работу жен и их мужей по оценке жен в выходные дни, РПН-2022, n = 2383, %

В будние дни доля жен (47,7 %), которые тратят на домашнюю работу более трех часов в день, больше в сравнении с долей своих мужей (15,0 %) (рис. 3), в выходные дни она также больше (соответственно 77,7 и 43,0 %) (рис. 4). В то же время меньше доля жен с высшим образованием (36,1 %), затрачивающих более трех часов на домашнюю работу в будние дни, при этом больше доля их мужей (27,7 %), которые тратят столько же времени, в сравнении с данными по всей выборке. В выходные дни эти различия между женами и мужьями с высшим образованием также меньше — соответственно 58,7 и 37,1 %.

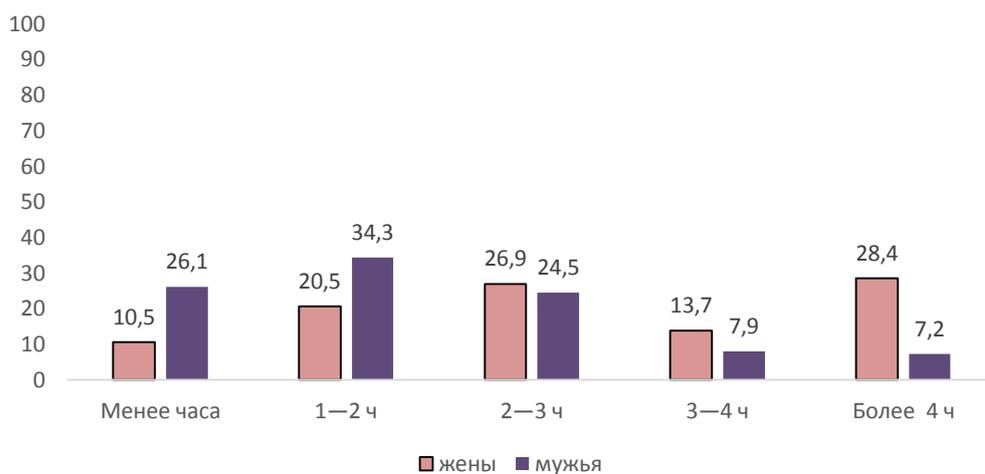

Рис. 5. Затраты времени жен на индивидуальное общение с ребенком (детьми) и их мужей по оценке жен (прогулки, игры, занятия) в будние дни, РПН-2022, n = 2373, %

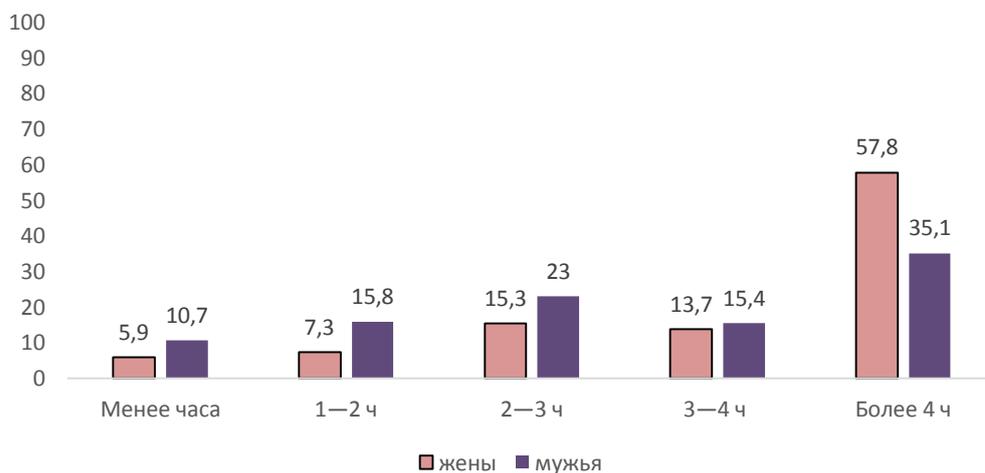

Рис. 6. Затраты времени жен на индивидуальное общение с ребенком (детьми) и их мужей по оценке жен (прогулки, игры, занятия) в выходные дни, РПН-2022, n = 2373, %

Различие затрат времени, которое жены и мужья проводят с детьми в будние дни, примерно такое же, как и по домашней работе. В будние дни почти в четыре раза больше доля жен (28,4 %), затрачивающих на индивидуальное общение с ребенком (детьми) более четырех часов в день, в сравнении с долей своих мужей (7,2 %) (рис. 5). В выходные дни и матери, и отцы уделяют детям значительно больше времени, нежели в будни (рис. 6). И различие в затратах этого времени между матерями и отцами меньше, нежели по домашней работе. В выходные дни 57,8 % жен и больше трети их мужей (35,1 %) тратят более четырех часов на общение с детьми.

Оценки мужей своего участия в домашней работе и уходе за детьми зависят от их оценок вклада в семейный бюджет. Большее количество мужей, вклад которых по их оценке составляет менее 40 %, отмечают и большие временные затраты на домашнюю работу и общение с ребенком (детьми) в будние дни. То есть участие в домашней работе и уходе за детьми, возможно, расценивается мужьями в качестве компенсации незначительного вклада в бюджет.

Затраты времени на общение с ребенком (детьми) и матерей, и отцов в будни и выходные практически не связаны с числом детей, уровнем образования и материальной обеспеченностью домохозяйства. Идеология интенсивного родительства распространяется среди всех социальных групп.

Гражданские партнерства, сожительства

В международной статистике, в частности Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), используются понятия сожительства, гражданских/зарегистрированных партнерств (civil/registered partnership) и браков. Сожительство определяется как совместное проживание по обоюдному согласию партнеров, не состоящих в юридическом браке или гражданском/зарегистрированном партнерстве [SF3.3... , 2016: 1]. Распространение сожительства обусловлено, помимо других факторов, необходимостью проверки отношений до заключения брака по мере роста разводов. Считалось, что в связи с распространением сожительства будет больше счастливых браков и меньше разводов, поскольку несчастливые пары в сожительстве не станут продолжать отношения в браке [Trost, 1975: 679]. Сожительство предпочитают и женщины, и мужчины, которые находятся в лучшем финансовом положении: они остаются собственниками своего имущества [Kok, Leinarte, 2015: 497].

В разных странах сожительства регулируются по-разному. В Швеции, например, уже в 1973 г. был издан закон о совместном проживании для определения порядка раздела совместного жилья и имущества после прекращения отношений. Сожителями признаются пары, которые поддерживают романтические или сексуальные отношения, не являются родственниками, проживают вместе и имеют совместную собственность. В отличие от партнеров, состоящих в браке, сожители имеют меньше прав и обязанностей, на них не распространяются права наследования [Jäniterrä-Jareborg et al., 2015]. В Нидерландах сожительство предполагает наличие контракта о совместном проживании (cohabitation

contract), составленного нотариусом по гражданским делам [Married or living together]. Договор признается в суде, если там указан срок совместного проживания, разделение расходов на оплату жилья и питания, условия владения совместным имуществом и раздела общей собственности в случае разрыва отношений. Во Франции сожителям необходимо подтвердить стабильность отношений, им предоставляются некоторые социальные права и льготы, однако нет закона, устанавливающего права и обязанности между самими сожителями [Schepre, Hayward, 2017: 154]. В Новой Зеландии парам, состоящим в фактических отношениях более трех лет, предоставляются те же права, что и супругам [ibid.: 411].

В странах с мусульманским большинством, а также в общинах мусульманских меньшинств на Западе практикуются так называемые тайные браки (secret marriages), число таких союзов ежегодно увеличивается [Sheibani, 2023: 3]. Пары, которые хотят иметь сексуальные отношения, но при этом считают неприемлемым совершать прелюбодеяние, один из главных грехов в исламе, практикуют временные браки, которые становятся альтернативой юридическому браку и в тех случаях, когда пара не имеет финансовых средств для соблюдения всех ритуалов долгосрочного официального брака [Afary, Friedland, 2023: 22].

Тайный брак — это часто и второй брак, который скрывается от уже имеющейся супруги и родственников. В одних сообществах брачный контракт, заключенный в присутствии двух свидетелей, т. е. тайный брак, имеет частичную юридическую силу, в других нет [Erkoç, 2023: 476]. Рост числа временных браков наблюдается, в частности, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Южной Азии (MENASA) [Afary, Friedland, 2023: 2]. Такие браки практикуют состоятельные женатые мужчины из Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Омана, Катара и Бахрейна, которые путешествуют по бедным странам региона, таким как Египет, Сирия, Иран, и заключают краткосрочные «выездные браки» с юными девушками [ibid.: 5].

В России фактические брачные отношения перестали признаваться государством, когда согласно Указам Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. и от 14 марта 1945 г. была предоставлена возможность оформить данные отношения юридически. Действующее российское законодательство не регулирует сожительства. Инициатива 2018 г. о признании фактических отношений брачными при определенных условиях не была поддержана депутатами. По сути, в этом нет необходимости, уровень брачности в России высокий, сожители не оформляют отношения юридически по разным причинам. Тем не менее в качестве исключения в Государственной думе РФ в первом чтении одобрен законопроект о признании фактических отношений брачными, если «одно из лиц, фактически состоявших в брачных отношениях, погибло, признано безвестно отсутствующим или объявлено умершим в связи с участием в специальной военной операции либо в связи с проживанием или временным пребыванием на территориях осуществления СВО...» «Факт нахождения в брачных отношениях может быть установлен судом, если мужчина и женщина проживали совместно не менее трех лет или не менее одного года при наличии совместного

ребенка и вели общее хозяйство», — отмечается в законопроекте [О внесении изменений... , 2024].

О распространенности сожительства в России можно судить по разным данным. Одним из свидетельств является показатель внебрачной рождаемости, который варьирует по регионам и относительно стабилен. По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), доля сожителей в городах не меняется, в 2009 г. 14 % мужчин и 10 % женщин в возрасте 25—69 лет ответили, что они живут вместе, но не зарегистрированы, в 2023 г. — 13 и 10 %. Судя по этим данным, сожительства являются не альтернативой бракам, а скорее этапом проверки отношений.

Росстатом сожительства определяются как «незарегистрированный брак» или «незарегистрированный супружеский союз», длительность проживания партнеров не фиксируется. Называть сожительство браком неправомерно не только юридически. Так, согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 2023 г., в городах 10 % мужчин и 11 % женщин сожителей в возрасте 25—69 лет ответили, что живут вместе с партнершей/партнером, но не считают себя мужем/женой.

В 1989 г. Дания стала первой страной, в которой был принят закон, позволяющий двум людям одного пола вступать в зарегистрированные партнерские отношения [Scherpe, Nauward, 2017: 19]. Гражданское партнерство было введено для оформления отношений однополых пар и отличается от брака меньшим набором юридических прав и обязанностей. Сходные условия для регистрации партнерства в развитых странах: возраст старше 18 лет, психическое здоровье партнеров, отсутствие другого партнерства или брака, совместное проживание. Во Франции гражданское партнерство, в отличие от брака, — это подлежащий регистрации контракт между двумя людьми одного пола, в котором прописаны основные вопросы организации совместной жизни [ibid.: 153]. В Северной Ирландии эти требования к партнерам аналогичны тем, которые относятся к будущим супругам, за исключением того, что гражданские партнерства регистрируются путем подписания соглашения без каких-либо обязательных ритуалов, церемония подписания соглашения не разрешена в религиозных помещениях [ibid.: 261].

Наследственные и имущественные права партнеров, налоговые льготы, права носить одну фамилию, права на посещение в связи с госпитализацией или тюремным заключением, возможности усыновления детей, искусственного оплодотворения различаются в разных странах. Так, например, в Чехии, Италии, Эстонии, Австрии, Израиле гражданские партнерства были введены без права усыновления детей.

Гражданские партнерства отменили в тех странах, где впоследствии были узаконены однополые браки. Законы таких стран ЕС, как Болгария, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, не предусматривают регистрации партнерств [Civil unions...], несмотря на предписание Европарламента. В США в 2024 г. гражданские союзы признавали четыре штата, в других штатах после принятия законов об однополых браках они были преобразованы в законные браки [Domestic partnership... , 2023].

Браки и разводы

Динамика показателя брачности зависит от численности поколения брачного возраста. В Китае, по данным ОЭСР, в 2017 г. был самый высокий показатель брачности, в 2022 г. он уменьшился в два раза [Marriage rate...]. В России высокий показатель брачности был в 2007—2013 гг. (8,3—9,2), когда в активный брачный возраст вступило многочисленное поколение середины 1980-х гг., в последующие годы он снизился. Значительны внутристрановые различия. В США уровень брачности в разных штатах варьирует от 3,7 до 7,3 [Marriage rates by state... , 2022]. В России в 2022 г. — от 4,0 в Северо-Кавказском федеральном округе до 8,8 в Дальневосточном. Меньше всего браков заключалось в Республике Ингушетия (2,4), в Чеченской Республике (2,9), в Республике Дагестан (3,0), больше всего в Камчатском крае (10,8), в г. Санкт-Петербурге (10,4), Сахалинской области (10,0) [Демографический ежегодник... , 2023]. Различия связаны с этнорелигиозными особенностями, географическим положением, спецификой образа жизни в портовых городах и приграничных территориях.

Россия находится в числе лидеров по уровню брачности (рис. 7), и этот показатель относительно стабилен.

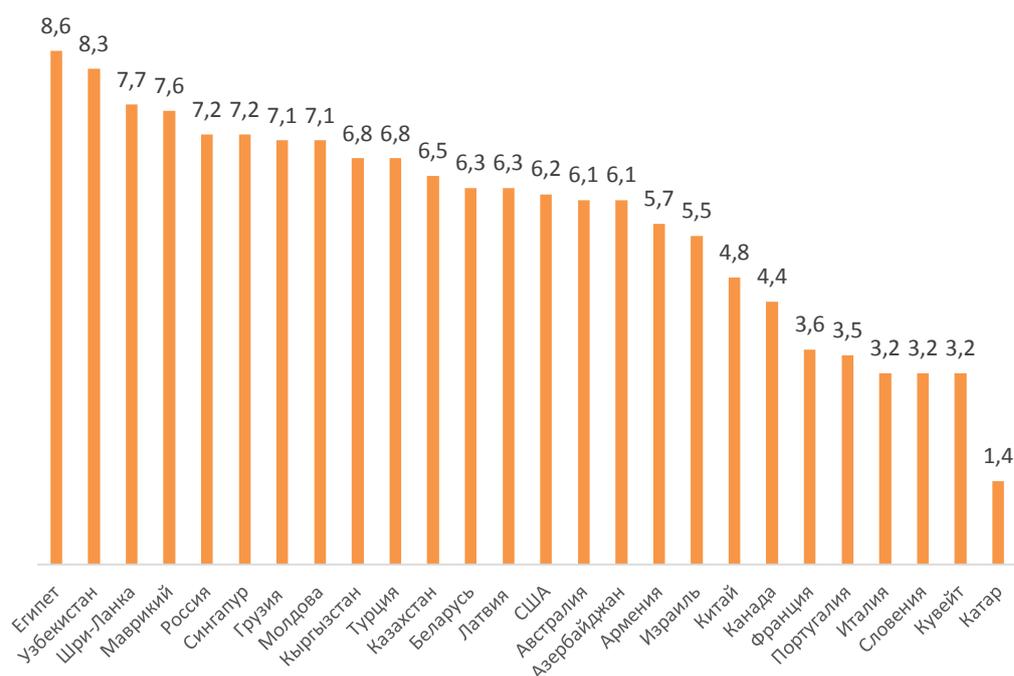

Рис. 7. Число браков на тысячу населения в 2022 г. в отдельных странах, включая постсоветские, по данным ООН [Demographic Yearbook... , 2023: 614—620], Евростата [Marriage indicators, 2022], ОЭСР [SF3.1... , 2022: 2] и Росстата [Браки... , 2023]

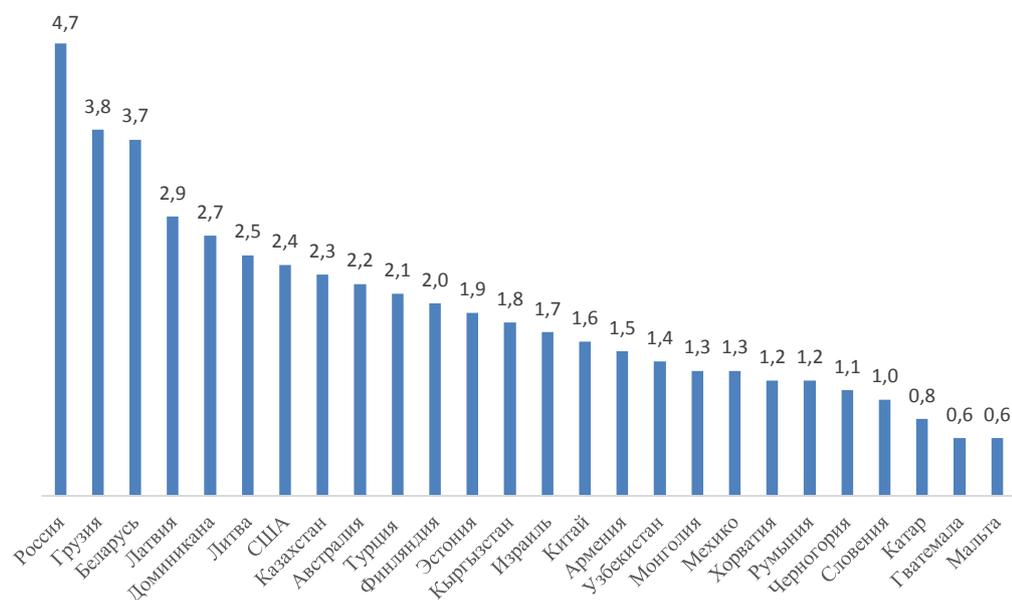

Рис. 8. Число разводов на тысячу населения в 2022 г. в отдельных странах, включая постсоветские, по данным ООН [Demographic Yearbook... , 2023: 672—677], Евростата [Crude divorce rate, 2022], ОЭСР [SF3.1... , 2022: 5] и Росстата [Браки... , 2023]

На показатель брачности и разводимости влияют и другие факторы. Так, к 2022 г. в Северо-Кавказском федеральном округе уменьшилось число браков на тысячу населения с 7,3 в 2012 г. до 4,0 в 2022 г. (в Дагестане с 7,6 до 3,0) [Демографический ежегодник... , 2014, прил. 3.1; Демографический ежегодник... , 2023, прил. 3.1]. Обряд бракосочетания никах позволяет паре проживать вместе без оформления брака в отделении загса. Внебрачные матери при отсутствии регистрации отцовства получают статус матери-одиночки и дополнительные социальные льготы, при этом сожительствуя с отцом ребенка. Внебрачная рождаемость, например, в Дагестане составила в 2022 г. 29,3 %. Увеличилось и число разводов с 2,5 в 2012 г. до 5,4 в 2022 г. (в Дагестане с 1,6 до 5,9) [Демографический ежегодник... , 2014, прил. 3.1, Демографический ежегодник... , 2023, прил. 3.1]. Большинство разводов фиктивные, что связывается экспертами Счетной палаты с введением критерия нуждаемости для выплаты пособий [Мануйлова, 2023]. Разведенные матери имеют доход ниже прожиточного минимума в регионе, не владеют собственностью, получают мизерные алименты, что позволяет проживать с бывшим мужем и получать пособия.

В России низкий уровень окончательного безбрачия и мужчин, и женщин. Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., в возрасте 50 лет и старше в городах не более 2 % мужчин и 5 % женщин никогда не состояли в браке либо супружеском союзе [Итоги... , 2020], по данным Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах 2022 г., — менее 3 % мужчин и женщин [Выборочное наблюдение доходов... , 2022].

Росстат не предоставляет статистику по повторным бракам. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в 2009 г. в городах 10 % мужчин и 7 % женщин в возрасте 25—69 лет состояли в повторном браке, в 2023 г. — 10 % мужчин и 9 % женщин [Российский мониторинг...]. То есть эта доля практически не увеличилась, и по крайней мере в России повторные браки являются показателем эволюции.

В отличие от ряда развивающихся стран, в которых высокий уровень брачности и низкий уровень разводов, и постиндустриальных, в которых распространены сожительства, невысокий уровень брачности и разводимости, в России высокий уровень и брачности, и разводимости. Высокий уровень этих показателей сохранился и в бывших советских республиках (рис. 8). Возможно, транслируется привычка предыдущих поколений к оформлению браков в целях приобретения социального статуса, лояльное отношение к разводам.

Показателем эволюции института брака, малораспространенной практикой являются однополые браки в зарубежных странах. Доля таких браков невелика — от 1 до 4 %, по данным ОЭСР-2020, больше в Австралии (3,7 %), Испании (3,5 %) и Ирландии (3,3 %) [SF3.1... , 2022: 4]. По данным переписей 2021 г., доля домохозяйств, в которых проживает однополая супружеская пара, в США 1,8 %, в Австралии 1,4 %, в Канаде 1,1 %. В Австралии, Канаде и Франции однополые пары стали чаще проживать с детьми, по-прежнему в крупных городах [Rault, 2023: 2—3].

Зарубежные ученые ввели понятие немонагамии по обоюдному согласию (*consensual non-monogamy* — CNM), обобщающий термин, который охватывает целый ряд стилей и подходов к открытому обсуждению интимных и/или сексуальных отношений с несколькими партнерами, включая открытый брак, свингинг [Gupta et al., 2024]. В России такие отношения не исследовались, представлены в кинематографе².

Удаленные браки

Показателем эволюции института брака, распространяющейся практикой можно считать удаленные браки. В это общее понятие включают браки супругов, которые не проживают постоянно в одном домохозяйстве длительный период либо периодически.

Название таких браков не устоялось, иногда используется «дистанционные браки» [Иванкова-Стецюк, 2014] или «дистантные браки» [Егоров, 2021: 121]. Однако в период пандемии понятие «дистанционные» было широко востребовано, и вероятно, нет смысла его применять для обозначения всех удаленных браков. Дистанционными можно будет называть браки, которые регистрируются на дистанции в случае принятия законодательной инициативы об упрощенной процедуре регистрации брака военнослужащими, находящимися в зоне СВО, с помощью технологий дистанционной регистрации (т. е. биометрической идентификации) [Каледина, 2024].

² Кинематограф, не углубляясь во внутренний мир главных героев, например в сериале «Открытый брак», расшатывает пока еще достаточно устойчивый институт брака в России.

Удаленные браки были и прежде, например в дореволюционной России среди дворянских семей, среди семей «отходников», т. е. крестьянских семей, мужчины в которых часто временно работали в городах, на заводах и фабриках. В советские времена раздельное проживание супругов было связано с профессиональной принадлежностью одного из них, обычно мужчины (военные, моряки, геологи, археологи, рабочие вахтового метода и др.). В двухкарьерных браках профессионалов (дипломаты, ученые и др.) супруги не могли следовать друг за другом по месту новой работы или стажировки по профессиональным соображениям.

Основным источником удаленных браков является трудовая и образовательная внутренняя или внешняя миграция. Раздельное проживание супругов может быть как вынужденным, так и добровольным. Вынужденно длительный период живут супруги, один из которых отбывает наказание или военную повинность. Выбор особой профессии, работы, связанной с длительными командировками, военной службой по контракту, можно считать добровольными причинами удаленных браков. По данным военных социологов, в России около 80 % состоящих в браке военнослужащих имели опыт дистантных отношений с супругой [Егоров, 2021: 121].

Раздельный стиль проживания в отдельных домохозяйствах намеренно периодически практикуется супругами. Было введено понятие «living apart together» (LAT), т. е. «порознь-вместе»³, как один из вариантов отношений пары наряду с браком и сожительством [Levin, Trost, 1999]. Журналисты называют такие браки «гостевые». Сверхзанятые на работе супруги в течение рабочей недели живут одни, встречаются друг с другом в выходные, в том числе и с детьми. Такие удаленные отношения практикуют в России и супруги с большим стажем совместной жизни. Для того чтобы эмпирически обозначить эту форму проживания, еще в 1980-х гг. было введено понятие «commuter marriage» (дословно: «пригородный брак»). В таких браках супруги-профессионалы проводят раздельно минимум три ночи в неделю на протяжении минимум трех месяцев [Gerstel, Gross, 1982: 72]. Один из них обычно живет в городе в течение рабочей недели, а другой супруг с детьми в пригороде.

Международные браки с иностранцами также являются источником удаленных браков, супруги в таких браках чаще какой-то период проживают раздельно, навещая своих родственников. В России изменилась география выбора супругов-иностранцев. В 1994 г. 90 % российских граждан, вступающих в брак с иностранцами, были женщины. Женихи из бывших республик СССР составляли лишь 12 %, большинство были из США, Израиля, Сирии, Германии, Югославии [Каменский, 1997: 124]. По данным Управления ЗАГС Москвы, в 2021 г. больше всего браков российских невест заключалось с гражданами Таджикистана, Азербайджана, а российских женихов — с гражданками Украины, Кыргызстана [Акимова, 2021]. В 2022 г. доля российских невест составляла 78 %, женихов — 22 %. Среди иностранных женихов из дальнего зарубежья больше всего граждан Нигерии, Турции, Афганистана, среди невест — гражданок Вьетнама, Нигерии, Афганистана [Брак... , 2022].

³ Противоположный вариант отношений — living together apart (LTA), т. е. «вместе-порознь», — типичен для супругов в предразводной ситуации, супругов-алкоголиков и т. д.

В России начиная с 1990-х гг., судя по данным выборочных исследований, доля удаленных браков увеличивалась. В связи с неравномерностью развития регионов, недостатком рабочих мест по специальности супруги или один из них стали искать работу не по месту своего проживания, т. е. браки становились транслокальными [Жидкевич, 2016; Капустина, 2020; Хилажева, 2021]. Работа, учеба, стажировка одного из российских супругов за рубежом — источник трансграничных браков. Трудовая миграция в Россию из бывших советских республик также приводит к увеличению трансграничных семей. В 2023 г. в Россию прибыло, как и в прежние годы, больше всего мигрантов из Таджикистана — 171 234, Кыргызстана — 54 162, Украины — 50 929, Армении — 48 855 [Международная миграция]. Миграционный прирост в 2022 г. был преимущественно за счет граждан Таджикистана, Украины и Молдовы [Демографический ежегодник... , 2023: 212].

Российские и зарубежные исследователи отмечают плюсы и минусы удаленных браков [Толстокорова, 2015; Борисова, 2016; Гурко, 2022: 174—176]. С одной стороны, материальный уровень домохозяйства повышается, мужья/жены осваивают женские/мужские бытовые обязанности, родитель, проживающий с ребенком, совмещает роли матери/отца. Общение супругов и родителей с детьми, остающимися на родине, происходит достаточно интенсивно с помощью современных средств связи. С другой стороны, длительное отсутствие мужа (жены) негативно сказывается на супружеской близости и взаимоотношениях с детьми.

Современное многоженство/многомужество можно определить как наличие одновременно брака в постоянном месте проживания и долговременного сожительства в другом месте проживания, городе или стране. Миграция становится одним из факторов современных полигамных отношений, транслокальные и трансграничные браки могут быть по факту полигамными. Трудовые мигранты, состоящие в браке на родине, мужчины из Таджикистана например, сожительствуют с гражданками либо мигрантками в России [Барсукова, Часовская, 2016: 7]. Отвечая на вопрос, почему в Армении так много внебрачных рождений (по данным Евростата, 33 % в 2021 г.), коллега-социолог из Армении пояснил ситуацию. Одни армянские мужчины создают вторые семьи на родине, разумеется не регистрируя отношения. Многие трудовые мигранты, которые выезжают в поисках работы, разводятся с семьей на родине из практических соображений обустройства в другой стране и получения там гражданства. Дети, рождающиеся от таких сезонно приезжающих-уезжающих отцов, регистрируются на родине как внебрачные.

Современное многоженство не исключает и бытовавшего прежде. Так, женщины в Дагестане «готовы связать себя браком с несвободным мужчиной, что объясняют желанием иметь ребенка в законном с точки зрения мусульманского правила брачном союзе». С одной стороны, они оправдывают институт многоженства, с другой — не готовы смириться с существованием параллельно «второй жены и второй семьи» [Загирова, 2022: 32].

Заключение

По оценкам и жен, и мужей в возрасте 25—44 лет, имеющих несовершеннолетних детей, большее количество мужей, нежели жен, вносят значительный вклад в семейный бюджет. Затраты времени жен на домашние дела и занятия с детьми заметно больше, нежели мужей. Такой дисбаланс необязательно несправедлив и может вполне устраивать супругов в случае совпадения ролевых ожиданий в парах. Разница в затратах времени жен с высшим образованием и их мужей на домашнюю работу и занятия с детьми меньше, нежели в целом по выборке. Эгалитаризация супружеских ролей активнее происходит в браках супругов с высшим образованием.

Затраты времени на занятия с детьми и матерей, и отцов и в будни, и в выходные дни не связаны с числом детей, уровнем образования и материальной обеспеченностью домохозяйства. Идеология интенсивного родительства распространяется среди всех социальных групп.

В отличие от ряда развивающихся стран с высоким уровнем брачности и низким уровнем разводов и постиндустриальных, в которых распространены сожительства, невысокий уровень брачности и разводимости, в России высокий уровень и брачности, и разводимости, низкий уровень окончательного безбрачия и мужчин, и женщин, пропорция состоящих в повторном браке стабильна. Доля сожителей в возрасте 25—69 лет в городах практически не изменялась с 2009 по 2023 г. Сожительства выступают не альтернативой бракам в России, а скорее этапом проверки отношений.

Показателем эволюции института брака, распространяющейся практикой в условиях активной внутренней и внешней миграции являются удаленные браки. Особенности транслокальных и трансграничных браков, браков военных за редким исключением изучены мало, так же как и другие варианты вынужденного или добровольного раздельного проживания супругов.

Список источников

- Акимова Е. Таджики стали самыми популярными женихами Москвы, а украинки — невестами // Комсомольская правда. 2021. 27 мая. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4308294/> (дата обращения: 31.08.2024).
- Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4. С. 65—102.
- Барсукова Т. И., Часовская Л. А. Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 7—12.
- Борисова Е. В. Родительство на расстоянии: транснациональные практики в семьях мигрантов из Таджикистана // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 228—245.
- Брак с иностранцем: статистика Москвы // ЗАГС: журнал. 2022. № 1. URL: <https://panor.ru/articles/brak-s-inostrantsem-statistika-moskvy/76472.html#> (дата обращения: 30.08.2024).
- Браки и разводы // Федеральная служба государственной статистики. Разд.: Демография. 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.02.2025).

- Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах — 2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: 2022. https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2022/index.html (дата обращения: 21.08.2024).
- Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики. 2022. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 11.07.2024).
- Гурко Т. А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58—69.
- Гурко Т. А. Применение понятий теории семейного стресса в зарубежных исследованиях // Социологический журнал. 2022. Т. 28, № 3. С. 166—183.
- Демографический ежегодник России, 2014: статистический сборник / Росстат. М., 2014. 263 с.
- Демографический ежегодник России, 2023: статистический сборник / Росстат. М., 2023. 256 с.
- Жидкевич Н. Н. Социальный портрет современного российского отходника // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 1. С. 73—89.
- Загирова Э. М. Многоженство в семейно-брачной сфере народов Дагестана: историко-социологический анализ // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5, № 1. С. 32—40.
- Задворнова Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51—58.
- Евстифеева Г. Г. Гендерная структура домашнего труда в городской семье // Регионоведение. 2013. № 1. С. 93—96.
- Егоров А. В. Семья военнослужащего в представлениях военной социологии // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 2. С. 119—122.
- Иванкова-Стецюк О. Б. Проблемы и перспективы дистанционных семей: (по материалам социологических исследований) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2014. № 3. С. 102—109.
- Итоги Всероссийской переписи населения — 2020. Т. 2. Табл. 5: Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 21.08.2024).
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 36—65.
- Каледина А. Военно-полевая свадьба: браки участников СВО предложили заключать онлайн и по биометрии // Известия. 2024. 23 мая. URL: <https://iz.ru/1700688/anna-kaledina/voenno-polevaia-svadba-braki-uchastnikov-svo-predlozhili-zakliuchat-onlain-i-po-biometrii> (дата обращения: 10.07.2024).
- Каменский А. Н. Женская брачная миграция как аспект гендерных исследований // Материалы первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М.: МЦГИ, 1997. С. 121—124.
- Капустина Е. Л. Свадьба трансмигранта: некоторые аспекты изучения транслокальности в современном Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16, № 4. С. 1083—1098.
- Караханова Т. М. Домашний труд и быт городских жителей, 1965—1998 гг. // Социологический журнал. 1999. № 3—4. С. 135—140.
- Караханова Т. М. Домашний труд как потребительская деятельность // Вестник Института социологии. 2014. Т. 5, № 1. С. 108—130.

- Клецин А. А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 2. С. 120—136.
- Мануйлова А. Единое пособие разводам не верит // Коммерсантъ. 2023. 1 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6367356> (дата обращения: 20.02.2024).
- Международная миграция. Разд.: Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.07.2024).
- О внесении изменений в ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях): законопроект № 539969-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество» / Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. 2024. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 25.02.2024).
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>; <https://www.hse.ru/org/hse/rlms> (дата обращения: 31.08.2024).
- Толстокорова А. В. Женская трудовая миграция на Украине и ее последствия // Народонаселение. 2015. № 3. С. 30—38.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный статус женщин в российском обществе (1992—2022) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 3—19.
- Хилажева Г. Ф. Современная семья в контексте транслокальной миграции: (на примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 68—82.
- Afary J., Friedland R. The practice of informal marriages in the Muslim world: a comparative portrait // British Journal of Middle Eastern Studies. 2023. Vol. 51, iss. 5. P. 1—23.
- Cherlin A. J. The deinstitutionalization of American marriage // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66, № 4. P. 848—861.
- Cherlin A. J. Degrees of change: an assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis // Journal of Marriage and Family. 2020, Vol. 82, № 1. P. 62—80.
- Civil unions and registered partnerships // Your Europe. URL: https://europa.eu/youreurope/citizens/family/couple/registered-partners/index_en.htm (дата обращения: 11.07.2024).
- Crude divorce rate // Eurostat. 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00216/default/table?lang=en&category=t_demo.t_demo_nup (дата обращения: 11.07.2024).
- Demographic Yearbook 2022. New York: Statistics Division of United Nations, 2023. 811 p.
- Domestic partnership vs. civil union: what's the difference? // Hello Divorce. 2023. July 18. URL: <https://hellodivorce.com/relationships/domestic-partnership-vs-civil-union#beforegay> (дата обращения: 11.07.2024).
- Erkoç B. T. A secret marriage and denied rights: a critique from an Islamic law perspective // Religions. 2023. Vol. 14, № 4. P. 463—478.
- Gerstel N., Gross H. E. Commuter marriages: a review // Marriage and Family Review. 1982. Vol. 5, № 2. P. 71—93.
- Gupta S., Tarantino M., Sanner C. A scoping review of research on polyamory and consensual non-monogamy: implications for a more inclusive family science // Journal of Family Theory and Review. 2024. Vol. 16, № 2. P. 151—190.

- Jänterrä-Jareborg M., Brattström M., Eriksson L. M.* Sweden Informal Relationships: Swedish National Report. 2015. March. URL: <http://ceflonline.net/wp-content/uploads/Sweden-IR-Legislation.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).
- Kok J., Leinarte D.* Cohabitation in Europe: a revenge of history? // *The History of the Family*. 2015. Vol. 20, № 4. P. 489—514.
- Levin I., Trost J.* Living apart together // *Community, Work and Family*. 1999. Vol. 2, № 3. P. 279—294.
- Marriage indicators // Eurostat. 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_nind/default/table?lang=en&category=demo.demo_nup (дата обращения: 11.07.2024).
- Marriage rate in China 2000—2022 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1055659/china-marriage-rate/> (дата обращения: 11.07.2024).
- Marriage rates by state: 2019—2022 // National Center for Health Statistics. USA. 2022. URL: https://www.cdc.gov/nchs/pressroom/sosmap/marriage_by_state/marriage_rates.htm (дата обращения: 11.08.2024).
- Married or living together // Dienst Uitvoering Onderwijs. URL: <https://www.duo.nl/particulier/married-or-livingtogether/ether.jsp> (дата обращения: 11.07.2024).
- Rault W.* Same-sex unions in high-income countries: more widely recognized and more frequent // *Population and Societies*. 2023. № 607. P. 1—4.
- Scherpe J. M., Hayward A.* The Future of Registered Partnerships: Family Recognition Beyond Marriage? Cambridge: Intersentia, 2017. 594 p.
- SF3.1: Marriage and divorce rates // OECD Family Database. 2022. URL: <https://web.archive.oecd.org/temp/2024-06-21/69263-database.htm> (дата обращения: 11.07.2024).
- SF3.3: Cohabitation rate and prevalence of other forms of partnership // OECD Family Database. 2016. URL: <https://web.archive.oecd.org/temp/2024-06-21/69263-database.htm> (дата обращения: 11.07.2024).
- Sheibani M.* Deceptive debauchery: secret marriage and the challenge of legalism in Muslim-minority communities // *Religions*. 2023. Vol. 15, № 10. P. 1—10.
- Trost J.* Married and unmarried cohabitation: the case of Sweden with some comparisons // *Journal of Marriage and Family*. 1975. Vol. 37, № 3. P. 677—682.

References

- Afary, J., Friedland, R. (2023) The practice of informal marriages in the Muslim world: a comparative portrait, *British Journal of Middle Eastern Studies*, vol. 51, iss. 5, pp. 1—23.
- Akimova, E. (2021) Tadzhiki stali samymi populiarnymi zhenikhami Moskvy, a ukrainki — nevestami [Tajiks have become the most popular grooms in Moscow, and Ukrainians have become brides], *Komsomol'skaia pravda*, 27 maia, available from <https://www.kp.ru/online/news/4308294/> (accessed 31.08.2024).
- Barsukova, S. Yu., Radaev, V. V. (2000) Legenda o genere. Printsipy raspredeleniia truda mezhdu suprugami v sovremennoĭ gorodskoĭ sem'e [The legend of gender. Principles of the distribution of labor between spouses in a modern urban family], *Mir Rossii*, no. 4, pp. 65—102.
- Barsukova, T. I., Chasovskaya, L. A. (2016) Transformatsiia semeĭno-brachnogo povedeniia trudovykh migrantov [Transformation of marital behavior of migrant workers], *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 7, pp. 7—12.

- Borisova, E. V. (2016) Roditel'stvo na rasstoianii: transnatsional'nye praktiki v sem'iakh migrantov iz Tadjikistana [Long-distance parenting: transnational practices in migrant families from Tajikistan], *Antropologicheskii forum*, no. 28, pp. 228—245.
- Brak s inostrantsem: statistika Moskvy (2022) [Marriage with a foreigner: Moscow statistics], ZAGS: Zhurnal, no. 1, available from <https://panor.ru/articles/brak-s-inostrantsem-statistika-moskvy/76472.html#> (accessed 30.08.2024).
- Braki i razvody (2023) [Marriages and divorces], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki*, pt.: Demografiia, available from <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed 17.02.2025).
- Cherlin, A. J. (2004) The deinstitutionalization of American marriage, *Journal of Marriage and Family*, vol. 66, no. 4, pp. 848—861.
- Cherlin, A. J. (2020) Degrees of change: an assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis, *Journal of Marriage and Family*, vol. 82, no. 1, pp. 62—80.
- Civil unions and registered partnerships, *Your Europe*, available from https://europa.eu/youreurope/citizens/family/couple/registered-partners/index_en.htm (accessed 11.07.2024).
- Crude divorce rate (2022), *Eurostat*, available from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00216/default/table?lang=en&category=t_demo.t_demo_nup (accessed 11.07.2024).
- Demographic Yearbook 2022* (2023), New York: Statistics Division of United Nations.
- Demograficheskii ezhegodnik Rossii, 2014: Statisticheskii sbornik* (2014) [Demographic yearbook of Russia, 2014: Statistical collection], Rosstat, Moscow.
- Demograficheskii ezhegodnik Rossii, 2023: Statisticheskii sbornik* (2023) [Demographic yearbook of Russia, 2023: Statistical collection], Rosstat, Moscow.
- Domestic partnership vs. civil union: What's the difference? (2023), *Hello Divorce*, July 18, available from <https://hellodivorce.com/relationships/domestic-partnership-vs-civil-union#beforegay> (accessed 11.07.2024).
- Egorov, A. V. (2021) Sem'ia voennosluzhashchego v predstavleniakh voennoi sotsiologii [The family of a serviceman in the concepts of military sociology], *Izvestiia Saratovskogo voennogo instituta voisk natsional'noi gvardii*, no. 2, pp. 119—122.
- Erkoç, B. T. (2023) A secret marriage and denied rights: a critique from an Islamic law perspective, *Religions*, vol. 14, no. 4, pp. 463—478.
- Evstifeeva, G. G. (2013) Gendernaia struktura domashnego truda v gorodskoi sem'e [The gender structure of domestic work in an urban family], *Regionologiya*, no. 1, pp. 93—96.
- Gerstel, N., Gross, H. E. (1982) Commuter marriages: a review, *Marriage and Family Review*, vol. 5, no. 2, pp. 71—93.
- Gupta, S., Tarantino, M., Sanner, C. (2024) A scoping review of research on polyamory and consensual non-monogamy: implications for a more inclusive family science, *Journal of Family Theory and Review*, vol. 16, no. 2, pp. 151—190.
- Gurko, T. A. (2021) Èvoliutsiia i transformatsiia instituta braka: analiz èmpiricheskikh indikatorov [The evolution and transformation of the institution of marriage: an analysis of empirical indicators], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 58—69.
- Gurko, T. A. (2022) Primenenie poniatii teorii semeinogo stressa v zarubezhnykh issledovaniakh [The application of ideas of family stress theory in foreign research], *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 28, no. 3, pp. 166—183.
- Ivankova-Stetsyuk, O. B. (2014) Problemy i perspektivy distantsionnykh semei: (Po materialam sotsiologicheskikh issledovaniĭ) [Problems and prospects of remote families: (Based on the materials of sociological research)], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, seriia Sotsial'nye nauki*, no. 3, pp. 102—109.

- Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia — 2020 (2020) [The results of the All-Russian Population Census — 2020], vol. 2, tablitsa 5: Naselenie po vozrastu, polu i sostoiianiiu v brake po sub'ektam Rossiiskoi Federatsii, *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki*, available from https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (accessed 30.07.2024).
- Jänterrä-Jareborg, M., Brattström, M., Eriksson, L. M. (2015) *Sweden Informal Relationships: Swedish National Report*, March, available from <http://ceflonline.net/wp-content/uploads/Sweden-IR-Legislation.pdf> (accessed 11.07.2024).
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, J. K. (2018) Otsenka transfertov vremeni vnutri domokhoziaistv [Estimation of time transfers within households], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 6, no. 4, pp. 36—65.
- Kaledina, A. (2024) Voенно-polevaia svad'ba: braki uchastnikov SVO predlozhili zakliuchat' onlain i po biometrii [Military field wedding: marriages of participants in a special military operation were offered to be concluded online and by biometrics], *Izvestiia*, 23 maia, available from <https://iz.ru/1700688/anna-kaledina/voенно-polevaia-svadba-braki-uchastnikov-svo-predlozhili-zakliuchat-onlain-i-po-biometrii> (accessed 10.07.2024).
- Kamensky, A. N. (1997) Zhenskaia brachnaia migratsiia kak aspekt gendernykh issledovaniĭ [Marriage-related migration of women from Russia], in: *Materialy pervoi rossiiskoi letnei shkoly po zhenskim i gendernym issledovaniiam "Valdaĭ"*, Moscow: Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, pp. 121—124.
- Kapustina, E. L. (2020) Svad'ba transmigranta: nekotorye aspekty izuchenii translokal'nosti v sovremennom Dagestane [Transmigrant's wedding: Some aspects of studying translocality in modern Dagestan], *Istoriia, arkheologii i etnografiia Kavkaza*, vol. 16, no. 4, pp. 1083—1098.
- Karakhanova, T. M. (1999) Domashnii trud i byt gorodskikh zhitelei, 1965—1998 [Domestic work and life of urban residents: 1965—1998], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3—4, pp. 135—140.
- Karakhanova, T. M. (2014) Domashnii trud kak potrebitel'skaia deiatel'nost' [Domestic work as consumption behavior], *Vestnik instituta sotsiologii*, vol. 5, no. 1, pp. 108—130.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Sotsial'nyi status zhenshchin v rossiiskom obshchestve (1992—2022) [The social status of women in Russian society (1992—2022)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—19.
- Khilazheva, G. F. (2021) Sovremennaia sem'ia v kontekste translokal'noi migratsii: (Na primere semei vakhtovykh migrantov Bashkortostana) [The modern family in the context of translocal migration: (On the example of families of shift migrants in Bashkortostan)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 68—82.
- Kletsin, A. A. (2003) Raspredelenie domashnikh obiazannostei mezhdū suprugami: fakty, problemy, interpretatsii [The distribution of household responsibilities between spouses: facts, problems, interpretations], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 6, no. 2, pp. 120—136.
- Kok, J., Leinarte, D. (2015) Cohabitation in Europe: a revenge of history?, *The History of the Family*, vol. 20, no. 4, pp. 489—514.
- Levin, I., Trost, J. (1999) Living apart together, *Community, Work and Family*, vol. 2, no. 3, pp. 279—294.
- Manuilova, A. (2023) Edinoe posobie razvodam ne verit [The uniform allowance does not believe in divorces], *Kommersant*, 1 dekabria, available from <https://www.kommersant.ru/doc/6367356> (accessed 20.02.2024).
- Marriage indicators (2022), *Eurostat*, available from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_nind/default/table?lang=en&category=demo.demo_nup (accessed 11.07.2024).

- Marriage rate in China 2000—2022, *Statista*, available from <https://www.statista.com/statistics/1055659/china-marriage-rate/> (accessed 11.07.2024).
- Marriage rates by state: 2019—2022 (2022), *National Center for Health Statistics*, USA, available from https://www.cdc.gov/nchs/pressroom/sosmap/marriage_by_state/marriage_rates.htm (accessed 11.07.2024).
- Married or living together, *Dienst Uitvoering Onderwijs*, available from <https://www.duo.nl/particulier/married-or-livingtogether.jsp> (accessed 11.07.2024).
- Mezhdunarodnaia migratsiia [International migration], pt.: Demografiia, *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoĭ statistiki*, available from <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed 30.07.2024).
- Rault, W. (2023) Same-sex unions in high-income countries: more widely recognized and more frequent, *Population and Societies*, no. 607, pp. 1—4.
- Rossiiskii monitoring ekonomicheskogo polozheniia i zdorov'ia naseleniia NIU VShĖ (RLMS-HSE), *provodimyĭ Natsional'nym issledovatel'skim universitetom "Vysshiaia shkola ekonomiki" i OOO "Demoskop" pri uchastii Tsentra narodonaseleniia Universiteta Severnoĭ Karoliny v Chapel Khille i Instituta sotsiologii Federal'nogo nauchno-issledovatel'skogo sotsiologicheskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Russia Longitudinal Monitoring survey, RLMS-HSE, conducted by National Research University "Higher School of Economics" and OOO "Demoscope" together with Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences], available from <https://rlms-hse.cpc.unc.edu/>; <https://www.hse.ru/org/hse/rlms> (accessed 31.08.2024).
- Scherpe, J. M., Hayward, A. (2017) *The Future of Registered Partnerships: Family Recognition Beyond Marriage?*, Cambridge: Intersentia.
- SF3.1: Marriage and divorce rates (2022), *OECD Family Database*, available from <https://web-archive.oecd.org/temp/2024-06-21/69263-database.htm> (accessed 11.07.2024).
- SF3.3: Cohabitation rate and prevalence of other forms of partnership (2016), *OECD Family Database*, available from <https://web-archive.oecd.org/temp/2024-06-21/69263-database.htm> (accessed 11.07.2024).
- Sheibani, M. (2023) Deceptive debauchery: Secret marriage and the challenge of legalism in Muslim-minority communities, *Religions*, vol. 15, no. 10, pp. 1—10.
- Tolstokorova, A. V. (2015) Zhenskaia trudovaia migratsiia na Ukraine i eĭ posledstviia [Women's labor migration in Ukraine and its consequences], *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 30—38.
- Trost, J. (1975) Married and unmarried cohabitation: The case of Sweden with some comparisons, *Journal of Marriage and Family*, vol. 37, no. 3, pp. 677—682.
- Vyborochnoe nabludenie dokhodov naseleniia i uchastiia v sotsial'nykh programmakh — 2022 (2022) [Statistical Survey of Income and Participation in Social Programs — 2022], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoĭ statistiki*, available from https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2022/index.html (accessed 11.08.2024).
- Vyborochnoe nabludenie reproduktivnykh planov naseleniia — 2022 (2022) [Selective observation of the reproductive plans of the population — 2022], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoĭ statistiki*, available from https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (accessed 11.07.2024).
- Zadvornova, Yu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian family: gender stereotypes and current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.

- Zagirova, E. M. (2022) Mnogozhënstvo v semeïno-brachnoï sfere narodov Dagestana: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Polygamy in family and marriage sphere of the peoples of Dagestan: historical and socio-logical analysis], *Caucasian Science Bridge*, vol. 5, no. 1, pp. 32—40.
- Zhidkevich, N. N. (2016) Sotsial'nyï portret sovremennogo rossiïskogo otkhodnika [Domestic temporary labor migrants in Russia: a social portrait], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoï antropologii*, vol. 19, no. 1, pp. 73—89.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 28.04.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Гурко Татьяна Александровна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, tgurko@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 35—47.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 35—47.

Научная статья

УДК 316.356.2-053.81

EDN: <https://elibrary.ru/modupz>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.3

**МЕЖПОКОЛЕННАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ
СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ:
АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ**

Пётр Яковлевич Циткилов

Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия, petrcitkilov@yandex.ru

Аннотация. На основе авторского социологического исследования «Состояние российской семьи», проведенного в декабре 2023 — феврале 2024 г. в четырех субъектах юга России, показана специфика межпоколенной трансляции семейных ценностей через их восприятие студенческой молодежью данного региона. В концептуальном плане дано обоснование трех теоретических подходов к анализу и оценке межпоколенной передачи ценностных установок семьи: кризисного, модернизационного и поляризационного (амбивалентного). В реальной действительности эти подходы обладают динамичностью. Состояние позитивной модернизации в сфере межпоколенной ценностной трансляции может приобретать неустойчивый поляризационный характер, а затем трансформироваться в кризисное, деструктивное состояние. Во многом это зависит от нравственного, воспитательного потенциала семьи, государственного целеполагания и активности гражданского общества. Исследование показало, что поляризация мнения студентов по проблеме межпоколенной передачи семейных ценностей проявилась в сочетании в сознании респондентов либеральной и традиционной мировоззренческих установок. Эмпирическим выражением этого стали соответствующие смысловые индикаторы, проанализированные в статье.

Ключевые слова: семейные ценности, студенческая молодежь, поляризационный (амбивалентный) конструкт, межпоколенная трансляция, смысловые индикаторы

Для цитирования: Циткилов П. Я. Межпоколенная трансляция семейных ценностей: анализ социологического исследования студенческой молодежи юга России // *Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 35—47.*

Original article

**INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF FAMILY VALUES
AMONG STUDENTS IN THE SOUTH OF RUSSIA:
AN ANALYSIS OF A SOCIOLOGICAL STUDY**

Petr Ya. Tsitkilov

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation, petrcitkilov@yandex.ru

Abstract. Based on the author's sociological study "The State of the Russian Family", conducted in December 2023 — February 2024 in four regions of the South of Russia, the specifics of the intergenerational transmission of family values through their perception by students in this region are shown. In conceptual terms, a rationale is given for three theoretical approaches to the analysis and assessment of the intergenerational transmission of family value attitudes: crisis, modernization and polarization (ambivalent). In reality, these approaches are dynamic. The state of positive modernization in the field of intergenerational value transmission can acquire an unstable polarization character, and then transform into a crisis and destructive state. This largely depends on the moral, educational potential of the family, state goal-setting and the activity of civil society. The study showed that the polarization of students' opinions on the problem of intergenerational transmission of family values was manifested in a combination of liberal and traditional ideological attitudes in the minds of respondents. The empirical expression of this was the certain semantic indicators analyzed in this article. The liberal ideological trajectory was expressed in the following indicators: the students' attitude to having few children with a predominance of one child; their perception of abortions; the attitude to the practice of depriving parents of parental rights in dysfunctional families, etc. The following indicators testified to the traditional ideological attitude in the perception of students: the perception of family as a priority value in life; recognition of the importance of religion in the institutional strengthening of the family; observance of the family hierarchy in relations between children and parents, etc. The article formulates general conclusions and defines some measures aimed at strengthening the intergenerational transmission of family values.

Key words: family values, students, youth, polarization (ambivalent) construct, intergenerational transmission, semantic indicators

For citation: Tsitkilov, P. Ya. (2025) Mezhpokolennaia translyatsiia semeinykh tsennostey: analiz sotsiologicheskogo issledovaniia studencheskoï molodëzhi iuga Rossii [Intergenerational transmission of family values among students in the South of Russia: an analysis of a sociological study], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 35—47.

Введение, обзор литературы

Актуальность исследования определяется, во-первых, состоянием демографического неблагополучия в нашей стране. Оно усиливает потребность в формировании в новых поколениях устойчивых фамилистских установок детности и брачности. А достичь этого невозможно без позитивной межпоколенной трансляции семейных ценностей. Во-вторых, значимость рассматриваемой темы определяется выбором *объекта исследования*. Студенчество справедливо называют

«социально продвинутой группой, формирующей образ будущего и несущей функцию его социального воспроизводства» [Бурмыкина, 2019: 138]. Важно, чтобы этот образ включал в себя престижность семьи и детности.

При оценке состояния межпоколенной трансляции можно выделить некоторые концептуальные подходы. *Первая концепция (кризисная)* исходит из того, что данный процесс крайне осложнен, способствует углублению кризисного состояния института семьи и общества в целом (см., напр.: [Schout, Jong, 2018; Свадьбина, Немова, 2023]). Американский исследователь П. Фейган главным фактором кризисных тенденций и упадка института брака называл «ослабление связей между поколениями, на которых базируется общество»¹.

Профессор МГУ А. И. Антонов оценивает состояние института семьи и межпоколенной трансляции семейных ценностей как кризисное. Более того, он констатирует определенное разрушение института семьи². Известный социолог А. Б. Синельников считает, что обособление поколений в современных семьях способствует снижению рождаемости и выступает одним из проявлений добровольного отделения супружества от родительства [Синельников, 2022]. В этом он видит симптом институционального кризиса российской семьи.

Вторая концепция (модернизационная) исходит из того, что общество и семья позитивно трансформируются в сторону большей свободы, демократии и индивидуального самовыражения, меняя характер межпоколенной трансляции, что вполне нормально, так как способствует прогрессу (см., напр.: [Inglehart, 2018; Вишневский, 2019]). Американский антрополог Д. Шнайдер полагал, что родство, межпоколенная связь «перестают существовать» и изучать их можно лишь «как символическую систему» [Schneider, 2007: 18]. По мнению российских исследователей Б. М. Бим-Бада и С. Н. Гаврова, ценностные устои семьи модернизируются под влиянием современной «потребительской цивилизации», что следует воспринимать как неизбежность [Бим-Бад, Гавров, 2010].

Третий подход (поляризационный или амбивалентный) предполагает нарастание противоречий в межпоколенной трансляции семейных ценностей, что сдерживает консолидацию общества, но априорно не ввергает институт семьи в кризис (см., напр.: [Kureg, 2018; Карпова, 2019]). Американская исследовательница А. Марьянски считает, что родство и связанная с ним межпоколенная передача семейных ценностей претерпевают изменения, которые могут быть противоречивыми. По ее мнению, отказ воспринимать их в качестве одного из важнейших аспектов изучения семейной жизни является «неосновательной линией рассуждений» [Maryanski, 2021].

О противоречивом характере процесса передачи семейных ценностей от старших поколений к младшим свидетельствует несоответствие между фамилистскими устремлениями, доминирующими в общественном сознании, и реальным репродуктивным поведением населения, состоянием брачности в России [Карпова,

¹ Fagan P. The quiet family killer: pornography and marriage // Townhall.com. 2009. December 7. URL: https://townhall.com/columnists/patrickffagan/2009/12/07/the_quiet_family_killer_pornography_and_marriage-n815443 (дата обращения: 01.03.2025).

² Анатолий Антонов: «Институт семьи в России давно разрушен»: интервью профессора МГУ А. И. Антонова «Реальному времени», 18 мая 2019 г. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/139418-anatoliy-antonov-o-demograficheskom-krizise-i-krizise-semi?ysclid=m84nxbnn801116338> (дата обращения: 07.03.2025).

2019: 124]. Тенденцию ослабления межпоколенной трансляции семейных ценностей подтверждают исследования, проведенные учеными под руководством видного специалиста по проблемам социологии молодежи Ю. А. Зубок [Зубок и др., 2021: 50]. По их данным, ценностная установка на продолжение себя в будущих поколениях была значимой лишь для менее трети респондентов.

Авторитетная исследовательница Т. А. Гурко полагает, что в межпоколенной ценностной трансляции и в трансформации института родства можно наблюдать сочетание традиционных и инновационных начал [Гурко, 2024: 54]. Оно содержит в себе некоторые риски поляризации восприятия.

Противоречивый характер передачи семейных ценностей во многом свойствен студенческой молодежи. Как отмечает социолог О. Н. Бурмыкина, у студентов «активному, рациональному началу почти в той же мере противостоят пассивность и эгоцентризм» [Бурмыкина, 2019: 137].

Целью статьи является изучение отношения студенчества юга России к процессу межпоколенной трансляции семейных ценностей как фактору обеспечения институциональной устойчивости семьи.

Постановка задачи, выдвижение гипотезы

Цель авторского социологического исследования заключалась в выявлении и изучении мнения студенческой молодежи об особенностях межпоколенной передачи семейных ценностей. Его *задачами* стали: рассмотрение состояния изученности проблемы в зарубежной и отечественной литературе; проведение социологического опроса по данной теме и обобщение его результатов; определение мнения студентов о специфике межпоколенной трансляции семейных ценностей с учетом поляризации их представлений в пределах либеральной и традиционной мировоззренческих траекторий.

Исходной гипотезой явилось предположение о том, что в студенческом восприятии межпоколенной передачи семейных ценностей преобладающим может стать *поляризационный (амбивалентный) конструкт*. Смысловое содержание его заключается в противоречивом сочетании в сознании респондентов либеральной и традиционной мировоззренческих установок, каждая из которых находит свое выражение в определенных индикаторах.

Методы исследования

В статье использованы результаты социологического исследования «Состояние российской семьи», проведенного нами в декабре 2023 — феврале 2024 г. в четырех субъектах юга России (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края, Республика Крым). Эмпирическая база включала в себя результаты опроса студентов очного отделения 12 вузов и вузовских филиалов данного региона³.

³ Южный федеральный университет, Донской государственный технический университет, Ростовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Кубанский государственный университет, Кубанский государственный аграрный университет, Таганрогский институт управления и экономики, Ставропольский государственный аграрный университет, Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт Донского государственного аграрного университета, Севастопольский государственный университет и др.

Теоретическую основу исследования составили фамилистическая (А. Г. Харчев [Харчев, 1979], А. И. Антонов [Антонов, 2016]) и аксиологическая (М. Рокич [Rokeach, 1973], В. А. Ядов [Ядов, 1979]) научные концепции осмысления процесса межпоколенной трансляции семейных ценностей. Их применение позволило рассмотреть состояние преемственности в передаче ценностных установок от поколения к поколению в сочетании с социокультурной спецификой, раскрывающей многообразие семейных типов, при ведущей роли эмоциональной коммуникации.

С помощью *конструктивистского подхода* были проанализированы различные концепции состояния межпоколенной трансляции семейных ценностей (кризисная, модернизационная и поляризационная). Они рассматривались в виде социальных конструктов, влияющих на отношение студентов к процессам межпоколенного взаимодействия и ценностного восприятия.

Объем выборочной совокупности — 721 студент очной формы обучения. Отклонение результатов от тех, которые могли быть получены при опросе генеральной совокупности (198 тыс. студентов) не превысило в целом по выборке 3,6 %. Основным методом исследования стал анкетный опрос. Его способами были раздаточный опрос в аудиториях, общежитиях, квартирах проживания студенческой молодежи и онлайн-опрос студентов на сайтах в Интернете с использованием сервисов Google Forms и др. Первым способом опрошены 34,6 % респондентов, а вторым — 65,4 %.

В ходе исследования использовалась комплексная выборка — серийная (гнездовая) и квотная. В первом случае из генеральной совокупности выбирались гнезда в виде студенческих групп определенных курсов, комнат в студенческих общежитиях. Квотная выборка предполагала выделение квот по половому и возрастному признакам. Из общего количества опрошенных студентов 48 % составляли лица мужского пола и 52 % — женского. Младше 20 лет было 390 респондентов, или 54 %, а 20 лет и старше — 331 (46 %).

Результаты исследования

Социологический опрос студентов юга России о межпоколенной трансляции семейных ценностей подтвердил противоречивый характер сочетания в сознании российской молодежи *либеральной и традиционной мировоззренческих траекторий*. Первая из них включает в себя следующие смысловые индикаторы: отношение студентов к малолетности с преобладанием однодетности; восприятие ими аборт; отношение к практике лишения родительских прав в неблагополучных семьях и др. Традиционная мировоззренческая установка проявляется в позитивном отношении респондентов к таким индикаторам, как восприятие семьи в качестве приоритетной жизненной ценности; признание значимости религии в институциональном укреплении семьи; соблюдение семейной иерархии в отношениях между детьми и родителями и др.

В ответах на вопрос анкеты об отношении к *доминированию в России малолетних семей, преимущественно однодетных*, почти 37 % (36,9 %) из числа опрошенных студентов южнороссийского региона выразили положительное отношение к данной тенденции, 45,3 % — нейтральное и лишь 17,8 % — негативное.

В гендерном плане ответы респондентов содержали определенные отличия. Количество женщин, позитивно относившихся к доминированию в Российской Федерации малодетности с преобладанием однодетности, было на 3,4 п. п. меньше, чем мужчин (35,2 и 38,6 %). Такое различие связано с тем, что женщины, реализуя репродуктивную функцию семьи, острее мужчин осознают проблемные стороны однодетности.

Исследование студентов южнороссийского региона показало, что они в своем большинстве *терпимо относятся к абортам*. Положительно аборт восприняли 23,6 %. Еще 38,7 % респондентов высказали нейтральное отношение, что в совокупности составило 62,3 %. Отрицательно к абортам отнеслись немногим более трети опрошенных студентов (37,7 %).

Примерно одинаковое число респондентов полагали, что в нашей стране нужно на государственном уровне принимать меры, направленные на уменьшение числа аборт, и что этого делать не нужно. За принятие мер высказались 42,4 %, а против — 39,2 %. Еще 18,4 % опрошенных студентов затруднились ответить. Эти результаты свидетельствуют о поляризации в восприятии студентов.

Выражением либерализации сознания значительной части студенческой молодежи является их *отношение к лишению родительских прав в неблагополучных семьях*. На вопрос анкеты о том, является ли оно приоритетной мерой защиты ребенка, явное большинство респондентов (51,6 %) ответили «да». Не согласились с этим 25,0 % опрошенных студентов, 23,4 % затруднились дать определенный ответ. В реальной жизни лишение родительских прав далеко не всегда оправданно. Не это должно быть приоритетом, а принятие коррекционных мер по исправлению проблемных родителей. Кроме того, следует использовать и такие средства воздействия на них, как предупреждение, предписание, временное ограничение в правах и др. Лишение родительских прав — это скорее чрезвычайная мера защиты прав и интересов ребенка, а не приоритетная. В ответах респондентов на данный вопрос есть гендерные отличия, которые приведены в таблице.

Отношение студентов к лишению родительских прав в неблагополучных семьях как к приоритетной мере защиты ребенка, %

Вариант ответа	Мужчины	Женщины	Все респонденты
Эта мера приоритетная	51,2	52,0	51,6
Эта мера не является приоритетной	28,3	21,6	25,0
Затрудняюсь ответить	20,5	26,4	23,4

Как видно из таблицы, число мужчин, не считавших лишение родительских прав приоритетной мерой защиты ребенка, на 6,7 п. п. больше по сравнению с числом женщин. Это можно объяснить наличием в открытом доступе сообщений о случаях поспешного и не вполне оправданного лишения прав родителей, что касалось преимущественно отцов.

Несмотря на утверждение в сознании многих студентов модернистских трендов относительно развития института семьи, у значительной их части *сохраняются традиционные установки межпоколенной трансляции семейных*

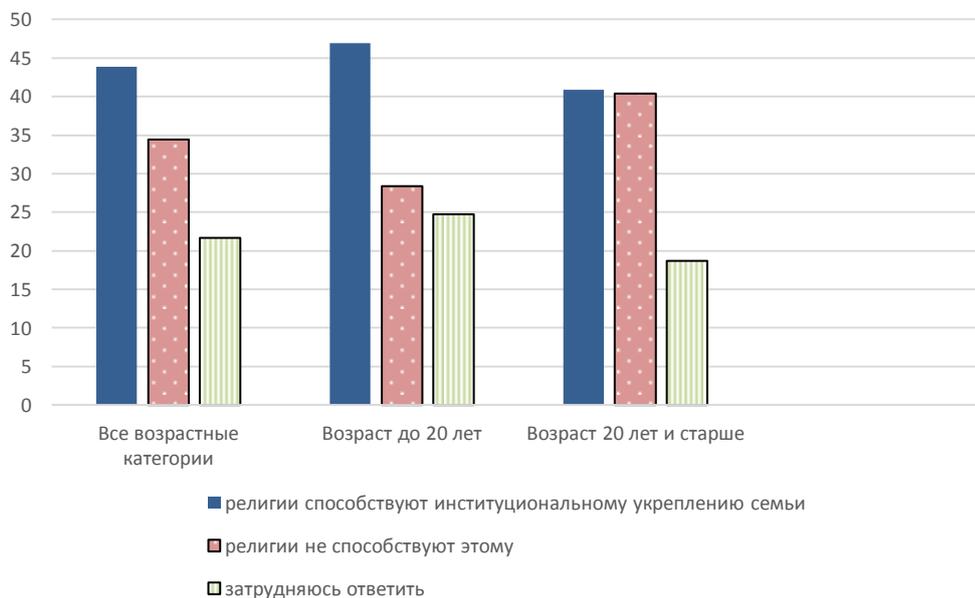
ценностей. Это проявилось в восприятии ими семьи в качестве приоритетной ценности, признании значимости религии в институциональном укреплении семьи, необходимости соблюдения семейной иерархии в отношениях между детьми и родителями и др.

На вопрос анкеты «Является ли семья приоритетной ценностью для Вас?» немногим более половины опрошенных студентов (50,2 %) ответили «да». Около трети (27,8 %) — «нет», и 22 % затруднились дать ответ. В гендерном отношении в ответах респондентов имелись различия. Заметно большее число мужчин по сравнению с женщинами не считали семью приоритетной ценностью (32,1 и 23,5 %). Женщины по своей природе острее ощущают потребность в семье. Многие же современные мужчины (особенно молодежь) в отношениях с женщинами часто ориентируются на встречи без каких-либо семейных обязательств.

Индикатором сохранения традиционных установок межпоколенной трансляции семейных ценностей является *признание значимости религии в институциональном укреплении семьи*. Большинство респондентов (43,9 %) полагают, что религии способствуют такому укреплению. Не согласились с этим 34,4 % респондентов, а 21,7 % затруднились дать определенный ответ.

Гендерное различие в ответах респондентов было существенным. Доля женщин, полагающих, что религии способствуют укреплению института семьи, почти на 9 п. п. (8,8) меньше. Объяснить это можно тем, что религиозные семейные нормы отстаивают традиционное начало, поэтому вызывают у части женщин, особенно молодого возраста, опасение относительно их равноправия.

В восприятии студенческой молодежью значимости религии в укреплении семьи имеются и возрастные различия. Они даны в диаграмме (рис.).

Отношение студентов различного возраста к роли религии
в институциональном укреплении семьи, %

Судя по данным диаграммы, мнение о том, что религии способствуют институциональному укреплению семьи, более свойственно студентам младших курсов по сравнению с возрастной группой 20 лет и старше (46,9 и 40,9 %). Соответственно меньшее количество опрошенных студентов моложе 20 лет не соглашались с такой позицией (28,4 и 40,4 %). Доля затруднившихся дать ответ на данный вопрос на 6 % больше среди студентов до 20 лет (24,7 и 18,7 %). Это может быть связано с тем, что в образовательной сфере еще сохраняется влияние индивидуалистически-секулярных мировоззренческих установок. В соответствии с ними традиционно-религиозное понимание бытия, включая устройство семейной жизни, воспринимается в качестве устаревшего явления, сдерживающего свободу самовыражения личности и общественный прогресс. Поэтому данные установки более характерны для респондентов 20 лет и старше. Кроме того, определенная часть старшекурсников подрабатывают и более подвергнуты секулярному влиянию социума.

Следующим индикатором выражения традиционных основ межпоколенной трансляции семейных ценностей является признание респондентами *необходимости соблюдения иерархии в отношениях между детьми и родителями*. С этим согласились почти половина опрошенных студентов юга России (48,8 %). Против высказались 26,1 % респондентов, и 25,1 % затруднились дать ответ. Гендерные различия в ответах респондентов были незначительными (в пределах 2 %). Соблюдение семейной иерархии в отношении детей и родителей считали необходимым 49,9 % опрошенных студенток и 47,7 % студентов. Такая разница может быть объяснима тем, что женщине в семье чаще приходится заниматься воспитанием ребенка (детей), которое затруднено без обеспечения уважительной иерархии в отношениях.

Одним из следствий ослабления межпоколенной трансляции семейных ценностей является *снижение прочности родственных связей*. В современной России наблюдается не только рост количества одиноко проживающих людей (одиночек), но и преобладание среди них лиц трудоспособного возраста, включая молодежь. Если в 2002 г. домохозяйств, состоявших из одного человека, насчитывалось 22,3 %, в 2010 г. — 25,7 %, то в 2021 г. — 41,8 %. Из общего количества одиночек 57,4 % входили в число лиц трудоспособного возраста, включая молодежь⁴. Это показатель того, что сохраняется тенденция отделения молодых людей от родительских семей без намерения создать собственную.

По данным исследования российских городских семей, за период с 2014 по 2022 г. «больше отцов и матерей стали получать помощь в виде покупки продуктов, вещей (с 25 до 39 % по ответам отцов и с 33 до 48 % по ответам матерей) [Гурко, 2023: 46]. Однако около 60 % родителей не получают от взрослых детей соответствующей помощи.

Развитие телекоммуникационной связи сделало более частыми межпоколенные онлайн-общения. Респонденты из числа студентов Санкт-Петербурга отмечали, что они разговаривают с родителями по телефону или скайпу постоянно (ежедневно или несколько раз в неделю) [Бурмыкина, 2019: 145].

⁴ Прокофьева Л. М., Корчагина И. И. Демографическая структура семейств и домохозяйств в России, ее динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 8—9.

Эту же тенденцию выявило и наше исследование студентов южнороссийского региона. На вопрос анкеты «Какой наиболее приемлемый для Вас формат общения (созвонов) с родителями, проживающими отдельно?» 60 % респондентов ответили, что общаются ежедневно или 2—3 раза в неделю (соответственно 38,6 и 21,4 %). Раз в неделю общались 16,6 % опрошенных студентов. Вариант раз-два в месяц выбрали 11,4 % респондентов. Лишь по праздникам и по очень срочному делу общались 10,1 % опрошенных лиц. Наконец, 1,9 % респондентов указали в анкете, что не имеют привычки звонить родителям, так как те сами звонят.

В ответах респондентов на данный вопрос имелись некоторые гендерные различия. Женщины чаще мужчин (на 3,6 %) звонят ежедневно или 2—3 раза в неделю (соответственно 61,8 и 58,2 %). А 1—2 раза в месяц на 2,6 п. п. чаще звонят мужчины (соответственно 12,7 и 10,1 %). По другим временным форматам общения гендерные различия были минимальные (в интервале от 0,2 до 0,6 %).

Регулярные онлайн-общения между детьми и родителями, проживающими отдельно, позволяют не прерывать связь между ними. Однако, как подтверждают некоторые опросы студентов [там же], реже становится непосредственный контакт родителей с детьми. Проблематичность этого осознается респондентами.

Материалы исследования студенческой молодежи южнороссийского региона свидетельствуют, что большинство опрошенных лиц признавало наличие потребности в укреплении родственных отношений и связей между поколениями. Такую позицию выразили 55,7 % от общего числа респондентов. Не согласились с этим 25 %, и еще 19,3 % респондентов затруднились ответить.

Для студенток юга России межпоколенное взаимодействие, включая укрепление родственных отношений, было на 6 п. п. более значимым по сравнению с мужчинами (58,7 и 52,6 %). Вышеотмеченную разницу можно объяснить большей заинтересованностью женщин в прочности родственных отношений. Без их наличия современным женщинам крайне трудно обеспечить сочетание функции материнства с профессиональной самореализацией. Эти гендерные особенности схожи с теми, которые получены в результате опроса, проведенного в 2019 г. социологами МГУ [Ценности семейно-детного образа... , 2020: 56].

Заключение

Материалы исследования подтвердили исходную гипотезу о преобладании поляризационного (амбивалентного) конструкта в восприятии студентами юга России состояния межпоколенной передачи семейных ценностей. Проведенный анализ позволил сформулировать обобщающие выводы и предложения.

1. Преобладание поляризационного конструкта в понимании студентами южнороссийского региона состояния межпоколенной трансляции семейных ценностей проявилось в их отношении к принятию государственных мер, направленных на уменьшение численности абортных (42,4 % респондентов — за,

а 39,2 % против); к лишению родительских прав в неблагополучных семьях как к приоритетной мере защиты ребенка (52 % — за, 48 % — против или затруднились с ответом); к восприятию семьи в качестве приоритетной ценности (50,2 % — за, 49,8 % — против или затруднились с ответом); к признанию значимости религии в институциональном укреплении семьи (43,9 % — за, 56,1 % — против или затруднились с ответом); к необходимости соблюдения семейной иерархии в отношениях между детьми и родителями (48,8 % — за, 51,2 % — против или затруднились дать ответ); к потребности в укреплении родственных отношений и связей между поколениями (55,7 % — за, 44,3 % — против или затруднились с ответом).

2. Амбивалентность мнений студентов по отдельным аспектам межпоколенной трансляции семейных ценностей свидетельствует о наличии противоречий в этом процессе. Такая ситуация актуализирует потребность в принятии и реализации государством не только дополнительных экономических, но и широкомасштабных информационно-когнитивных мер по повышению престижности семейно-детного образа жизни в молодежной среде.

3. Сравнительный анализ результатов авторского опроса студентов южно-российского региона и результатов других опросов, проведенных в различных регионах по исследуемой теме, свидетельствует о преобладании корреляционной связи и наличии некоторых различий. Близкими были результаты нашего исследования и опроса студентов Санкт-Петербурга о наиболее приемлемом для них формате общения с родителями (созвоны), проживающими отдельно. Большинство респондентов этих двух опросов указали, что они разговаривают с родителями по телефону (скайпу) ежедневно или несколько раз в неделю. По результатам соцопроса городского населения Москвы, Московской, Владимирской Курской, Свердловской областей, Краснодарского края и Башкортостана, проведенного социологами МГУ в 2018—2019 гг., постоянное общение со взрослыми детьми, проживающими отдельно, и взаимопомощь считали очень важными 81,5 % респондентов. Наличие потребности в укреплении родственных отношений и связей между поколениями признавало и большинство опрошенных студентов юга России (55,7 %). Имеющееся процентное различие между этими опросами можно объяснить тем, что последний опрос охватывал не разные слои населения, а студентов вузов, которых отличает стремление к самоутверждению и определенному дистанцированию от родителей.

4. Действенным способом межпоколенной передачи позитивных ценностей может стать формирование *семейных традиций* (регулярное чтение вслух и обсуждение с детьми прочитанного, составление родословной, проведение семейных праздников и др.).

5. Для улучшения организации межпоколенной трансляции семейных ценностей государственным органам целесообразно поддерживать инициативы общественных организаций по созданию и проектному обеспечению функционирования *муниципальных центров развития межпоколенных отношений* (опыт Нижегородской региональной благотворительной организации инвалидов «Забота»).

Список источников

- Антонов А. И.* Микросоциология семьи: (методология исследования структур и процессов). М.: Инфра-М, 2016. 368 с.
- Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н.* Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Интеллектуал. кн.: Новый хронограф, 2010. 352 с.
- Бурмыкина О. Н.* Тенденции изменений межпоколенных семейных отношений // Петербургская социология сегодня. 2019. Вып. 12. С. 134—153.
- Вишневский А. Г.* Демографическая история и демографическая теория. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 368 с.
- Гурко Т. А.* Взаимопомощь поколений в городских семьях // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 43—58.
- Гурко Т. А.* Перспективные направления российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 51—65.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В.* Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. вып. С. 38—59.
- Карпова В. М.* Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2019. Т. 25, № 3. С. 117—139.
- Свадьбина Т. В., Немова О. А.* Российская семья как хранитель и транслятор традиционных национальных ценностей // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 4. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-14>.
- Синельников А. Б.* Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36—48.
- Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. 368 с.
- Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / под ред. А. И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. 486 с.
- Ядов В. А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука, 1979. 264 с.
- Inglehart R. F.* Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World. New York: Cambridge University Press, 2018. 273 p.
- Kuper A.* We need to talk about kinship // Anthropology of this Century. 2018. № 23. P. 1—12.
- Maryanski A.* The sociology of kinship: a case for looking back to the future // The Handbook of Classical Sociological Theory: Handbooks of Sociology and Social Research / ed. by S. Abrutyn, O. Lizardo. Cham (Switzerland): Springer, 2021. P. 267—300. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-78205-4_12 (дата обращения: 25.01.2025).
- Rokeach M.* The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973. 438 p.
- Schneider D.* What is kinship all about? // Kinship and Family: an Anthropological Reader / ed. by R. Parkin, L. Stone. Blackwell Publishing: Boston University, 2007. P. 257—274.
- Schout G., Jong G. de.* The weakening of kin ties: exploring the need for life-world led interventions // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2018. Vol. 15, iss. 2, pp. 1—12.

References

- Antonov, A. I. (2016) *Mikrosotsiologiya sem'i: (Metodologiya issledovaniia struktur i protsessov)* [Microsociology of the family: (Methodology of studying structures and processes)], Moscow: Infra-M.
- Antonov, A. I. (ed.) (2020) *Tsennosti semeĭno-detnogo obraza zhizni (SeDOZh-2019): Analiticheskiĭ otchët po rezul'tatam mezhhregional'nogo sotsiologo-demograficheskogo issledovaniia* [Values of the family and child lifestyle (SeDOZh-2019): An analytical report on the results of the interregional sociological and demographic study], Moscow: MAKS Press.
- Bim-Bad, B. M., Gavrov, S. N. (2010) *Modernizatsiia instituta sem'i: sotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz* [Modernization of the family institution: a sociological, economic and anthropological-pedagogical analysis], Moscow: Intellektual'naia kniga, Novyi khronograf.
- Burmykina, O. N. (2019) Tendentsii izmeneniĭ mezhpokolennykh semeĭnykh otnosheniĭ [Trends in changes in intergenerational family relations], *Peterburgskaia sotsiologiya segodnia*, no. 12, pp. 134—153.
- Gurko, T. A. (2023) Vzaimopomoshch' pokolenii v gorodskikh sem'iakh [Mutual assistance between generations in urban families], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 43—58.
- Gurko, T. A. (2024) Perspektivnye napravleniia rossiiskoi semeĭnoi politiki [Promising directions of Russian family policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 51—65.
- Inglehart, R. F. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World*, New York: Cambridge University Press.
- Karpova, V. M. (2019) Osobennosti mezhpokolennoi transliatsii semeĭnykh tsennostei [Features of intergenerational transmission of family values], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiya i politologiya, vol. 25, no. 3, pp. 117—139.
- Kharchev, A. G. (1979) *Brak i sem'ia v SSSR: Opyt sotsiologicheskogo issledovaniia* [Marriage and family in the USSR: Experience of sociological research], 2nd ed., Moscow: Mysl'.
- Kuper, A. (2018) We need to talk about kinship, *Anthropology of this Century*, no. 23, pp. 1—12.
- Maryanski, A. (2021) The sociology of kinship: a case for looking back to the future, in: Abrutyn, S., Lizardo, O. (eds), *The Handbook of Classical Sociological Theory: Handbooks of Sociology and Social Research?*, Cham, Switzerland: Springer Nature, pp. 267—300, available from https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-78205-4_12 (accessed 25.01.2025).
- Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*, New York: Free Press.
- Schneider, D. (2007) What is kinship all about?, in: Parkin, R., Stone, L. (eds), *Kinship and Family: An Anthropological Reader*, Blackwell Publishing, Boston University, pp. 257—274.
- Schout, G., Jong, G. de (2018) The weakening of kin ties: exploring the need for life-world led interventions, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 15, iss. 2, pp. 1—12.
- Sinel'nikov, A. B. (2022) Obosoblenie pokolenii v sem'iakh kak faktor snizheniia rozhdaemosti [Isolation of generations in families as a factor in declining birth rates], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 36—48.
- Svad'bina, T. V., Nemova, O. A. (2023) Rossiiskaia sem'ia kak khranitel' i transliator traditsionnykh natsional'nykh tsennostei [Russian family as a keeper and transmitter

of traditional national values], *Vestnik Mininskogo universiteta*, vol. 11, no. 4, <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-14>.

- Vishnevsky, A. G. (2019) *Demograficheskaia istoriia i demograficheskaia teoriia* [Demographic history and demographic theory], Moscow: Izdatel'skiĭ dom Vyssheĭ shkoly ėkonomiki.
- Yadov, V. A. (1979) *Samoreguliat'siia i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniia lichnosti* [Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual], Leningrad: Nauka.
- Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Sorokin, O. V. (2021) *Smyslovaia samoreguliat'siia zhiznedeiatel'nosti molodĕzhi: gendernye razlichii v sfere truda* [Semantic self-regulation of life activity of young people: gender differences in the world of work], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, spec. iss., pp. 38—59.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Циткилов Пётр Яковлевич — доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, petrcitkilov@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Social Technologies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 48—66.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 48—66.

Научная статья

УДК 711.47(470)+001.89-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/mwshxv>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.4

УСПЕШНЫЕ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ В СОВЕТСКИХ НАУКОГРАДАХ 1950—1960-х гг.: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Наталья Львовна Пушкарева, Александр Владимирович Жидченко

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформаций в карьере и повседневной жизни трех успешных женщин-ученых, чьи судьбы в 1950—1960-х гг. оказались связанными с наукоградами. В их числе физик Е. Н. Кладницкая (г. Дубна), математики Л. В. Келдыш (г. Жуковский) и П. Я. Кочина (новосибирский Академгородок). Исследование, соединившее антропологию академической жизни, историю женской повседневности и городскую антропологию, выполнено на материалах источников личного происхождения, публикаций в периодической печати и личных архивов авторов. Доказано, что новые советские наукограды позволили сформировать уникальную социокультурную городскую среду, в которой женщины-ученые смогли раскрыть свой научный потенциал, осознать профессиональное призвание и самореализоваться в семейной жизни, хотя на уровне бытовых повседневных практик в новых советских наукоградах особых преференций именно для женщин создано не было.

Ключевые слова: женщины-ученые в СССР, наукоград, повседневность, социальная память, эгодокументы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII—XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (рук. Н. Л. Пушкарева), <https://rscf.ru/project/24-18-00212/>.

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Успешные женщины-ученые в советских наукоградах 1950—1960-х гг.: жизненные стратегии, особенности повседневности // *Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 48—66.*

Original article

SUCCESSFUL FEMALE SCIENTISTS IN SOVIET SCIENCE CITIES OF THE 1950—1960s: LIFE STRATEGIES AND FEATURES OF EVERYDAY LIFE

Natalya L. Pushkareva, Alexander V. Zhidchenko

N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of transformations in the careers and daily lives of three successful female scientists, whose destinies were tied to science cities in the 1950—1960s. Among them are physicist E. N. Kladnitskaya (Dubna), mathematicians L. V. Keldysh (Zhukovsky) and P. Ya. Kochina (Novosibirsk Akademgorodok). The study, which combined the anthropology of academic life, the history of women's everyday life and urban anthropology, was carried out using materials from personal sources, publications in periodicals and personal archives of the authors. The authors proved that the new Soviet science cities made it possible to create a unique sociocultural urban environment in which female scientists were able to reveal their scientific potential, realize their professional calling, and self-realization in family life. However, in the new Soviet science cities, no special preferences were created specifically for women at the level of everyday practices.

Key words: female scientists in the USSR, science city, everyday life, social memory, egodocuments

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-18-00212 “Women's family memory in Russia in the 18th—21st cc.: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission” (leded by N. L. Pushkareva), <https://rscf.ru/en/project/24-18-00212/>.

For citation: Pushkareva, N. L., Zhidchenko, A. V. (2025) Uspeshnye zhenshchiny-uchēnye v sovetskikh naukogradakh 1950—1960-kh gg.: zhiznennye strategii, osobennosti povsednevnosti [Successful female scientists in Soviet science cities of the 1950—1960s: life strategies and features of everyday life], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 48—66.

Один из классиков отечественной генетики — В. П. Эфроимсон, увлеченный темой рождения гениальности, нацелил ученых гуманитарного профиля изучать наилучшие условия для самореализации личности. Сам он выделял среди переменных, влияющих на превращение личности в выдающуюся и затем гениальную, такие факторы, как образование и самообразование, воспитание и самовоспитание, наставничество и трудовая деятельность, но на первое место он ставил общественно-историческую среду (из которой призывал не исключать и непредвиденных событий, счастливых случаев) [Эфроимсон, 2019]. Этот призыв заставляет задуматься над жизненными историями российских женщин-ученых, которых счастливый случай привел в локусы, где научная работа была не просто востребована, но находилась в приоритете.

Цель обращения к такой теме — выявление топик в историях совладания с экстремальными обстоятельствами, в достижении женщинами задач существенной личностной самореализации (большей, чем у обычных людей). Наличие рассказов женщин о себе в воспоминаниях, описания их жизненных стратегий,

осмысленных и пережитых современниками и коллегами (и попавших в разные виды источников), позволяет понять, какого же рода обстоятельства и счастливые случаи усиливают успешность женского жизненного сценария, если он разворачивается в академической среде.

Возросший интерес к просопографии как методу, позволяющему изучать динамические изменения, происходящие в определенный период времени с группой объектов, чаще всего человеческих судеб, — явление, сопровождающее антропологический поворот в исторической науке. Его подпитывают история повседневности, городская антропология и (в нашем случае) женская история, обогащая спектр эвристических проблем современной науки. Теоретические разработки, а следом за ними и практически ориентированные труды сначала западных, а затем и отечественных исследователей открыли возможности междисциплинарных изысканий, связанных с анализом особенностей жизни академического сообщества, в том числе — стилей жизни самых ярких его представительниц. В рамках таких изысканий — и тема повседневной жизни женщин-ученых.

Эта тема долго пробивала себе путь в пространстве мировой и отечественной научной мысли, лишь на рубеже XX—XXI вв. пройдя институционализацию [Белова, 2013] и став заметным направлением российского историописания. Отмеченный факт иллюстрируют работы авторов данного текста, а также И. В. Богдашиной, О. А. Вальковой, Е. А. Долговой, О. И. Секеновой (см., напр.: [Пушкарева, 2014; Богдашина, 2023]). Совсем редким явлением предстает изучение быта тонкого слоя женщин-ученых, достигших академических высот (доктора наук и выше). Такого рода публикации, как правило, принадлежат перу зарубежных исследователей (см., напр.: [Sentker, 2007]). Авторы поставили своей задачей (сопутствующей просопографии академических жизней) рассмотреть тему сохранения памяти об успешных женщинах-ученых, которым повезло работать в особых условиях — в городах науки, созданных на волне послевоенного интереса к научным разработкам и жизни ученых.

Феномен советских наукоградов в последнее время привлекает внимание многих урбанистов [Гаврилова, 2013; Власова, 2010; Пискунов, 2020]. Сама идея создания городов науки в «золотое двадцатилетие» (1950—1970-е гг.) [Научное сообщество... , 2007] была увязана с необходимостью решения стратегических проблем советской экономики в ее геополитическом противостоянии капиталистическому миру в годы холодной войны. Именно задачи военно-промышленного комплекса определили в конце 1940-х гг. создание научно-технической базы для основания авиаграда Жуковский (а в нем Центрального аэрогидродинамического института и Летно-исследовательского института им. М. М. Громова), наукограда Дубна (а в ней Объединенного института ядерных исследований), для строительства в 1957 г. новосибирского Академгородка при только что возникшем Сибирском отделении АН СССР. Позже военно-стратегические задачи ушли на второй план, а на первый вышло создание новых технологий (на базе тесных связей с университетами), взаимодействие с академическими структурами во имя научных открытий. Продолжая эту тенденцию, в XXI в. вместо наукоградов стали возникать уже технополисы (подобные Иннополису недалеко от Казани или Сколково на окраине Москвы) — площадки для мозговых научных штурмов, проведения форумов и конференций, деловых встреч и стратегических сессий.

Социально-половой дисбаланс в советской науке середины XX в.

Чтобы оценить условия работы женщин в наукоградах, необходимо вспомнить, что в советских академических и образовательных структурах второй половины XX в. работали тысячи женщин. Достаточно сказать, что с 1950 по 1970 г. численность научных работников в стране увеличилась в 5,7 раза: со 162,5 тыс. в 1950 г. до 927,7 тыс. в 1970 г. [Аллахвердян, 2013: 246]. Степень феминизации НИИ зависела от сферы применения знаний: от 48,8 % в науках в целом на конец советской эпохи до 59 % в социальных науках [Агамова, Аллаxвердян, 2013: 249]. Среди научных работников в научно-исследовательских институтах Академии наук СССР было 5700 женщин, но среди них всего 2 академика, 11 членов-корреспондентов, 141 доктор и 2127 кандидатов наук. Более 60 тыс. женщин вели в начале 1950-х гг. преподавательскую работу в вузах, но профессором-женщиной было до обидного мало (в МГУ им. М. В. Ломоносова, по данным на 1952 г., всего 22 профессора-женщины [Женщины — доктора наук, 1957: 15]).

Иными словами, процент женщин, занятых работой в НИИ и достигших профессорских и академических высот, рос очень медленно. Это явление, названное «стеклянный потолок», не было советской или российской социальной болезнью. Метафора феминисток для обозначения невидимого барьера в карьере женщин с высокими достижениями вполне применима и к западной науке: во всем мире абсолютное большинство директоров научных институтов, равно как деканов факультетов и профессоров, в XX в. составляли мужчины [Bourdieu, 1998; Connel, 2006]. Констатируя этот факт, большинство социологов сосредоточивались на поисках выхода из этой ситуации, стремясь уделить внимание именно основной массе женщин — научных работниц, оказавшихся дискриминированными. Куда меньше внимания уделялось изучению быта и труда тех, кто, преодолев все преграды, смогли вырваться из основной массы, стать успешными и признанными. Нам представляется важным обратить внимание на эту малую социальную группу. В рамках разработки большого научного проекта по изучению повседневности академического сообщества авторы полагают важным сосредоточить внимание на наукоградах. Что известно сейчас о жизни тех, кто ковал славу советской научной мысли полвека и более тому назад именно в городах, специально конструируемых для научной работы [Бессарабов-Гончаров, 2014], что было типично для женских судеб и карьер в них? Чем отличалась женская повседневность в городах новой науки? Являясь экспериментальными площадками градостроительства, создания в образцовой повседневной жизни и особого социокультурного пространства (в отличие, например, от новых рабочих городов в СССР в 1950—1960-х гг.), наукограды должны были — в идеале и в числе прочих проблем — решить вопрос гендерного дисбаланса в сфере профессионального труда, открыть широкие возможности для самореализации женщин-ученых, создать новые стандарты внедомашнего и домашнего быта, идеальные условия для научного творчества. Удалось ли достичь этой цели?

Беглый пилотажный обзор истории советских наукоградов заставляет заметить редкость упоминаний в истории научных открытий, сделанных в них, женских имен. Общий психологический настрой молодых ученых наукоградов формировался в то «золотое двадцатилетие» особым путем. Большинство

работавших в наукоградах женщин, выполнявших обслуживающие функции, делали техническую работу с воодушевлением: помогали с обсчетами количественных данных, перепечатывали тексты, следили за состоянием приборов, обеспечивали быт мужей и сыновей-ученых [Пушкарева, 2021]. В этом отношении советские наукограды ничем не отличались от зарубежных научных кластеров, вроде Силиконовой долины в США, где практически все женщины были также заняты технической, низкоквалифицированной, лаборантской деятельностью [Spencer, 2019]. Эта форма социально-половой дискриминации не была замечена и тем более осмыслена ни тогда, в СССР, ни сейчас, в РФ. Иное дело — американская историография и публичный дискурс в США, в которых ныне гневно осуждается очевидное неополноправие женщин, имевших достаточный уровень образования и профессиональных амбиций, чтобы делать научные карьеры (по книге о роли женщин в космической программе 1960-х гг. и о пережитых тогда трансформациях в отношении к женскому вкладу в науку даже снят художественный фильм) [Shetterly, 2017].

В России же неополноправие женщин в научной среде выражалось не только в том, что им редко доверяли руководить крупными лабораториями, возглавлять научно-исследовательские институты, они редко получали правительственные награды. Повседневные задачи и особые, непроговариваемые и часто нерефлексируемые формы ответственности за близких, накладываемые на советскую женщину сложившимися социально-бытовыми практиками [Здравомыслова, Темкина, 2003], полностью закрывали для них карьерные возможности. Официально не проблематизируя в общественном дискурсе подобное неравенство, создатели советских городов науки 1950—1960-х гг. размышляли о создании наиболее благоприятнейших условий для научной работы для всех и как раз потому и старались дистанцировать ученых от производственных и бытовых «мелочей» [Визит французов...]. При проектировании наукоградов заранее предусматривались особость их снабжения дефицитом, ускоренное строительство жилья и учреждений соцкультбыта, наличие инфраструктуры — детских яслей, школы, поликлиники в шаговой доступности [Растет и хорошеет город науки, 1961].

Как сложились судьбы нескольких, самых заметных в своем наукограде, женщин-ученых и можно ли выявить в этих судьбах что-то общее при всей разности сфер их профессионального труда и уровня достижений?

**«Я люблю нейтрино!»: судьба кандидата наук,
физика Е. Н. Кладницкой в подмосковной Дубне**

Научная судьба Евгении Николаевны Кладницкой (Лебедевой) (1929—2012), выросшей в семье учителей, была определена в начале 1940-х школьным преподавателем физики (*«фактически решил мою дальнейшую судьбу»*) [Кладницкая, 2020: 5]. После окончания с золотой медалью школы и поступления без экзаменов на физфак МГУ она жила в общежитии с шестью сокурсницами; ее научное становление происходило в условиях, далеких от тепличных (*«финансовые проблемы сказывались на качестве питания», «слушать и записывать не успевала»*, по выходным надо было ездить в Подмоскowie к родителям, *«помогать по дому и на огороде»*). Воспоминания, написанные Е. Н. Кладницкой на исходе жизни, не сохранили подробностей смены ею семейного статуса: на курсе

с нею оказался фронтовик Вадим Кладницкий, они «полюбили друг друга и на распределение пришли семейной парой», «о чем... никогда не жалела, прожив с ним без малого 50 лет» [там же: 7]. Выпускники физфака, лаборатории В. И. Векслера (задумавшего создать самый мощный в мире ускоритель элементарных частиц — синхрофазотрон), были приглашены им в 1952 г. в только начавшую строиться как особый город физиков Дубну (тогда это было Ново-Иваньково). Карьерный старт для обоих был отмечен отсутствием собственного жилья в столице, а «манком» представляла возможность отправиться «на Большую Волгу, на интересную работу» и получить свое жилье: «Нам, вчерашним студентам, предложили на выбор две двухкомнатные квартиры на первом этаже. Одна из них с окнами на юг (в тот момент залита солнцем), но без ванны, вторая с ванной, но на северную сторону». Мемуаристка выбрала солнечную сторону, поскольку... им «еще не довелось к тому времени пользоваться ванной» [там же: 8]. Начало семейной и научной жизни на новом месте символизировала нехитрая мебель: выделенные комендантом «железная кровать, столик и два стула».

Эта комната в доме и библиотека технической литературы, наравне с лабораторией Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), возглавляемой В. И. Векслером, сформировали рамки рабочего места ученого. Научный руководитель настаивал на том, что надо начитывать литературу («...потом времени не будет», — уверял он, и спустя годы Е. Н. Кладницкая убедилась в его правоте). Образ жизни увлеченной наукой лаборантки в чем-то имел преимущество перед однокурсниками («...отдельная квартира, хорошая зарплата, которой хватало на приобретение новых вещей, шло обустройство квартиры, появился большой радиоприемник»). Но в чем-то другом он существенно отличался от московской жизни: «...газа до 1958 г. не было, пользовались электроплитками, топили дровами плиту, дрова (метровые бревна) покупали, пилили, кололи сами» [там же: 8—10]. Старожилки Дубны рассказали, что и воды горячей в те годы не было, «был титан в ванной, его топили дровами, потом стали побогаче, когда подвели центральный газ»¹.

И все же главным для научных работников (коими были Кладницкие) была отдельность проживания и наличие собственных пространств, своих комнат для работы. О значимости этой своей комнаты как метафоры условий экономической и творческой состоятельности женщины за 30 лет до того писала американка В. Вулф в эссе, так и названном — «Своя комната» [Эти загадочные англичанки, 1992]. Е. Н. Кладницкая не осознавала в тот момент значимость этого подарка судьбы в небогатые 1950-е, когда из развлечений для интеллигенции, оказавшейся запертой в тогдашней подмосковной глуши, было разве что кино, концерты самодеятельности и турпоходы (да и те однодневные, ибо «суббота была рабочим днем») [там же: 10]. Об особой значимости жилищного вопроса для молодых сотрудников Дубны в 1963 г. пел бард Ю. Ким, подчеркивая особенную атмосферу наукограда и готовность живущих там физиков селить у себя диссидентов типа П. Якира («Сын — в Москве? Без шуток — сын Якира? / Пожалуйста, у нас с женой квартира / Гигантская. Вот с ним бы — к нам бы, а?»)

¹ Воспоминания И. Т., 1942 г. р., г. Дубна. Запись 05.07.2022 (архив авторов).

[«Дубна, мечта моя...», 2020]. Наличие своей квартиры было для Е. Н. Кладницкой безусловно важным.

Центральное место в ее воспоминаниях занимает открытие лаборатории, в которой она работала и в решении задач которой принимала участие. За их перечислением потерялась дата защиты ею кандидатской диссертации; мельком (что более существенно для антрополога, анализирующего академическую повседневность) упомянуто рождение сына в 1956 г. («Роддома в Дубне не было» — рожать ездила к родителям в Серпухов [там же: 15]. По фотографии 1958 г., сохраненной семейным альбомом и сайтом еженедельника ОИЯИ, разместившим воспоминания и поздравления с 95-летием ученого (к тому времени Евгения Николаевна уже умерла), можно понять, что ребенок у супружеской пары физиков-экспериментаторов родился именно с получением квартиры после переезда в Ново-Иваньково. О том, что Е. Н. Кладницкая была заботливой мамой и бабушкой, коллеги по институту написали в ее некрологе [там же: 21]. Ее личные документы практически не содержат информации о частной жизни.

Имя Е. Н. Кладницкой вписано в историю советского атомного проекта как ученого, воспитавшего несколько учеников, продолживших начинания лаборатории В. И. Векслера, и написавшего полторы сотни научных работ [Сарданашвили, 2014], но так и не защитившего вторую (докторскую) диссертацию. В отличие от работавших в других наукоградах, прежде всего в Арзамасе-16 и Снежинске Е. А. Феоктистовой [Лобойко, 2009] или в Воронеже М. А. Левитской [Воронежцы, 2007: 362—366], которые были и докторами наук, и лауреатами Государственных премий [Фетисова, 2019], она не получила мировой известности. Восполнить несправедливость пыталась писательница Г. Е. Николаева (автор культовых советских романов «Битва в пути» о рабочих и «Жатва» о крестьянах). Она планировала в те самые «оттепельные 60-е» завершить трилогию романом о женщинах-физиках. Прообразом одной из ее героинь — физика-экспериментатора, посвятившего жизнь физике высоких энергий, — и стала Е. Н. Кладницкая. В поисках «советской Марии Кюри» Г. Е. Николаева приезжала в Дубну, сделала наброски романа (рабочее название его было «Сильное взаимодействие»), но закончить его не успела. Отрывок из романа, озаглавленный «Я люблю нейтрино!», был опубликован журналом «Наука и жизнь» после смерти писательницы, в годы огромной активности прототипов ее героинь, прежде всего Е. Н. Кладницкой.

Благодаря Г. Е. Николаевой тридцатилетняя на тот момент, рядовая по своему научному статусу и тогдашним заслугам научная работница вписала свое имя в историю российской науки посредством романтизированного и редкого образа женщины-физика (прославленного в те годы и фильмом «Девять дней одного года» М. И. Ромма) — женщины, влюбленной в науку, несмотря на преобладание в ней мужчин, «людей жесткой фокусировки»: «Двухгодичный эксперимент... по двадцать четыре часа в сутки... Неудача... Все — зайцу под хвост... Болезнь без лечения. Обморок в лаборатории. Ошпаренные руки... Мужественная улыбка на лице» [Николаева, 1968: 109].

Много лет спустя уже сама Е. Н. Кладницкая в своих коротких воспоминаниях о жизни в Дубне отметила: научные сотрудницы ОИЯИ, даже не помышлявшие о степенях и званиях, обеспечивали успех практической реализации теоретических построений, сформулированных мужчинами. «Ежедневно в две

смены 14 женщин вели просмотр пленок, полученных при облучении пропановых камер, на больших просмотрных столах», «отбирали и зарисовывали», проводили «измерение зарисованных событий». «Измерители, тоже женщины» обязаны были зафиксировать «от 8 до 20 координат», всматривались в микроскопы, «вели расчеты на ЭВМ по специальным программам» [Кладницкая, 2020: 18]. Е. Н. Кладницкая сама отдала лаборатории и исследованиям в ней полвека жизни и старалась сохранить в памяти благодарных потомков признательность именно женщинам Дубны — все тем же «просмотрщицам, измерителям», чья работа «требовала большого внимания, сосредоточенности и была очень ответственной». «Женщины с пониманием относились к своим обязанностям»; «Л. И. Аверьянова, Т. А. Журавлева, Т. Н. Кулагина и А. И. Соковнина отдали по 47 лет жизни важной для физиков и физики работе, спасибо им всем за их труд!» — писала Е. Н. Кладницкая [там же: 14]. Она не была замкнута на работе и домашних делах, напротив, была, как тогда говорили, «яркой общественницей»: организовывала поездки в московские театры, занималась созданием лабораторной библиотеки художественной литературы, в конце 1980-х, в пору попыток воссоздать женсоветы, возглавила таковой в Дубне.

Подводя итоги профессиональных успехов в воспоминаниях, написанных за два года до смерти, Е. Н. Кладницкая так и не коснулась темы своей семейной жизни, что не позволяет судить об эмоциональной окраске соотношения внедомашней трудовой составляющей и частной сферы. Она не без горечи констатировала перемены 2000—2010-х гг. («изменилась обстановка в стране»), в том числе низкие зарплаты сотрудников института в постсоветский период.

Профессор математики Л. В. Келдыш: многодетная мать в большой науке

Несмотря на самостоятельность научной карьеры Людмилы Всеволодовны Келдыш (1904—1976), ее фигура остается в тени более известного и признанного в науке брата — президента Академии наук СССР, одного из лидеров советской космической программы, академика М. В. Келдыша [Адян и др., 2005]. Людмила была первым ребенком, рожденным, когда семья жила в Оренбурге, Мстислав — пятым из шести детей. «Старшая дочь Людмила была довольно самостоятельной, всегда шла своим путем» (выбрав мехмат МГУ в начале 1920-х), общительной, и старшие не противились ее шумным друзьям в доме: «...молодежь собиралась часто, через него прошли будущие всемирно известные математики А. Н. Колмогоров, П. С. Александров, будущий муж Людмилы и будущий академик П. С. Новиков» (замужество девушки в 1936 г. совпало с ее поступлением на работу в Математический институт им. В. А. Стеклова). Безусловно считавшая мужа более одаренным, Л. В. Келдыш на протяжении всей жизни ставила его интересы выше собственных, помогала во всем, в том числе и в написании работы, за которую муж получил Ленинскую премию в 1957 г. [там же]. Это не помешало ей защитить собственную докторскую диссертацию в возрасте 36 лет (в 1940 г.) [М. В. Келдыш... , 2002]. Родив до 1941 г. трех сыновей, Л. В. Келдыш с большим трудом справилась с житейскими невзгодами в военное лихолетье, однако решилась сразу после войны родить еще двух дочек [Женщина-математик... , 2022].

Создание в 1947 г. авиаграда Жуковского оказалось событием этапным и для семинара, руководимого Л. В. Келдыш, и для повседневной истории семьи Келдыш [Адян и др., 2005]. Младший брат Людмилы (ставшей к тому времени доктором физико-математических наук, профессором) М. В. Келдыш немало тому способствовал, уступив семье сестры, в которой было пятеро детей, свой коттедж на территории нового подмосковного наукограда. Именитых ученых, имевших столичные квартиры и высокий статус в научных учреждениях столицы, нелегко было сподвигнуть на переезд в находящийся в полусотне километров от Москвы Жуковский. Жилищный фонд городка располагал квартирами для руководства институтов и семей академиков в построенных до войны «сталинках», где 100-метровые квартиры из 5 комнат были призваны стать достойной заменой московского жилья. Но, как и в случае с новыми кадрами высшей академической науки для Дубны, расчет был напрасным: жены и семьи ученых за город не ехали [Жидченко, Пушкарева, 2023].

Когда в конце 1940-х — начале 1950-х гг. застройку городка дополнили малоэтажным районом коттеджей на краю леса, получение дома с садовым участком и при этом со всеми городскими удобствами стало тем «манком», который заставил часть столичных академиков сделать выбор. Проживание в собственном доме с газовой плитой, ванной, «удобствами» стало причиной восприятия района как привилегированного, он тут же был поименован «Дворянское гнездо». Каждый дом имел большую веранду на 1—2 семьи, дома строились 2-уровневыми (редкость для того времени). В «крошечных садиках» перед коттеджами жены академиков и профессоров сажали цветы и ягодные кусты [Черниговский, 2019]. Индивидуальные коттеджи были символом уважения к ученым.

Въехав в дом вместо брата (к тому времени ставшего академиком), профессор Л. В. Келдыш не кичилась этим, детей воспитывала в строгости («...должны быть опрятно одеты и накормлены, но без всяких излишеств») [Женщина-математик... , 2022]. В доме было все очень аккуратно, пришедшего принято было приглашать к совместной трапезе. «На столе появлялись вкусные кушанья домашнего приготовления» [Гай, 1984: 75—77]. «Дворянское гнездо» не отличалось снабжением «для своих». Обитательницы отдельных домов ходили по тем же улицам в те же магазины, что и рядовые сотрудницы лабораторий, посещали те же концерты, гостевали друг у друга. «Все в этих домах было обычным. Те же блюда на столах, что и у нас дома. Все приветливы, дружны. Вот только комнаты тесноваты, я бы там жить не хотела», — признавалась жительница многоквартирного дома². Иными словами, условия жизни жительниц коттеджей были типовыми, советскими. Даже наличие гостиной с камином и отдельной комнаты-кабинета с письменным столом не меняло картины классической советской женской повседневности — с готовками, уборками, стирками, заботой о детях. О наличии прислуги в домах научной элиты в годы «оттепели» нет данных. Возглавившая в 1964 г. семинар по геометрической топологии [Раткин, 2011], воспитавшая плеяду учеников профессор Л. В. Келдыш убирала свой дом сама.

² Воспоминания С. Ю. Бирзак, из семьи служащих, г. Жуковский. Запись 14.01.2022 (архив авторов).

Скромность Людмилы Всеволодовны в домашнем быту сочеталась со скромностью на работе (внешний вид и одежда, общение с коллегами и учениками). Ее образ («одетая в черное платье с простым белым кружевным воротничком» [Сосинский, 2018: 28]) подтверждается и воспоминаниями, и фотографиями. Получив как ученый международное признание, она не удостоилась на родине той известности, которую заслужила. Она навсегда осталась в тени известного брата, «была абсолютно честным человеком... Математика для нее была не средством карьерного успеха, а целью жизни и объектом бескорыстной любви» [Сосинский, 2022].

При исполнении своих материнских обязанностей Л. В. Келдыш была столь же успешна, сколько и в науке, поскольку считала в делах воспитания главным личный пример и преобладание духовных ценностей над материальными [Сергей Петрович Новиков... , 2015: 168]. Такой подход позволил доктору наук быть счастливой супругой и разрушить стереотип о неизбежности выбора между карьерой и семейным благополучием. Трансформации в повседневности (смена Москвы на Жуковский) не стали для Л. В. Келдыш и ее мужа сложными испытаниями. «За обедом или за ужином обычно возникало непринужденное обсуждение новых публикаций, часто с участием гостей». О крепкой семейной связанности говорит и то, что Людмила Всеволодовна всего на год пережила мужа, и факт постоянной взаимоподдержки между сыновьями и дочерьми и их родителями и между собой [там же: 161—162]. Л. В. Келдыш не только родила пятерых детей, но и воспитала из них успешных научных сотрудников: двое ее сыновей стали академиками РАН, а младшая из дочерей является хранителем семейного архива Келдышей [М. В. Келдыш... , 2002].

**Академик П. Я. Кочина:
жизнь советского ученого в наукограде и вне его**

Жизнь будущего всемирно известного специалиста в области гидродинамики Пелагеи Яковлевны Кочиной (1899—1999) началась в безвестном селе Астраханской губернии, в многодетной крестьянской семье, которой удалось перебраться в Петербург. Гимназистка, затем выпускница Бестужевских курсов, она в 1919 г. стала студенткой Петроградского университета. С 1925 по 1933 г. преподавала на воздушном факультете в Институте путей сообщения, в 1933 г. стала его профессором, а в 1940-м защитила диссертацию, став доктором физико-математических наук [Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина, 2013]. Сразу после войны, в начале 1946 г. П. Я. Кочина была избрана членом-корреспондентом АН СССР, набрав равное количество голосов с учеником своего мужа А. А. Дородницыным, который счел своим долгом уступить место женщине-профессору [Амирьянц, 2013].

Судьба замечательного советского ученого не только интересна достижениями в сфере математики, она важна для антропологов академической жизни в связи с личной историей Кочиной и динамикой жизненных стратегий [Белова, 2023]. Речь идет о крутой перемене в научной и личной судьбе П. Я. Кочиной, связанной с созданным на подъеме хрущевской оттепели новосибирским Академгородком. Известно, что, несмотря на свою научную многофункциональность и в отличие от «заточенной» под ядерную физику Дубны, Академгородок принимал больше

мужского населения, чем женского. Об этом говорят воспоминания и архивные источники: в конце 1950-х более 60 % приехавших туда по объявленному призыву составили мужчины; 14,5 % — «прибывшие по семейным обстоятельствам» пары, 18 % — одинокая молодежь [Новосибирский горархив], привлеченная «духом авантюризма и холодком неизвестности» [Ермиков, 2007: 20—21].

Ученые высокого ранга туда не стремились, слишком труден был быт, особенно зимой [Марчук, 1997]. Вот почему решение 60-летней П. Я. Кочиной, овдовевшей в 1944 г. матери двух дочек-близнецов (Ираида и Нина, на тот момент 22-летние), помочь в создании нового научного центра на востоке страны было сродни героизму. Ее не нужно было убеждать, что в Новосибирске будет интересная жизнь [Кочина, 2000]: она искренне верила, что в новых условиях научного городка поможет апробации иной модели организации повседневного быта и научно-исследовательской работы с несвойственной советской науке степенью автономности («...никакого покоя и единообразия. Никакого самодовольства и успокоения на достигнутом. Работать напористо и без всяких пауз в творчестве...») (цит. по: [Малых, Данилова, 2009: 142]).

Свое значение имело выделение правительством и АН СССР специальных «сибирских» вакансий для выборов в действительные члены Академии наук. Благодаря такой «сибирской квоте» П. Я. Кочина оказалась первой в СССР женщиной-академиком по отделению математических наук (1958 г.). После выборов она не могла обмануть ожиданий академика М. А. Лаврентьева и отправилась на работу в Сибирское отделение АН СССР. С 1959 г. она заведовала там отделом прикладной гидродинамики, с 1962 г. — кафедрой теоретической механики Новосибирского университета, призывая других женщин — научных работниц и жен ученых — последовать ее примеру [Кочина, 1974: 164]. Она не написала об этом в своих воспоминаниях, но очевидно, что переезд за Урал сулил самым амбициозным из них то же использование «сибирской квоты» для научного роста, что помогла П. Я. Кочиной. Во всяком случае, это произошло с экономистом Т. И. Заславской, которая приехала из Москвы («безденежье, теснота, ограниченность времени для работы») в Сибирь в 1963 г. кандидатом наук, а уехала через несколько лет — доктором и академиком [Аганбегян, 2014] и писала из Академгородка сестре, лингвисту М. И. Черемисиной, такие восторженные письма, что и та согласилась перебраться и потом навсегда осталась в Сибири.

С 1961 г. П. Я. Кочина жила в городке в просторной 2-комнатной квартире в новом капитальном доме. «*Квартира академика <была> обставлена причудливой смесью из чешского гарнитура “Аллон” и ящиков из-под яиц, апельсинов и химреактивов, в которых приехал ее багаж*» [Притвиц, 2002: 5]. Уборку квартир жительницы сибирского наукограда делали сами, в отличие от московских практик (жен столичных ученых), где это «было принято» перекладывать на домработниц. И все же значимую часть пространства их женского быта занимали культурные артефакты прошлого, привезенные из столицы «мелочи». К себе П. Я. Кочина была строга («*Люди любят жалеть себя, а настоящая жизнь требует самоотдачи*», — говорила она [Малых, Данилова: 2009: 144]).

Как Е. Н. Кладницкая в Дубне и как Л. В. Келдыш в Жуковском, П. Я. Кочина отличалась непоказным гостеприимством. В ее квартире с удовольствием останавливались гости из Москвы. В частности, именно у нее жил А. А. Вознесенский, когда приезжал в Академгородок (отец поэта был инженером-гидротехником, профессором, имя его было известно П. Я. Кочиной), посвятив позже истории своего гостевания такие строки в «Стихах из тайника» [Вознесенский, 2003]: *«Есть и удача в неудаче. / Назло врагу и трепачу / Живу у Кочиной, не плачу. / И за квартиру не плачу»*.

Это были непростые годы гонений на молодых поэтов, у академика в Сибири можно было найти успокоение. Приемы гостей в полученных от государства немаленьких квартирах были повторяющейся стороной женской научной повседневности наукоградов. Готовность принять приехавших, быстро всех угостить, самой убрать квартиру после посиделок — все это было нормой; как бы ни утомлял такой стиль жизни, он был привычным.

Сама же П. Я. Кочина уже тогда понимала, что другим женщинам в Академгородке не было предоставлено больших возможностей для вертикальной мобильности. Жены ученых были научными сотрудницами или выполняли близкую к научной сфере работу в административном аппарате НИИ [Володарская, Разина, 2017], не все сумели найти на новом месте подходящее занятие, одни сделались только женами, матерями и помощницами мужей, другие работали в редакции журналов [Кочина, 1974]. Оставаясь в тени мужской науки, она справедливо считала бесценным труд сотен женщин — лаборанток, технических сотрудниц и младшего научного персонала, без которых были бы невозможны фундаментальные исследования. Свой жизненный путь П. Я. Кочина позже сравнивала с путем Л. В. Келдыш, обе представляли достижения в области математики (сфера, где докторов наук в СССР 1950-х гг. было ничтожно мало [Кочина, 1988: 139]).

Т. И. Заславская — одна из тех женщин, кто оставил воспоминания о повседневном быте городка (помимо нее, это Н. А. Притвиц, Р. Л. Берг, О. Н. Марчук, М. И. Черемисина), описав его исключительно в позитивном ключе [Запорожченко, 2022]. Как и Т. И. Заславская, академик П. Я. Кочина, проработав в наукограде — новосибирском Академгородке — 12 лет, все же уехала оттуда и конец жизни провела в Москве, работала в Институте проблем механики АН СССР, заведя отделом математических методов.

Заключение

Представленные выше примеры осознанного выбора жизненных стратегий нескольких успешных женщин, живших в одно и то же время, позволяют задуматься о социальной среде, в которой происходило становление и развитие личностного потенциала Е. Н. Кладницкой, Л. В. Келдыш, П. Я. Кочиной. Она задавала систему ценностей и норм поведения, приняв которые, они достигли максимальной реализации профессионального потенциала (доктор наук, академик АН СССР), сформировали представление о своей жизненной миссии. Часто обсуждаемая социологами дилемма (выбор между семьей и профессиональной

успешностью) оказалась для них ничтожной. Все они были счастливыми женами научных работников (по совместительству преподавателей, разделявших их убеждения и представления о смысле существования), все три большую часть жизни провели бок о бок со своими избранниками, являя возможность создания яркой творческой женской личностью крепкой семьи, совместного воспитания детей и готовность наравне и рядом с супругами строить карьеру в наукограде.

Можно подчеркнуть исполненность всеми тремя женщинами-учеными типичных для того времени социальных ожиданий: осуществления каждой из ролей гостеприимных домохозяек, готовых быть занятыми «вторую смену» — заниматься домашними делами, стиркой, уборкой, готовкой. Еще в большей степени это касается их материнских обязанностей: они предстали заботливыми матерями, а впоследствии и бабушками. Дочери Л. В. Келдыш к тому же выбрали науку сферой профессиональной занятости (не говоря уже о ее сыновьях, достигших вершин академического олимпа).

Создание наукоградов — поселений городского типа с высокой концентрацией интеллектуального и научно-технического потенциала — было частью масштабного проекта изменения быта ученых. При всех попытках организовать снабжение наукоградов, они не могли полностью освободить женщин, занятых наукой, от домашних бытовых обязанностей. У них не было привычной для столичных академиков возможности нанять прислугу, долго не было специальных условий для развития детей, однако относительная территориальная изолированность тех городов и их научных организаций от столичной суеты и массовости позволила отдельным женщинам-ученым именно здесь обрести заслуженное признание и высокие звания. Не растворившись в общесоюзной науке, они сумели утвердить свое имя в локальном социокультурном пространстве, быстрее (чем это было бы в столицах) преодолеть «стеклянный потолок».

Уникальная атмосфера наукоградов, игравших роль витрин социализма, рождала особенные практики повседневности, окрашенные визитами именитых гостей, наполненностью культурной жизни, возможностью постоянного общения с интеллектуалами во вне рабочее время. Дополненные доступностью модных и нужных товаров, эти практики позволяли женщинам-ученым быть свободными от забот и интенций, привычных для жительниц столиц, и с большей легкостью совмещать профессиональное и бытовое, обретая тот социальный оптимизм, который нашел отражение в их эгодокументах и современной исторической памяти.

Список источников

- Агамова Н., Аллахвердян А.* Динамика численности кадров в социальных науках и аспирантуре: гендерное исследование // Годичная научная конференция, 2013 / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. М.: Ленанд, 2013. Т. 1. С. 248—249.
- Аганбегян А. Г.* Татьяна Заславская — Ученый с большой буквы // ЭКО. 2014. № 5. С. 5—14.
- Адян С. И. и др.* Людмила Всеволодовна Келдыш: (к столетию со дня рождения) // Успехи математических наук. 2005. Т. 60, № 4. С. 5—10.

- Аллахвердян А. Г.* Становление атмосферы «культы науки» в послевоенном СССР и социальная потребность в науковедческих исследованиях // Годичная научная конференция, 2013 / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. М.: Ленанд, 2013. Т. 1. С. 246—247.
- Амирьянц Г. А.* Академик А. А. Дородницын. М.: Наука, 2013. 431 с.
- Белова А. В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 25—67.
- Белова А. В.* Социальный оптимизм как интенция в женской автобиографической памяти // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2023. № 2. С. 5—20.
- Бессарабов-Гончаров М. В.* Влияние социальной среды на формирование творческого потенциала личности в обществе поздней современности // Актуальные вопросы общественных наук. Новосибирск: СибАК, 2014. С. 86—91.
- Богдашина И. В.* Хозяйственно-бытовые заботы как важная часть повседневной жизни женщины-врача в г. Сталинграде (Волгограде) // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2023. Вып. 2. С. 31—41.
- Визит французов в Академгородок // Новосибирский городской фотожурнал. URL: https://vk.com/video-10392020_171038433 (дата обращения: 17.01.2025).
- Вознесенский А.* Собрание сочинений. М.: Вагриус, 2003. Т. 5. 201 с.
- Власова Е. Ю.* Исторические предпосылки создания первого советского ядерного центра КБ-11 // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 48—52.
- Воронежцы: знаменитые биографии в истории края. Воронеж: Кварта, 2007. 520 с.
- Володарская Е. А., Разина Т. В.* Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 1. С. 125—127.
- Гаврилова Р. А.* История становления Обнинска, 1940—1960-е гг. Калининград: Аксиос, 2013. 228 с.
- Гай Д.* Небесное притяжение. М.: Моск. рабочий, 1984. 221 с.
- «Дубна, мечта моя...» / сост. Л. Орелович. Дубна: Объед. ин-т ядер. исслед., 2020. 79 с. URL: http://www1.jinr.ru/Books/Dubna_mechta.pdf (дата обращения: 17.01.2025).
- Ермиков В. Д.* Начинал как строитель // «И забыть по-прежнему нельзя...»: сборник воспоминаний. Новосибирск: [б. и.], 2007. С. 20—21.
- Женщины — доктора наук // Советская женщина. 1957. № 2. С. 15.
- Женщина-математик с фамилией, известной каждому // Математика для всех. 18.01.2022. URL: <https://dzen.ru/a/YeaEBlzBCmTAGdQb> (дата обращения: 17.01.2025).
- Жидченко А. В., Пушкарева Н. Л.* Женская повседневность в Дубне в 1950—1960-е гг. // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 211—226.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3—4. С. 299—321.
- Запорожченко Г. М.* Повседневная жизнь новосибирского Академгородка в эго-документах «сибирских академин» (1958-й — конец 1960-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 3. С. 92—102.
- Кладницкая Е. Н.* Воспоминания // Библиотека еженедельника ОИЯИ. Дубна, 2020. С. 5—21.
- Кочина П. Я.* Воспоминания. М.: Наука, 1974. 299 с.
- Кочина П. Я.* Наука. Люди. Годы: воспоминания и выступления. М.: Наука, 1988. 623 с.
- Кочина П. Я.* Я благодарна ему за Сибирь... // Век Лаврентьева. Новосибирск: СО РАН, фил. «ГЕО», 2000. С. 210—231.

- Лобойко Б. Г.* Феоктистова Екатерина Алексеевна // На орбитах памяти: об основателях и создателях уральского ядерного центра. Снежинск: Изд-во РФЯЦ — ВНИИТФ, 2009. С. 632—640.
- Малых А. Е., Данилова В. И.* Талант к таланту: (к 110-летию со дня рождения П. Я. Кочиной) // Вестник Пермского университета. Математика. Механика. Информатика. 2009. Вып. 7. С. 137—147.
- Марчук О. Н.* Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. 236 с.
- М. В. Келдыш Творческий портрет по воспоминаниям современников. М.: Наука, 2002. 399 с. URL: https://www.keldysh.ru/memory/keldysh/vera_keldysh.htm (дата обращения: 17.01.2025).
- Новосибирский горархив. Ф. 33. Д. 16. Л. 3.
- Научное сообщество физиков СССР, 1950—1960-е и другие годы: документы, воспоминания, исследования. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. акад., 2007. Вып. 2. 752 с.
- Николаева Г.* Я люблю нейтрино! // Наука и жизнь. 1968. № 4. С. 108—113.
- Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина. Новосибирск: ГЕО, 2013. 259 с.
- Пискунов М. О.* «Большая» история Академгородка // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140—147.
- Притвиц Н. А.* Я знаю, город будет!: из дневника аборигена новосибирского Академгородка // Наука в Сибири. 2002. 17 мая (№ 19). С. 5.
- Пушкарева Н. Л.* Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus aevorum. 2014. Т. 1, № 1. С. 15—28.
- Пушкарева Н. Л.* Труд и отдых женщин-ученых в оценках их самих в советской и постсоветской России // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 98—105.
- Растет и хорошеет город науки // Советская Сибирь. 1961. 16 декабря.
- Раткин Л.* О женщинах-ученых // Инвестиции в России. 08.03.2011. URL: https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?_language=ru&id=d0d6ec3c-423a-4ffb-91cc-de23985cfe49&print=1 (дата обращения: 17.01.2025).
- Сарданаивили Г. А.* Между рассветом и закатом: советская физика в 1950—1979 гг. М.: Ленанд, 2014. 225 с.
- Сергей Петрович Новиков: к семидесятилетию со дня рождения: интервью, статьи, выступления. М.: Моск. центр непрерыв. мат. образования, 2015. 168 с.
- Сосинский А. Б.* Золотая эра мехмата (1957—1967) глазами приезжего // Математическое просвещение. Третья серия. 2018. Вып. 22. С. 17—34.
- Сосинский А. Б.* О мухобойной возне и низкопробном шике // Истории о великих математиках. 2022. URL: <https://arzamas.academy/mag/1051-math> (дата обращения: 17.01.2025).
- Фетисова Н.* Женское лицо атомной отрасли // АтомЭксперт. 2019. Т. 5. URL: https://atomicexpert.com/women_in_nuclear (дата обращения: 17.01.2025).
- Черниговский Д.* Подмосковный Версаль авиационной науки. Ч. 2: Коттеджи (ул. Пушкина, Ломоносова). 23.12.2019. URL: <https://dm-chemigovsky.livejournal.com/1269.html> (дата обращения: 17.01.2025).
- Эти загадочные англичанки / сост. Е. Ю. Гениева. М.: Прогресс, 1992. 505 с.
- Эфроимсон В. П.* Генетика гениальности. М.: АСТ, 2019. 480 с.
- Bourdieu P.* La Domination Masculine. Paris: Seuil, 1998. 134 p.
- Connel R.* Glass ceilings or gendered institutions? // Public Administration Review. 2006. November (№ 6). P. 837—849.

- Sentker A. Die exotische Frau Professor // Die Zeit. 2007. № 8 (15 Februar). URL: <https://www.zeit.de/2007/08/Frauen-in-der-Wissenschaft> (дата обращения: 17.01.2025).
- Shetterly M. Hidden Figures. The Untold Story of the African American Women Who Helped Win the Space Race. New York: William Collins, 2017. 346 p.
- Spencer K. A. People's History of Silicon Valley. London: Eyewear Publishing, 2019. 228 p.

References

- Adyan, S. I. et al. (2005) Liudmila Vsevolodovna Keldysh: (K stoletiiu so dnia rozhdeniia) [Lyudmila Vsevolodovna Keldysh: (On the centenary of her birth)], *Uspekhi matematicheskikh nauk*, vol. 60, no. 4, pp. 5—10.
- Agamova, N., Allahverdyan, A. (2013) Dinamika chislennosti kadrov v sotsial'nykh naukakh i aspiranture: gendernoe issledovanie [Dynamics of the number of personnel in the social sciences and in graduate school: a gender study], in: *Godichnaia nauchnaia konferentsiia, 2013*, Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki imeni S. I. Vavilova, vol. 1, Moscow: Lenand, pp. 248—249.
- Aganbegyan, A. G. (2014) Tat'iana Zaslavskaya — Uchēnyĭ s bol'shoĭ bukvy [Tatyana Zaslavskaya — a Scientist with a capital S], *ĖKO*, no. 5, pp. 5—14.
- Allahverdyan, A. G. (2013) Stanovlenie atmosfery "kul'ta nauki" v poslevoennom SSSR [Formation of the atmosphere of the "cult of science" in the post-war USSR], in: *Godichnaia nauchnaia konferentsiia, 2013*, Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki imeni S. I. Vavilova, vol. 1, Moscow: Lenand, pp. 246—247.
- Amiryants, G. A. (2013) *Akademik A. A. Dorodnitsyn* [Academician A. A. Dorodnitsyn], Moscow: Nauka.
- Belova, A. V. (2013) Zhenskaia povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti [Women's everyday life as a subject of everyday history], *Rossiiskaia povsednevnost' v zerkale gendernykh otnosheniĭ*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 25—67.
- Belova, A. V. (2023) Sotsial'nyi optimizm kak intentsiia v zhenskoĭ avtobiograficheskoi pamiati [Social optimism as an intention in women's autobiographical memory], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istorii, no. 2, pp. 5—20.
- Bessarabov-Goncharov, M. V. (2014) Vliianie sotsial'noi sredy na formirovanie tvorcheskogo potentsiala lichnosti v obshchestve pozdnei sovremennosti [The influence of the social environment on the formation of the creative potential of the individual in the society of late modernity], in: *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk*, Novosibirsk: SibAK, pp. 86—91.
- Bogdashina, I. V. (2023) Hoziaĭstvenno-bytovye zaboty kak vazhnaia chast' povsednevnoi zhizni zhenshchiny-vracha v gorode Stalingrade (Volgograd) [Household chores as an important part of the daily life of a female doctor in the city Stalingrad (Volgograd)], *Tul'skii nauchnyi vestnik*, seriia Istorii, Iazykoznanie, vol. 2, pp. 31—41.
- Bourdieu, P. (1998) *La Domination Masculine*, Paris: Seuil.
- Chernigovsky, D. (2019) *Podmoskovnyiĭ Versal' aviatsionnoi nauki* [Moscow region Versailles of aviation science], pt. 2, Kottedzhi (ul. Pushkina, Lomonosova), 23.12.2019, available from <https://dm-chernigovsky.livejournal.com/1269.html> (accessed 17.01.2025).
- Connel, R. (2006) Glass ceilings or gendered institutions?, *Public Administration Review*, November, no. 6, pp. 837—849.
- «Dubna, mehta moia...» (2020) ["Dubna, my dream..."], Dubna: Ob"edinēnyĭ institut iadernykh issledovaniĭ, available from http://www1.jinr.ru/Books/Dubna_mehta.pdf (accessed 17.01.2025).

- Ermikov, V. D. (2007) Nachinal kak stroitel' [Started out as a builder], in: «*I zabyt' po-prezhnemu nel'zia...*»: sbornik vospominanii, Novosibirsk, pp. 20—21.
- Éfroimson, V. P. (2019) *Genetika genial'nosti* [Genetics of genius], Moscow: AST.
- Éti zagadochnye anglichanki (1992) [These mysterious Englishwomen], Moscow: Progress.
- Fetisova, N. (2019) Zhenskoe litso atomnoï otrasli [The female face of the nuclear industry], *AtomÈkspert*, vol. 5, available from https://atomicexpert.com/women_in_nuclear (accessed 17.01.2025).
- Gai, D. (1984) *Nebesnoe pritiazhenie* [Heavenly attraction], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Gavrilova, R. A. (2013) *Istoriia stanovleniia Obninska, 1940—1960-e gg.* [History of the formation of Obninsk, 1940—1960s], Kaliningrad: Aksios.
- Kladnitskaya, E. N. (2020) Vospominaniia [Memories], *Biblioteka ezhenedel'nika OIIaI*, Dubna, pp. 5—21.
- Kochina, P. Ya. (1974) *Vospominaniia* [Memories], Moscow: Nauka.
- Kochina, P. Ya. (1988) *Nauka. Liudi. Gody: Vospominaniia i vystupleniia* [Science. People. Years: Memories and speeches], Moscow: Nauka.
- Kochina, P. Ya. (2000) Ia blagodarna emu za Sibir'... [I am grateful to him for Siberia...], in: *Vek Lavrent'eva*, Novosibirsk: SO RAN-GEO, pp. 210—231.
- Loboyko, B. G. (2009) Feoktistova Ekaterina Alekseevna [Feoktistova Ekaterina Alekseevna], in: *Na orbitakh pamiati: Ob osnovateliakh i sozidateliakh ural'skogo iadernogo tsentra*, Snezhinsk: Izd-vo RFIA Ts — VNIITF, pp. 632—640.
- Malyh, A. E., Danilova, V. I. (2009) Talant k talantu: (K 110-letiiu so dnia rozhdeniia P. Ya. Kochinoï) [Talent for talent: (On the 110th anniversary of P. Ya. Kochina's birth)], *Vestnik Permskogo universiteta*, Matematika, Mekhanika, Informatika, vol. 7, pp. 137—147.
- Marchuk, O. N. (1997) *Sibirskii fenomen. Akademgorodok v pervye dvadtsat' let* [Siberian phenomenon. Akademgorodok in the first twenty years], Novosibirsk: Sibirskii khronograf.
- M. V. Keldysh. *Tvorcheskii portret po vospominaniiam sovremennikov* (2002) [M. V. Keldysh. A creative portrait based on the memoirs of contemporaries], Moscow: Nauka, available from https://www.keldysh.ru/memory/keldysh/vera_keldysh.htm (accessed 17.01.2025).
- Nauchnoe soobshchestvo fizikov SSSR, 1950—1960-e i drugie gody: Dokumenty, vospominaniia, issledovaniia* (2007) [Scientific community of physicists of the USSR, 1950—1960s and other years: Documents, memories, research], iss. 2, St. Petersburg: RKhGA.
- Nikolaeva, G. (1968) Ia ljubliu neïtrino! [I love neutrinos!], *Nauka i zhizn'*, no. 4, pp. 108—113.
- Pelageia Iakovlevna Polubarinova-Kochina* (2013) [Pelageya Yakovlevna Polubarinova-Kochina], Novosibirsk: GEO.
- Piskunov, M. O. (2020) “Bol'shaia” istoriia Akademgorodka [The “Big” history of Akademgorodok], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 459, pp. 140—147.
- Pritvits, N. A. (2002) Ia znaiu, gorod budet!: Iz dnevnika aborigena novosibirskogo Akademgorodka [I know, the city will be!: From the diary of a native of the Novosibirsk Akademgorodok], *Nauka v Sibiri*, May 17, no. 19, p. 5.
- Pushkareva, N. L. (2014) Obshchaia liniia zhizni i reprezentatsiia uspeshnosti v avtobiografiakh i avtobiograficheskikh interv'iu zhenshchin-uchënykh [General life line and representation of success in autobiographies and autobiographical interviews of women scientists], *Tractus aevorum*, vol. 1, no. 1, pp. 15—28.
- Pushkareva, N. L. (2021) Trud i otdykh zhenshchin-uchënykh v otsenkakh ikh samikh v sovetskoï i postsovetskoï Rossii [Work and leisure of women scientists in their own

- ratings in Soviet and post-Soviet Russia], *Étnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 98—105.
- Rastët i khorosheet gorod nauki (1961) [The city of science is growing and becoming more beautiful], *Sovetskaia Sibir'*, December 16.
- Ratkin, L. (2011) O zhenshchinakh-uchënykh [On women scientists], *Investitsii v Rossii*, 08.03.2011, available from https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?_language=ru&id=d0d6ec3c-423a-4ffb-91cc-de23985cfe49&print=1 (accessed 17.01.2025).
- Sardanashvili, G. A. (2014) *Mezhdru rassvetom i zakatom. Sovetskaia fizika v 1950—1979 gg.* [Between dawn and dusk: Soviet physics 1950—1979], Moscow: Lenand.
- Sentker, A. (2007) Die exotische Frau Professor, *Die Zeit*, no. 8, 15 Februar, available from <https://www.zeit.de/2007/08/Frauen-in-der-Wissenschaft> (accessed 17.01.2025).
- Sergeĭ Petrovich Novikov: *K semidesiatiletiu so dnia rozhdeniia* (2015) [Sergey Petrovich Novikov: On the occasion of his seventieth birthday], Moscow: MCNMO.
- Shetterly, M. (2017) *Hidden Figures. The Untold Story of the African American Women Who Helped Win the Space Race*, New York: William Collins.
- Sosinsky, A. B. (2018) Zolotaia èra mekhmata (1957—1967) glazami prieszhego [The golden era of the faculty of Mechanics and Mathematics (1957—1967) through the eyes of a visitor], *Matematicheskoe prosveshchenie*, tret'ia seriia, iss. 22, pp. 17—34.
- Sosinsky, A. B. (2022) O mukhoboĭnoi vozne i nizkoprobnoĭ shike [On fly-swatting fuss and low-grade chic], *Istorii o velikikh matematikakh*, available from <https://arzas.academy/mag/1051-math> (accessed 17.01.2025).
- Spencer, K. A. (2019) *People's History of Silicon Valley*, London: Eyewear Publishing.
- Vizit frantsuzov v Akademgorodok [Visit of the French to Akademgorodok], in: *Novosibirskii gorodskoi fotozhurnal*, available from https://vk.com/video-10392020_171038433 (accessed 17.01.2025).
- Vlasova, E. Yu. (2010) Istoricheskie predposylki sozdaniia pervogo sovetskogo iadernogo tsentra KB-11 [Historical background for the creation of the first Soviet nuclear center KB-11], *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 1, pp. 48—52.
- Volodarskaya, E. A., Razina, T. V. (2017) Obraz zhenshchiny-uchënogo v izobrazitel'nom iskusstve SSSR kak otrazhenie gendernogo neravenstva v nauke [The image of a female scientist in the fine arts of the USSR as reflection of gender inequality in science], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 8, no. 1, pp. 125—127.
- Voronezhtsy: znamenitye biografii v istorii kraia (2007) [Voronezh residents: famous biographies in the history of the region], Voronezh: Kvarta.
- Voznesensky, A. (2003) *Sobranie sochinenii* [Collected works], vol. 5, Moscow: Vagrius.
- Zaporozhchenko, G. M. (2022) Povsednevnaia zhizn' novosibirskogo Akademgorodka v ègodokumentakh "sibirskikh akademov" (1958 — konets 1960-kh gg.) [Everyday life of the Novosibirsk Akademgorodok in the egodocuments of the "Siberian academies" (1958 — the end of the 1960s)], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 29, no. 3, pp. 92—102.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 1, no. 3—4, pp. 299—321.
- Zhenshchina-matematik s familiei, izvestnoi kazhdomu (2022) [A woman mathematician with a surname known to everyone], *Matematika dlia vsekh*, 18.01.2022, available from <https://dzen.ru/a/YeaEBIzBCmTAGdQb> (accessed 17.01.2025).
- Zhenshchiny — doktora nauk (1957) [Women — Doctors of Science], *Sovetskaia zhenshchina*, no. 2, p. 15.
- Zhidchenko, A. V., Pushkareva, N. L. (2023) Zhenskaia povsednevnost' v Dubne v 1950—1960-e gg. [Everyday life of women in Dubna in the 1950s—1960s], *Étnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 211—226.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Жидченко Александр Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, travel822@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 67—83.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 67—83.

Научная статья

УДК 94(470.67)“1920/40”-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/qtoram>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.5

**КАК ПОНИМАЛОСЬ ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРЯНКИ
ОРГАНАМИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ДАГЕСТАНА
В 1920—1930-х гг.**

Оксана Саидовна Мутиева, Нина Нурмагомедовна Гарунова

Дагестанский государственный университет,

г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, mutiewa.oksana@yandex.ru

Аннотация. В статье с привлечением материалов Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного архива Республики Дагестан рассмотрены проблемы, связанные с решением женского вопроса в Дагестане в 20—30-х гг. XX в. Проанализированы декреты советской власти, директивы, постановления Дагестанского ЦИК и СНК, обкома ВКП(б), циркуляры НКВД, отчеты женотделов, решения вседагестанских съездов Советов. Анализ документов показал, что деятельность государственных и партийных органов республики была направлена на обеспечение равноправия и «раскрепощения» женщин-горянок, велась целенаправленная борьба с архаичными адатами и шариатскими традициями, разрушались гендерные границы. Социально-политическая обстановка, высокий уровень религиозности общества, патриархальные устои семьи и пропаганда антисоветских настроений негативно сказывались на результатах проводимой работы. Сделаны выводы о том, что решение женского вопроса в республике большевиками не было проработано теоретически, на практике проводимая работа по эмансипации женского населения сводилась к унификации форм и методов, нивелировались национальная специфичность, традиции и обычаи народа. Вопреки постановлениям партийных органов, адатно-шариатские традиции продолжали существовать, переходя в латентные формы. Перестройка сознания не только членов семьи и общества, но и самой женщины-горянки происходила в сложных условиях.

Ключевые слова: советская власть, Дагестан, партийные органы, декрет, женская эмансипация, «раскрепощение» горянки, женский вопрос, калым, многоженство, семейно-брачные отношения, религия

Для цитирования: Мутиева О. С., Гарунова Н. Н. Как понималось освобождение горянки органами советской власти Дагестана в 1920—1930-х гг. // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 67—83.

Original article

HOW DID THE SOVIET AUTHORITIES OF DAGESTAN UNDERSTAND THE LIBERATION OF MOUNTAIN WOMEN IN THE 1920s—1930s?

Oksana S. Mutieva, Nina N. Garunova

Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan,
Russian Federation, mutiewa.oksana@yandex.ru

Abstract. The article, using archival materials from the Russian State Archive of Social and Political History, the Central State Archive of the Republic of Dagestan, examines issues related to the solution of the women's question in the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic in the 20s—30s of the 20th century. Decrees of the Soviet government, directives, resolutions of the Dagestan Central Executive Committee and Council of People's Commissars, the regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, NKVD circulars, reports of women's departments, and decisions of the All-Dagestan Congresses of Soviets are analyzed. An analysis of the documents showed that the activities of state and party bodies of the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic were aimed at ensuring equality and "emancipation" of mountain women, a targeted fight was waged against archaic adats and Sharia traditions, and gender boundaries were removed. The socio-political situation, the high level of religiosity in society, the patriarchal foundations of the family and the propaganda of anti-Soviet sentiments had a negative impact on the results of the work carried out. The authors concluded that the solution to the women's issue in the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic was not worked out theoretically by the Bolsheviks; in practice, the work carried out on the emancipation of the female population was reduced to the unification of forms and methods, and national specificity, traditions and customs of the people were leveled. Contrary to the decrees of the party organs, adat-sharia traditions continued to exist, passing into latent forms. In difficult conditions, a restructuring of consciousness took place not only among family members and society, but also among the mountain women themselves.

Key words: Soviet authorities, Dagestan, party organs, decree, women's emancipation, "emancipation" of mountain women, the woman question, kalym, polygamy, family and marriage relationships, religion

For citation: Mutieva, O. S., Garunova, N. N. (2025) Kak ponimalos' osvobozhdenie gorianki organami sovetskoj vlasti Dagestana v 1920—1930-kh gg. [How did the Soviet authorities of Dagestan understand the liberation of mountain women in the 1920s—1930s?], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 2, pp. 67—83.

Введение

Тема освобождения женщины Востока остается дискуссионной и не теряет своей значимости по настоящее время. Особенно актуальной данная тема представляется в свете противоречивых тенденций, которые имеют место в наши дни в регионах с мусульманским населением. Возрождаются предрассудки о вреде женского образования, среди молодого поколения нормой становится практика многоженства, ранние браки. 100 лет назад советская власть декларировала

гендерное равноправие, сегодня же под давлением религиозных предписаний женщины-горянки подавляют в себе светскость.

В 20—30-х гг. XX в. складывалась советская модель женской эмансипации, согласно ей, идейно-классовая цель государства заключалась в формировании новой, советской женщины. Стратегия большевиков в данном направлении была нацелена на перестройку общественного сознания, поскольку от этого зависела степень эмансипации женщин.

Сегодня невозможно констатировать факт наличия конкретных авторов, которые первыми после Гражданской войны начали писать о необходимости решения на Кавказе женского вопроса. Вместе с тем следует отметить, что ряд известных женщин неоднократно обращались к данной теме. Например, И. Ф. Арманд писала о том, что необходимо внедрить новые методы и формы советской и партийной работы для того, чтобы не просто раскрепостить, или освободить, женщину, но добиться ее активного участия в общественной жизни. Женщина-министр А. М. Коллонтай обосновала важность проведения преобразований в обществе, которые помогли бы женщине выполнять функции, возложенные на нее новым государством. В работах Н. К. Крупской рассматривались проблемы деятельности большевистской партии по разрешению женского вопроса. Для региональных женских организаторов и партийных работников данные публикации служили руководством к действию.

В советской историографии проводимая большевиками политика оценивается с разных позиций. В трудах советских ученых главным был подход, основанный на положении, что «раскрепощение» женщины-горянки — это одно из завоеваний революции, советская власть освободила женщин от вековых адатно-шариатских устоев, которые угнетали женщину, ущемляя ее права [Гаджиева, Мелешко, 1960; Гасанова, 1963; Кафаров, 1970; Вагабов, 1973; Смирнова, 1983]. В изданном в 1979 г. сборнике материалов и документов «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917—1936 гг.)» авторы старались раскрыть ведущую роль КПСС и государства в деле защиты прав женщин, размышляли об активном вовлечении женщин в политическую, общественную, производственную жизнь; все события, связанные с женской эмансипацией, рассматривалась исключительно в положительном ключе [Великий Октябрь... , 1979].

В постсоветский период историки пересмотрели прежние выводы о «титанических усилиях» правительства и выдающихся партийных деятелей Дагестана для «снятия вековых оков» с горянок в годы социализма. Впервые исследователи заметили особый по сложности период 1920—1930-х гг., по-иному стали пониматься и «раскрепощение» горянки, и сами события политической жизни в Дагестане, та роль, которую играли в них женщины. Как бы ни осуждалась сейчас прежняя риторика партийных чиновников, которые отчитывались об успехах «раскрепощения» женщин, авторы не могут не признать: именно в предвоенные десятилетия у дагестанок появилась возможность не следовать предначертанным им традицией жизненным путем, но выбирать свой, самостоятельно. Те самые 1920—1930-е гг. были временем «претворения в жизнь нового законодательства, призванного вытеснить нормы шариата и адата нормами советского права» [Смирнова, 1983: 122].

Ряд современных авторов справедливо полагают, что советское государство стремилось выработать новый формат семейной и гендерной политики, законы, направленные на улучшение правового положения женщин, обеспечение их равноправия, освобождение от «семейного рабства» [Мицюк и др., 2024: 77—78]. Создание новых отношений в обществе шло параллельно с процессами вовлечения женщин в политическую жизнь и общественное производство, процессами регулирования семейных отношений государством [Пушкарева, 2012: 8].

Членами исследовательской группы Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН был опубликован ряд фундаментальных монографий и научных статей, в которых рассмотрены особенности экономического, социального, политического и правового развития Дагестана, исторически повлиявшие на положение женщины и обусловившие невозможность вписать ее в стереотип традиционной восточной женщины [Каймаразова, 2022; Мирзабеков, 2022; Гаджиева, Лысенко, 2024].

Советскую модель эмансипации женщин некоторые авторы (особенно западные) понимают как проявление маскулинности, женщины перенимали мужскую модель поведения, руководствуясь законами советской власти [Пушкарева, 1999; Каймаразова, 2022]. По мнению современных исследователей, ломка гендерных стереотипов была заложена задолго до революционных событий 1917 г. и мероприятий большевиков, существенные изменения в правовом положении женщин стали происходить в период социальных реформ во второй половине XIX в. [Мутиева, 2024].

20-е гг. XX в. — это время наступления на традиции населения Кавказа, оно было настолько революционным, что в истории региона нельзя найти примера подобного давления на традиционную культуру горцев. Методы советской власти по «перевоспитанию» женщины-горянки исследователи оценивают как травмирующие для женского сознания, которое не было готово воспринимать такие радикальные изменения [Анчабадзе, 2011: 66].

Процесс эмансипации не был проработан теоретически, отличался своей противоречивостью, применяемые методы нивелировали национальную специфику [Текуева, 2015]. В указанный период присутствовали идеи о формировании нового человека, которого создавала советская культура, поэтому большевики стали вторгаться в те традиции, которые не соответствовали их идеалу. По мнению исследовательницы М. А. Текуевой, чего стоила только одна известная кампания «Пальто горянке», которая с 1927 г. проходила по всей территории Северного Кавказа. Используя идеологию, ее последователи стали активно бороться с пережитками прошлого, но «эта форма не находила должного признания среди населения» [Текуева и др., 2022: 132].

Обкомы партии инициировали данную кампанию с целью вовлечения горянок в политическую жизнь и общественное производство, для чего была проведена большая разъяснительная работа. У женщин не было верхней одежды, только шали, и для усиления активности и выхода из дома в холода в регион завезли тысячи одинаковых, сшитых из плохой ткани пальто. Следует отметить, что консервативная часть населения, и особенно духовенство, выступала с критикой не только нарушения обычая, но и действий советской власти и тех методов, которые она использовала. Изменение стиля женской одежды шло достаточно

медленно, а навязчивые кампании, связанные с требованием переодеть женщину, были восприняты как насаждение чужой культуры, поскольку мировоззрение горянок не могло измениться очень быстро [Кумыкова, 2013: 4].

В Дагестане кампания «Пальто горянке» прошла под лозунгом «Долой чохто», который не уступал по популярности другим агитационным лозунгам большевиков. В этой кампании более активно и организованно принимали участие школьницы открываемых советских школ [Гаджалова, Магомедов, 2020].

В документах Чеченского облисполкома, в протоколе заседания комиссии по улучшению труда и быта горянок от 27 ноября 1927 г., указано: «Кампания проходит успешно, “Крайсоюз” отпустил для Чечни 950 пальто для женщин и материал для заготовки пальто девочкам» [Великий Октябрь... , 1979: 200].

По прошествии времени рекламное и информационное сопровождение данной кампании постепенно перестало ассоциироваться с проведенными в рамках ее мероприятиями и начало транслировать горцам разрушительные смыслы.

Цель данного исследования — через анализ официальных документов, нормативно-правовых актов советских и партийных органов республики выявить специфику проводимых мероприятий по «раскрепощению» женщины-горянки и их результативность, показать недочеты и ошибки, формы работы с женщинами.

Источниковой основой исследования выступили официальные документы, постановления, декреты центральных, краевых и республиканских государственных и партийных органов, отражающие политику власти в отношении женщин.

При анализе материалов и документов были использованы сравнительно-исторический и проблемно-аналитический методы, которые позволили выявить формы и методы деятельности советской власти, связанной с «раскрепощением» женщин.

Вовлечение женщин в общественно-политическую жизнь

Первостепенная задача советской власти заключалась в ликвидации неграмотности населения. 26 декабря 1919 г. СНК РСФСР обнародовал декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», на реализацию которого были мобилизованы все силы интеллигенции. Образование должно было стать ступенью для вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь.

Особенно остро проблема с образованием стояла в национальных республиках, процент грамотных женщин был мизерным. В Дагестане доля грамотного женского населения составляла всего 2 %, процент образованных мужчин был чуть выше. В 1920 г. отдел просвещения отчитался перед Дагестанским революционным комитетом, в отчете отмечался низкий уровень грамотности среди взрослого населения [ЦГА РД, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 6].

Для борьбы с массовой безграмотностью уже в 1920 г. в городах и селах Дагестанской области открываются школы грамотности — ликпункты. Школы грамоты функционировали в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Дербенте. К 1925 г. по всей республике действовали 229 ликпунктов [Каймаразов, 2007: 126—128].

Понимая важность образования, Дагестанский ревком 26 октября 1921 г. обнародовал декрет «О создании Дагестанской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности» при Главполитпросвете. Согласно декрету, главной целью создания чрезвычайной комиссии была «срочная ликвидация неграмотности среди взрослого населения страны и юношества в возрасте от 15 до 50 лет» [ЦГА РД, ф. 4-р, оп. 3, д. 13, л. 8].

Задачи, стоящие перед комиссией, были нелегкие. Население не владело русским языком, не было национальной письменности, обучение велось с использованием арабского письма, только в 1928 г. была создана письменность на основе латиницы. Кроме того, не хватало учителей, владеющих русским языком. Все эти факторы отрицательно сказывались на процессе ликвидации неграмотности, который проходил медленно и в очень сложных условиях.

Чтобы ускорить данный процесс, в июне 1924 г. на расширенном пленуме Дагобкома РКП(б) было принято решение об организации общества «Долой неграмотность». На пленуме отмечалась нехватка учительских кадров, плохое обеспечение книгами и необходимость открытия новых пунктов по ликвидации неграмотности [ЦГА РД, ф. 37-р, оп. 21, д. 168, л. 34—35].

Особенно тяжело шел процесс ликвидации неграмотности среди женщин-горянок. Патриархальные устои, консерватизм общества и семьи были главными препятствиями на пути к образованию женщин, что отмечалось в протоколе заседания ЦИК и СНК ДАССР [ЦГА РД, ф. 566-р, оп. 3, д. 4, л. 18].

В июне 1925 г. проходил IV съезд дагестанских женщин, где с докладом «О просвещении горянок» выступил нарком просвещения республики Алибек Алибекович Тахо-Годи. Обращаясь к делегатам съезда, он сказал: «...никакого, в сущности, просвещения горянки нет, вопрос о просвещении в аульской обстановке стоит так: зачем просвещение, если вместе с ним женщина станет развратной» [ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 128, л. 171]. Заметим, что А. А. Тахо-Годи, занимая пост наркома просвещения ДАССР с 1922 по 1929 г., не только отвечал за решение вопросов образования, но и курировал весь процесс культурного строительства в республике. Самое пристальное внимание он уделял проблеме образования и просвещения женщин-горянок.

Несмотря на все усилия органов власти, было сложно преодолеть патриархальные предрассудки, единицы девочек посещали школы в сельской местности. На объединенном заседании бюро обкома и фракций ЦИК и СНК 21 сентября 1925 г. выступил А. А. Тахо-Годи и указал окружным партийным руководителям, что необходимо активнее вовлекать в учебный процесс девочек [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 615, л. 40—45]. Однако работа проводилась формально. Стояла задача переломить сложившуюся ситуацию с состоянием образования девочек в сельских школах. Извлеченные и введенные нами в научный оборот документы ряда архивохранилищ страны показали, что в 1924/25 учебном году в нагорных округах Дагестана девочки практически не посещали школы, а в горных Андийском и Аварском округах они вообще не обучались [ЦГА РД, ф. 37-р, оп. 20, д. 136, л. 257].

Выступая с докладом на очередном бюро обкома в апреле 1927 г., А. А. Тахо-Годи повторно указывал на недоработки партийных органов по охвату девочек-горянок системой светского образования [ЦГА РД, ф. 4-п, оп. 10,

д. 7]. В то время как в отчетах органов власти имелась положительная динамика в уровне образования, к началу 1925 г. в школах 1-й ступени, расположенных в городах, обучалось 4656 девочек, а в школах 2-й ступени, расположенных в селах, — 401 девочка [там же, л. 258]. Сильным было влияние духовенства на семью и общество, устойчивыми оставались предубеждения относительно женского образования. В архивном документе имеются сведения, что группа состоятельных жителей села Шими Курахского района проводила агитацию среди населения против открытия ликпунктов для женщин, распуская слухи, что женщины там занимаются развратом, а им потакают советские власти [ЦГА РД, ф. р-800, оп. 2, д. 44, л. 89]. Кроме того, до 1926 г., согласно постановлениям ВЦИК от 9 и 28 июня 1924 г., преподавание вероучения допускалось в мечетях «ввиду культурной отсталости мусульман», посещаемость была высокой, там же шла агитация против ликпунктов [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 17, д. 725, л. 62].

Для того чтобы контролировать деятельность мечетских школ, дагестанский нарком просвещения по согласованию с НКВД республики 26 октября 1926 г. издал специальную инструкцию «К положению о порядке преподавания мусульманского вероучения», где определил нормы по открытию и содержанию мечетских школ [там же]. Согласно положению, преподавание вероучения в советских школах не допускалось, посещение мечетей разрешалось только лицам, достигшим 12 лет [там же]. Обязательной была регистрация мечетских школ в органах окружного отдела народного образования, в противном случае наступала уголовная ответственность [там же].

Заметим, что даже в годы активной антирелигиозной работы партийных органов в обществе сохранялся высокий уровень религиозности, в том числе и среди женского населения. В отчетном докладе Дагестанского отдела ОГПУ за 1932—1933 гг. отмечалось, что женщины аварского селения Кахиб совершали коллективные религиозные обряды, несмотря на репрессии против духовенства [ЦГА РД, ф. р-800, оп. 2, д. 49, л. 112].

В 30-х гг. процессом обучения было охвачено уже более 16 % женского населения республики. Партийные органы в своих отчетах отмечали положительную динамику. Так, в постановлении Президиума ЦИК ДАССР «По итогам ликвидации неграмотности среди населения» от 12 июня 1930 г. имеются сведения о 100 тыс. женщин, которые прошли обучение в ликпунктах [ЦГА РД, ф. 37-р, оп. 20, д. 136, л. 254—257].

Несмотря на обучение, большинство женщин в сельской местности оставались малограмотными, учение им давалось с трудом. В обществе очень сложно происходило переосмысление патриархально-шариатских взглядов на образование женщин. Так, в 1925 г. после установления советской власти в доме жителя селения Меgeb Гунибского округа Муртазали Магомедова был открыт пункт по ликвидации неграмотности, посещали его несколько человек, в том числе три женщины. Обучением русскому языку занимался Абдула Махаров, которого в селе называли Урус-Абдула, т. е. русский¹.

Изучение документов из ряда архивохранилищ показало, что органы советской власти в работе по ликвидации неграмотности среди женского населения

¹ Полевой материал О. С. Мутиевой, апрель 2023 г., информатор З. Махарова, 1939 г. р., с. Меgeb, Гунибский р-н.

руководствовались классовым подходом. Очевидно, что в условиях политической ситуации 20—30-х гг. XX в. главным было выполнение директив советской власти, поэтому ее республиканские органы завышали отчетные данные, они отличались от реальных цифр.

Особое место в политике освобождения женщины занимали вопросы, связанные с вовлечением женщин в различные формы активности (женские клубы, сакли горянок, съезды, конференции). Первые женские клубы были открыты в 1925 г. по инициативе женотделов в Махачкале и Дербенте. При областном клубе горянок Махачкалы функционировали ликпункт, библиотека, интернат для девочек-горянок, швейная и ковровая артели, а также курсы по подготовке работниц женотделов. В Дербенте с 1925 г. функционировали два женских клуба: один из них объединял турчанок, другой — горянок. Клубом горянок руководила Сусанна Богданова, по инициативе которой при клубе стали работать ликпункт, библиотека, детский сад. По инициативе учительницы Анны Сафаровой были организованы кружки кройки, шитья и вязания, кружок по математике вела Ася Табасаранская, а по азербайджанскому языку — Айшат Алибекова [Женское светское образование... , 2021].

С 1927 г. деятельность женских клубов и саклей горянок осуществлялась в рамках постановления ЦК ВКП(б) от 14 января 1927 г. «О задачах женских клубов на Советском Востоке». Главную задачу государство видело «в улучшении качества клубной работы», поскольку бытовые традиции еще не давали «возможности женщине участвовать в общей работе — посещать школы, избы-читальни» [ГА РФ, ф. 6983, оп. 1, д. 37, л. 18].

Учитывая специфику Дагестана, менталитет дагестанского общества, можно согласиться с мнением, что сакли горянок «больше, чем другие культурно-просветительские учреждения, способствовали развитию активности женщин» [Гаджиева, 1967: 41]. В 1927 г. в республике уже функционировали 14 саклей горянок. Под контролем окружных женотделов девушки в саклях горянок получали трудовые навыки кройки, шитья, параллельно шло обучение и просветительно-агитационная работа [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 1015, л. 4].

Стоит подчеркнуть, что женщины не имели права свободно пойти в клуб или в саклю горянок. Такую возможность им могли предоставить только мужчины семьи, отец или муж. Единицы женщин осмеливались нарушить установленный порядок и посетить культурно-просветительское учреждение. Так, в селении Мегеб Гунибского округа как таковой сакли горянок не было, и женским просвещением занимались при сельской школе. В 1934 г. этой работой были охвачены всего три женщины, одна из них замужняя, муж у нее был член партии и не препятствовал ей, две другие были взрослые незамужние девушки лет 30. Русская женщина по имени Нюра учила их грамоте и вышиванию².

Клубная деятельность вызывала неприятие у общества и семьи и воспринималась в основном как вредное нововведение. Иногда необдуманные решения советских органов власти могли оттолкнуть женщин-горянок от клубной деятельности. Так, в селе Алтуд Кабардино-Балкарской области на собрании активистки решили разрушить стены мечети, поскольку не хватало материала на строительство клуба горянок. Но утром разобранные стены мечети оказались

² Там же.

восстановленными, это могли сделать сами женщины. Не строительство клуба вызвало у женщин протест, а разрушение храма [Текуева: 2015: 151].

В 1920 г. в ЦК РКП(б) началась работа по организации I Всероссийского съезда женщин Востока. Для подготовки съезда в 1921 г. при всех центральных комитетах партии республик и областей были созданы организационные бюро. Одним из них было Кавказское бюро, которое совместно с женотделами проводило большую организационную работу. Хорошо понимая, какое значение имеет работа с женским населением, секретариат Кавказского бюро ЦК РКП(б) на протяжении 1921 г. вел переписку с ЦК РКП(б) и центральными комитетами коммунистической партии республик Закавказья о созыве краевого партийного совещания и об открытии I съезда женщин Востока [РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 39, л. 6]. Сотрудники и руководство Кавказского бюро ЦК РКП(б) вели активную переписку с центральными комитетами Азербайджана, Грузии, Армении, с Международным женским секретариатом Коминтерна [там же, д. 76, л. 4].

Съезд женщин Востока так и не был проведен в силу объективных причин: страна находилась в разлуке, не было денежных средств на финансирование столь значимого мероприятия. Несмотря на это, повсеместно продолжалась работа по вовлечению женщин в различные формы общественной деятельности. Так, в период с 1921 по 1925 г. в Дагестане были проведены четыре съезда женщин-горянок, которые, безусловно, способствовали росту их общественно-политической активности. Помимо женских съездов, проводились конференции, в работе которых принимали участие беспартийные женщины. По архивным данным, число участниц конференций росло с каждым годом, в 1921 г. в конференции приняли участие 75 делегатов, в 1924 г. почти 369, а в 1925 г. уже 531 [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 980, л. 62].

Важную роль в работе с женщинами партийные органы отводили женотделам. 21 декабря 1921 г. вышло постановление Кавказского бюро ЦК РКП(б) об основных задачах женотделов по работе среди женщин восточных народностей. В документе говорилось о важности новых форм и методов работы женотделов с кавказскими женщинами, которые должны соотноситься с менталитетом и местными традициями. Отмечалась важность вовлечения в женотделы активных сознательных женщин, наличия подготовленных кадров [Великий Октябрь... , 1979: 205].

В Дагестане первые женотделы были созданы в 1920 г. при городских и окружных комитетах РКП(б) [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 707, л. 34]. На женотделы возлагалась и агитационная работа среди женщин. По архивным данным, к 1924 г. этой работой в общей сложности было охвачено 12 аулов [Гаджиева, Мелешко, 1960: 29].

Процесс вовлечения женщин-горянок в женотделы в сельской местности был сопряжен с большими трудностями, сказывались патриархальные и культурные традиции. Так, заведующая окружным женотделом селения Кази-Кумух в своем отчете отмечала, что в состав женщин-активисток входили исключительно старушки в возрасте 60—70 лет, молодых женщин не было вообще [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 256, л. 19]. Заведующая окружным женотделом Карчагской долины писала в своем отчете, что в селении Зизик не удалось организовать

женщин для участия в собрании, их запугивали, что могут «куда-то записать» [там же, д. 515, л. 135].

Партийными органами на женотделы возлагалась и задача по проведению среди женщин агитационной работы, направленной против религиозных и патриархальных норм. В отчете заведующей женотделом Дагестанского обкома РКП(б) за 1920 г. отмечалась важность агитационной работы, проводимой с женщинами-горянками на местах [ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 63, л. 59—61]. Так, женотдел в селении Кази-Кумух, открывая для женщин швейные и вязальные мастерские, проводил среди них подготовительную агитационную работу, а в г. Петровске женсовет организовывал среди работниц фабрик и учреждений партийные ячейки, выбирал делегатов на съезды [там же, л. 60].

В 1923 г. женотделы по всей стране были переименованы в отделы по работе среди работниц и крестьянок, но суть их оставалась прежней — вовлечение женщин в общественно полезный труд, формирование нового мировоззрения.

Женотделы тесно работали с делегатскими собраниями, которые подчинялись отделу по работе с женщинами при ЦК, оказывая помощь партийным органам. В Дагестане делегатские собрания стали созывать с 1921 г., на этих собраниях присутствовали делегатки со всех округов [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 703, л. 29], каждый год проходило около ста собраний (большая их часть — с середины 20-х гг.), а число делегатов было более 4 тыс. [там же, д. 4033, л. 2].

Краевые и республиканские власти рапортовали о значительных успехах в деле вовлечения женщин-горянок в общественно-политическую жизнь. В резолюции III Северо-Кавказского краевого съезда горянок и нацменок «О вовлечении женщин в общественную деятельность» отмечалось, что работа женских кружков, клубов, конференций оправдала себя [ГА РФ, ф. 6983, оп. 1, д. 16, л. 13].

Руководствуясь постановлениями ЦИК СССР от 1925 г. о недостаточной работе партийных органов национальных республик с бытовыми и религиозными предрассудками, которые мешают раскрепощению женщин, Дагестанский ЦИК издает постановление «О правовых нормах женщины-горянки», которое провозглашает равноправие мужчин и женщин во всех сферах жизни.

Несмотря на все постановления и проводимую антирелигиозную кампанию, и в последующие десятилетия отмечалась недостаточная и непродуманная работа по борьбе с вредными пережитками религии и атеистическому воспитанию населения, что нашло отражение в протоколах заседаний бюро Дагестанского обкома ВКП(б) [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 7180, л. 18].

Общественная активность женщин не приветствовалась их семьями, мужья запрещали женам участвовать в мероприятиях, часто прибегали к физическому и моральному давлению. Нередко такие же методы применяли мужья-коммунисты. Например, в архивных материалах имеется дело о фактах издевательства секретаря первичной организации колхоза им. Кирова Бейбулата Салихова над своей женой женорганизатором райкома ВКП(б) Джарият Магомедовой [там же, л. 81]. Представляет интерес то, как повели себя партийные органы, как они отреагировали на недостойное поведение партийного руководителя. Бюро Казбековского райкома ВКП(б), обсудив поведение секретаря парткома колхоза, вынесло ему строгий выговор с предупреждением,

он был снят с должности секретаря парторганизации колхоза, но через несколько дней по ходатайству секретаря райкома ВКП(б) рекомендован на должность председателя Казбековского райпо по заготовкам [там же]. Это дело было вынесено на рассмотрение заседания бюро Дагестанского обкома ВКП(б), решение Казбековского райкома ВКП(б) было отменено как либеральное, принято решение об исключении Б. Салихова из рядов партии [там же, л. 82]. Кроме того, бюро обкома ВКП(б) поручило прокурору привлечь Б. Салихова к судебной ответственности за систематическое издевательство над товарищем Д. Магомедовой, женорганизатором, членом райкома ВКП(б) и депутатом райсовета трудящихся [там же]. Бюро обкома ВКП(б) отметило также бездействие партийных работников Казбековского райкома партии, которые прикрывали факты издеательства со стороны мужа и препятствия участию его жены в общественной работе [там же, л. 81].

Нередко общественная активность женщин могла им стоить жизни. Так, в 1932 г. в Левашинском районе были убиты мужьями три женщины-активистки. Заметим, что в глазах общественности причиной убийства была ревность, а не общественная деятельность [Гасанова, 1963: 118].

Анализ правовых документов показывает, что государственными и партийными органами советской власти проделана значительная работа по вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь республики. Эта работа была сопряжена с большими сложностями. Препятствием на ее пути выступали традиционные и религиозные нормы, сохранявшиеся в обществе, а также консерватизм мужей. Вопреки партийным установкам о равенстве мужчин и женщин, кавказский мужчина не был готов принять общественную активность женщины.

Политика советской власти в сфере семейно-брачных отношений

С первых дней установления советской власти большое внимание уделялось институту семьи и брака. В декабре 1917 г. были приняты два важных документа — декрет СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и декрет «О расторжении брака».

В Дагестане местные органы власти стали проводить целенаправленную работу по искоренению архаичных адатов и религиозных обычаев в сфере семейно-брачных отношений. Издаются законы, направленные на защиту прав женщин в семейном быту, на борьбу против адатных и шариатских пережитков. В 1920 г. Дагестанский революционный комитет принимает постановление «О борьбе с похищениями девушек-горянок и вступлением с ними в брак против их воли».

В 1926 г. издается постановление Дагестанского ЦИК и СНК «О правах трудящихся женщин-горянок», ставящее целью окончательное «раскрепощение» женщин-тружениц Дагестана [ГА РФ, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 125—127]. Советская власть начала решительную борьбу с калымом как пережитком прошлого. В постановлении, наряду с провозглашением равноправия женщины-горянки, содержатся отдельные пункты касательно семейно-брачных отношений: вводилась уголовная ответственность по факту получения калыма родителями девушки, его взимание в любом размере грозило лишением свободы

сроком до 2 лет, похищение женщин с целью вступления с ними в брак каралось законом в виде лишения свободы сроком до 5 лет [там же, л. 125—126]. Для девушек был определен допустимый брачный возраст — 16 лет, по советским законам за «вступление в брак до указанного возраста или принуждение их со стороны родителей, опекунов или родственников» назначалось наказание в виде лишения свободы сроком от 3 до 5 лет [там же, л. 125].

Согласно данному постановлению, «каждый брак должен был быть зарегистрирован в сельсовете в книге актов гражданского состояния» при обязательном присутствии невесты и с ее согласия на вступление в брак [там же, л. 126]. Кроме того, отдельным пунктом постановления девушке предоставлялась полная свобода в выборе мужа, а «всякое насилие над ее свободной волей» со стороны семьи и родственников каралось законом в виде лишения свободы сроком до 5 лет [там же].

Поскольку метрические свидетельства в те годы еще отсутствовали и браки часто не регистрировались, заключение противозаконных браков очень редко получало огласку. Следовательно, до судебного разбирательства доходили редкие факты брака с лицом, не достигшим брачного возраста. Так, в 1939 г. в лакском селении Шара родителями был скрыт факт выдачи замуж несовершеннолетней девочки за взрослого мужчину, несмотря на ее нежелание. Такие случаи были нередки в селе³.

Положение действующего постановления НКВД республики от 1921 г. «О регистрации браков», которое обязывало брачующихся обязательно до заключения мусульманского брака никак (бракосочетание) регистрировать брак в органах ЗАГС, повсеместно нарушалось муллами, а семья и сама девушка этому не противились [Вагабов, 1973: 34]. Чтобы контролировать соблюдение регистрации брака, специальным декретом Даггревкома кадии зачислялись в штат органов ЗАГС на должность делопроизводителя 1-го разряда [Гусейнов, 2024: 291].

Решительные меры советская власть предпринимала в искоренении многоженства. Несмотря на то что это не было столь распространенным явлением, все же имеющиеся факты рассматривались как порочащие новую советскую семью. В постановлении ЦИК и СНК ДАССР от 1926 г. «О правах трудящихся женщин-горянок» отмечалось, что двоеженство и многоженство на территории советской республики не допускается [ГА РФ, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 127]. Наказанию подлежали представители мусульманского духовенства, заключившие браки женатых мужчин [Гусейнов, 2024: 282].

В 1927 г. издается специальный циркуляр НКВД ДАССР, согласно которому многоженство приравнивается к уголовному преступлению и карается по закону. Заметим, что среди мужчин-двоеженцев были и коммунисты. Так, в протоколах заседаний бюро Дагестанского обкома ВКП(б) отмечалось, что «по причине отсутствия систематической борьбы с пережитками среди коммунистов имеются факты многоженства» [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 7180, л. 216].

Существенным препятствием в реализации директив советской власти являлись шариатские суды, которые действовали согласно положению Дагестанского ревкома от 1920 г. «О шариатских судах». Органы власти сравнительно

³ Полевой материал О. С. Мутиева, июнь 2023 г., информатор К. Билалова, 1936 г. р., г. Махачкала.

лояльно относились к шариатскому судопроизводству, в 1923 г. шариатские суды существовали во всех округах. В их ведении находились и бракоразводные дела. Как известно, инициатива развода по нормам шариата принадлежала мужчине, ему достаточно было три раза произнести слово «талак» (развод), и брак расторгался.

Руководствуясь принципами гендерного равенства, 20 сентября 1924 г. ЦИК Дагестана постановил, что все бракоразводные дела могли по усмотрению истца рассматриваться как шариатским, так и народным судом. Специальная инструкция наркома юстиции Дагестана допускала перенос бракоразводных дел из шариатского суда в народный. Воспользовавшись такой возможностью, женщины сами обращались в народные суды с иском о разводе, поскольку по закону согласия мужа не требовалось. В 1925 г. в обзоре отдела работниц и крестьянок при Северо-Кавказском крайкоме ВКП(б) отмечалось, что от женщин в народный суд поступило более 90 исков о разводе [ГА РФ, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 125—127]. В Дагестане увеличилось число исков в суд от женщин, которые желали расторгнуть брак, заключенный против их воли [Гаджиева, 1967: 39].

Вместе с тем нередки были случаи, когда, несмотря на решение суда, муж не давал женщине развод по нормам шариата. В связи с чем в 1928 г. пленум Главсуда ДАССР издает специальное постановление «Об ответственности за непредоставление горцами своим бывшим женам развода по шариату после расторжения брака в органах загса» [там же: 45].

Судебные дела шли месяцами, сопровождалась бюрократической волокитой, имели место формализм и предвзятость в отношении к женщине. Известен случай, когда работники судебной системы, сославшись на занятость, цинично посоветовали женщине прийти в праздничный день 8 Марта, сказав, что в этот день «точно будет повод рассмотреть» ее дело [Каймаразова, 2022: 67]. Очевидно, что дуализм в бракоразводных делах открывал лазейки для нарушения советского законодательства.

С еще большими трудностями советская власть столкнулась, когда семейные дела стали разбираться только по нормам советского законодательства. В 1931 г. утверждаются циркуляры и инструкции Главсуда ДАССР, согласно которым процедура развода проводилась исключительно органами ЗАГС, женщине-горянке достаточно было подать заявление о расторжении брака, чтобы развод считался легитимным [ЦГА РД, ф. 123-р, оп. 1, д. 30, л. 5]. К советской практике развода семья и общество относились отрицательно и, несмотря на ужесточение ответственности, придерживались шариатских правил. Женщина, получившая развод не по шариату, а только по советским законам, считалась «порочной», а сам развод «большим грехом» [Гаджиева, 1967: 44].

Выводы

За небольшой исторический отрезок времени невозможно переосмысление старых семейных ценностей и признание новых, столь радикальных для традиционного общества. Принимая брачно-семейные законы, советские органы власти не проводили в должной мере работу с мужским населением. Отцы и мужья продолжали решать все вопросы, касающиеся семьи и брака.

Даже если учесть тот факт, что власти использовали на местах все имеющиеся возможности в области проведения организационных и пропагандистских мероприятий для перевоспитания горянок, следует признать: им пришлось столкнуться с рядом трудностей. Грубое внедрение с использованием административного ресурса новых стандартов поведения, кроме негативного восприятия со стороны общества, имело и травмирующий эффект для сознания горянок, которое не было подготовлено к тому, чтобы так быстро изменилось их гендерное положение в семейной и общественной жизни.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что женщина в дагестанском обществе, получив юридические права, морально осталась сильно зависимой от традиционных устоев, мнения окружающих.

Недостаточно было провозгласить декреты, важно было преодолеть мужской консерватизм как в семье, так и в обществе. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся просчеты и ошибки, советское законодательство в 20—30-х гг. XX в. стало важным фактором улучшения положения женщин национальных республик. Достигнутые относительные успехи давали возможность советской власти говорить о том, что ей удалось повсеместно ликвидировать в женской среде неграмотность, привлечь женщин к активной общественной жизни.

Список источников

- Анчабадзе Ю. Д.* Социально-политические трансформации в адыгском ауле 1920-х гг.: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 61—67.
- Вагабов М. Б.* Ислам и семья. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 47 с.
- Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917—1936 гг.): сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1979. 350 с. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/587881> (дата обращения: 15.02.2025). ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).
- Гаджалова Ф. А., Магомедов А. Д.* Формирование нетрадиционных фасонов теплой (плечевой) одежды в Дагестане в первой половине XX в. // *Манускрипт*. 2020. Т. 13, вып. 3. С. 72—76.
- Гаджиева З. Н., Лысенко Ю. М.* Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана в 1900—1917 гг. Махачкала: АЛЕФ, 2024. 212 с.
- Гаджиева С. Ш.* Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967. 404 с.
- Гаджиева С. Ш., Мелешко А. Г.* Женщины Советского Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 144 с.
- Гасанова А. И.* Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920—1940 гг.) / *Даг. фил. Акад. наук СССР, Ин-т истории, яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы*. Махачкала, 1963. 157 с.
- Гусейнов Ю. М.* Адат и шариат в быту у кумыков в XIX—XXI вв. Махачкала: АЛЕФ, 2024. 400 с.
- Женское светское образование в Дербенте. 2021. URL: <https://derbentmuseum.ru/pauchnaya-deyatelnost/> (дата обращения: 15.02.2025).
- Каймаразов Г. Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Каймаразова Л. Г.* Социально-культурное развитие Дагестана в 1930-е гг.: гендерный аспект советской модернизации. Махачкала: АЛЕФ, 2022. 284 с.

- Кафаров Я. М. Охрана прав женщин. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. 48 с.
- Кумыкова Л. Пальто — горянке // Горянка. 2013. № 42. С. 4—12.
- Мирзабеков М. Я. Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана в 1917—1920-е гг. Махачкала: АЛЕФ, 2022. 260 с.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л., Мухина З. З. «Освобождение женщин» и семейная политика 1918—1920-х гг.: приобретения и издержки // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 75—92.
- Мутиева О. С. Повседневность дагестанской женщины: Кавказская война и социокультурные перемены XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2024. 336 с.
- Пушкарева Н. Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47—59.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная система в Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 8—24.
- РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
- Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX — XX в.). М.: Наука, 1983. 265 с.
- Текуева М. А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917—1941 гг.) // Социальная история: ежегодник. СПб.: Алетейя, 2008. С. 303—329.
- Текуева М. А. Эмансипация женщин на Северном Кавказе: трудности перевода с русского на кабардинский // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, Гранада, Испания, 18—20 сентября 2015 г.: в 15 т. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 3. С. 149—152.
- Текуева М. А., Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Битокова М. В. Костюмный ренессанс в традиционной культуре кабардинцев как способ этнической самоидентификации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4. С. 129—136.
- ЦГА РД (Центральный государственный архив Республики Дагестан).
- ЦПА ИМЛ (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

References

- Anchabadze, Yu. D. (2011) Sotsial'no-politicheskie transformatsii v adygskom aule 1920-kh gg.: gendernyi aspekt [Socio-political transformations in the Adyghe village of the 1920s: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 61—67.
- Gadzhhalova, F. A., Magomedov, A. D. (2020) Formirovanie netraditsionnykh fasonov teploĭ (plechevoĭ) odezhdy v Dagestane v pervoi polovine XX v. [Formation of non-traditional styles of warm (shoulder) clothing in Dagestan in the first half of the 20th century], *Manuskript*, vol. 13, iss. 3, pp. 72—76.
- Gadzhieva, S. Sh. (1967) *Sem'ia i semeinyĭ byt narodov Dagestana* [Family and family life of the peoples of Dagestan], Makhachkala: Dagkniгоizdat.
- Gadzhieva, S. Sh., Meleshko, A. G. (1960) *Zhenshchiny Sovetskogo Dagestana* [Women of Soviet Dagestan], Makhachkala: Dagkniгоizdat.
- Gadzhieva, Z. N., Lysenko, Yu. M. (2024) *Gendernyi aspekt sotsial'no-kul'turnogo razvitiia Dagestana v 1900—1917 gg.* [The gender aspect of socio-cultural development of Dagestan in 1900—1917], Makhachkala: ALEF.
- Gasanova, A. I. (1963) *Raskreposhchenie zhenshchiny-gorianki v Dagestane (1920—1940 gg.)* [Emancipation of the mountain woman in Dagestan (1920—1940)], Dagestanskiĭ filial Akademii nauk SSSR, Institut istorii, iazyka, literatury i iskusstva imeni G. Cadasy, Makhachkala.

- Guseinov, Yu. M. (2024) *Adat i shariat v bytu u kumykov v XIX—XXI vv.* [Adat and Sharia in everyday life of the Kumyks in the 19th—21st centuries], Makhachkala: ALEF.
- Kafarov, Ya. M. (1970) *Okhrana prav zhenshchin* [Protection of women's rights], Makhachkala: Dagknigoizdat.
- Kaimarazov, G. Sh. (2007) *Obrazovanie i nauka v Dagestane v XX veke* [Education and science in Dagestan in the 20th century], Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Kaimarazova, L. G. (2022) *Sotsial'no-kul'turnoe razvitie Dagestana v 1930-e gg.: gendernyi aspekt sovetskoi modernizatsii* [Socio-cultural development of Dagestan in the 1930s: gender aspect of Soviet modernization], Makhachkala: ALEF.
- Kumykova, L. (2013) Pal'to — gorianke [Coat for a mountain woman], *Gorianka*, no. 42, pp. 4—12.
- Mirzabekov, M. Ya. (2022) *Gendernyi aspekt sotsial'no-kul'turnogo razvitiia Dagestana v 1917—1920-e gg.* [The gender aspect of socio-cultural development of Dagestan in 1917—1920s], Makhachkala: ALEF.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L., Mukhina, Z. Z. (2024) “Osvobozhdenie zhenshchin” i semeinaia politika 1918—1920-kh gg.: priobreteniia i izderzhki [“Women's liberation” and family policy of the 1918—1920s: acquisitions and costs], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—92.
- Mutieva, O. S. (2024) *Povsednevnost' dagestanskoï zhenshchiny: Kavkazskaia voïna i sotsiokul'turnye peremeny XIX veka* [Everyday life of a Dagestani woman: The Caucasian war and socio-cultural changes of the 19th century], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pushkareva, N. L. (1999) Materinstvo v noveishikh filosofskikh i sotsiologicheskikh kontseptsiiakh [Motherhood in the latest philosophical and sociological concepts], *Ètnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 47—59.
- Pushkareva, N. L. (2012) Gendernaia sistema v Sovetskoi Rossii i sud'by rossiianok [Gender system in Soviet Russia and the fates of Russian women], *Novoe literaturnoe obozrenie*, iss. 117, pp. 8—24.
- Smirnova, Ya. S. (1983) *Sem'ia i semeinyi byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraia polovina XIX — XX v.)* [Family and family life of the peoples of the North Caucasus (second half of the 19th — 20th century)], Moscow: Nauka.
- Tekueva, M. A. (2008) “Reshenie” zhenskogo voprosa v Kabardino-Balkarii (1917—1941 gg.) [The “solution” to the women's issue in Kabardino-Balkaria (1917—1941)], in: *Sotsial'naiia istoriia: ezhegodnik*, St. Petersburg: Aleteiia, pp. 303—329.
- Tekueva, M. A. (2015) Èmansipatsiia zhenshchin na Severnom Kavkaze: trudnosti perevoda s russkogo na kabardinskiï [The emancipation of women in the North Caucasus: the difficulties of translation from Russian into Kabardian], in: Tekueva, M. A. (ed.), *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRIAL, Granada, Ispaniia, 18—20 sentiabria 2015 goda: in 15 vols*, vol. 3, St. Petersburg: Mezhdunarodnoe nekommercheskoe partnërstvo prepodavatelei russkogo iazyka i literatury, pp. 149—152.
- Tekueva, M. A., Gugova, M. Kh., Nalchikova, E. A., Bitokova, M. V. (2022) Kostiumnyi renessans v traditsionnoi kul'ture kabardintsev kak sposob ètnicheskoi samoidentifikatsii [Costume renaissance in traditional Kabardian culture as a way of ethnic self-identification], *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, no. 4, pp. 129—136.
- Vagabov, M. B. (1973) *Islam i sem'ia* [Islam and family], Makhachkala: Dagknigoizdat.
- Velikiï Oktiabr' i raskreposhchenie zhenshchin Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ia (1917—1936 gg.): Sbornik dokumentov i materialov (1979)* [The Great October and the emancipation of women in the North Caucasus and Transcaucasia (1917—1936):

Collection of documents and materials], Moscow: Mysl', available from <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/587881> (accessed 15.02.2025).

Zhenskoe svetskoe obrazovanie v Derbente (2021) [Women's secular education in Derbent], available from <https://derbentmuseum.ru/nauchnaya-deyatelnost/> (accessed 15.02.2025).

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 24.03.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 24.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Мутиева Оксана Саидовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, mutiewa.oksana@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor at the Department of National History, Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation).

Гарунова Нина Нурмагомедовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, garunovanina@mail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor at the Department of Russian History, Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 84—97.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 84—97.

Научная статья

УДК 930.1(091)''18/19''-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/sneavp>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.6

**ПУТЬ В НАУКУ: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
И ЛИЧНАЯ МОТИВАЦИЯ В АВТОДОКУМЕНТАЛЬНЫХ
ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.**

Ольга Игоревна Секенова

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, jkzkzray@mail.ru

Аннотация. Рассматривается личная мотивация первых женщин-историков Российской империи второй половины XIX — начала XX в. как ключевой фактор их профессионального самоопределения. На основании автодокументальных свидетельств, принадлежащих женщинам-ученым, исследуется мотивационная структура, изменяющаяся в процессе их интеграции в профессиональную историческую науку. Автор анализирует такие компоненты мотивационной структуры, как материальные мотивы, стремление к общественному признанию женского вклада в науку, интерес к работе с источниками и увлечение процессом исторического исследования. Социальное положение и жизненная ситуация определяли важность материальной мотивации для занятий историей (как основной формой литературного или педагогического заработка). Мотивы общественного признания женского труда и научной репутации зависели от ценностей и приоритетов той социальной группы, к которой относились исследовательницы.

Ключевые слова: женщины-ученые, антропология академической жизни, историческая антропология, мотивация, женщины-историки, Российская империя

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800—1980-х гг.», <https://rscf.ru/project/24-78-10005/>.

Для цитирования: Секенова О. И. Путь в науку: профессиональное самоопределение и личная мотивация в автодокументальных текстах российских женщин-историков второй половины XIX — начала XX в. // *Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 84—97.*

Original article

THE PATH TO HISTORICAL SCIENCE:
PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION
AND PERSONAL MOTIVATION IN SELF-DOCUMENTARY
TEXTS OF RUSSIAN WOMEN HISTORIANS
OF THE SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th c.

Olga I. Sekenova

N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, jkzkzray@mail.ru

Abstract. The article examines the personal motivation of the first female historians of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th c. as a key factor in their professional self-determination. Based on self-documentary evidence belonging to female scientists, the motivational structure that changes in the process of their integration into professional historical science is studied. The author analyzes such components of the motivational structure as material motives, the search for public recognition of women's contribution to science, and interest in working with sources and passion for the process of historical research. The motivational patterns of the first female scientists are reflected in egodocuments. Depending on the social status and life situation, material motivation was important for studying history (as the main form of literary or pedagogical earnings). The motives for public recognition of women's work and scientific reputation depended on the values and priorities of the social group to which female scientists belonged.

Key words: female scientists, anthropology of academic life, historical anthropology, motivation, women historians, Russian Empire

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-78-10005 “The female voice of Russian science in the 1800s—1980s”, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10005/>.

For citation: Sekenova, O. I. (2025) Put' v nauku: professional'noe samoopredelenie i lichnaia motivatsiia v avtodokumental'nykh tekstakh rossiiskikh zhenshchin-istorikov vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [The path to historical science: professional self-determination and personal motivation in self-documentary texts of Russian women historians of the second half of the 19th — early 20th c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 84—97.

Антропологический ракурс в исследованиях истории российской науки предполагает пристальное внимание не только к внешним социально-историческим условиям производства научного знания, но и к внутреннему миру самих ученых, их духовному облику и психологическим аспектам профессиональной деятельности [Сидорова, 2017]. Особый статус женщин в науке в эпоху модерна подразумевал наличие, кроме глубокого профессионального интереса, других личных качеств, позволявших делать карьеру в непростых политико-правовых реалиях Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Процесс женской эмансипации в России — это результат не только сложившихся для нее социальных предпосылок, но и воля множества женщин,

заинтересованных в получении качественного образования и возможности занимать рабочие места, ранее доступные исключительно мужчинам.

Почему женщины XIX в. начинали профессионально заниматься наукой в условиях, когда ни карьерный рост, ни изменения социального статуса не были им гарантированы? Хотя процесс «вторжения» женщин в прежде мужскую сферу науки и высшего образования объемно рассмотрен на материалах Российской империи [Пушкарева, 2012; Валькова, 2019], в историко-психологическом ракурсе исследований о внутренней и внешней мотивации женщин, которые впервые избрали занятия наукой, интеграция женщин в академическую среду ранее не изучалась. В данной статье делается попытка рассмотреть личную мотивацию первых женщин-историков Российской империи как ключевой фактор их профессионального самоопределения. Недопустимо приписывать женщинам прошлого современные представления о карьерном успехе и самореализации в науке. Требуют изучения внутренние мотивы, побуждавшие образованных дворянок XIX — начала XX в. искать свое предназначение в кропотливой работе с историческими источниками и научной литературой.

Оценить особенности мотивационной структуры личности первых женщин-ученых Российской империи и установить, насколько мотивация исследовательниц изменилась за последние два столетия, можно на основе принадлежащих первым женщинам-ученым автодокументальных текстов. В дневниках, мемуарах, письмах содержатся отдельные нарративные секвенции, раскрывающие внутренние побудительные мотивы, с которыми первые женщины входили в научный мир дореволюционной России. Сохранились опубликованные и неопубликованные эго-документы, принадлежащие женщинам-историкам 1840—1910-х гг. (А. О. Ишимовой, Е. Н. Щепкиной, Н. А. Белозерской, Е. В. Балобановой, А. Я. Ефименко, Н. Д. Флиттнер, И. И. Игнатович, И. И. Любименко и др.). Для анализа выбраны представительницы только профессиональной когорты историков: близость их профессионального пути помогает увидеть единство и разнообразие мотивационных паттернов, опираясь на которые они строили свою карьеру.

Методология исследования мотивации женщин в науке

Конструирование теоретической рамки изучения мотивации женщин в науке осложняется многообразием психологических теорий в связи с профессиональным самоопределением научных работников [Каитов, 2022]: именно их внутренняя индивидуальная мотивация рассматривается как основная движущая сила творчества и инноваций. В 1950-х гг. появились первые американские исследования, пытавшиеся ответить на, казалось бы, простой вопрос, почему научные работники занимались наукой (см.: [Gustin, 1973]). И первые же из них критиковали гипотезу о том, что учеными движут те же мотивы, что и представителями любых других профессий, — «карьерный рост и деньги» [Hagstrom, 1965: 52—54]. За последние 50 лет мотивация ученых стала темой множества практико-ориентированных исследований: психологи, специалисты по организационным исследованиям, социологи стремились понять, что движет научными работниками и как можно, работая с их мотивацией, повлиять на скорость и качество научных открытий. Практико-ориентированные исследования доказывали

отличительность структуры мотивации научных работников, объясняя ее высокой степенью автономии ученых. Выяснилось, что чисто «экономический подход» к развитию мотивации ученых работает не так, как хотелось бы организаторам науки: уровень заработной платы не является главным фактором, влияющим на эффективность труда [Shmatko, Volkova, 2017: 56—58]. По мнению классика социологии науки Р. К. Мертона, важные для карьеры ученых «репутационные вознаграждения» (научные степени, карьерный рост, доступ к новым исследовательским ресурсам) неминуемо дополняются внутренним удовлетворением от решенной проблемы [Merton, 1957]. Социолог, специалист по организационному поведению Э. Лам, продолжая мысль Р. К. Мертона, предложила оценивать мотивационную структуру ученых на основе трех составляющих, которые она образно назвала «золото» (прямая финансовая выгода), «лента» (карьерный рост, развитие репутации) и «загадка» (удовлетворение от получения знаний и научных открытий) [Lam, 2011]. Советские и постсоветские исследования мотивации, как правило, строились на теории деятельности психолога А. Н. Леонтьева, рассматривающего мотивы как один из ключевых элементов структуры деятельности [Shmatko, Volkova, 2017: 58—60; Каитов, 2022; Павлова, 2022]. Последнее длительное компаративное исследование, анализирувавшее мотивационную структуру ученых в разных странах, проходило в рамках проекта «Карьеры докторов наук» (Careers of Doctorate Holders, CDH) [The Science and Technology Labor Force, 2016]. Российские участники проекта «Карьеры докторов наук» Н. А. Шматко и Г. Л. Волкова, оценивая мотивацию научных работников в динамике (на различных уровнях научной карьеры), сделали вывод об исследовательском интересе как ядре профессиональной идентичности ученых [Shmatko, Volkova, 2017: 64].

Примечательно, что все вышеперечисленные работы не анализировали гендерные различия в мотивационной структуре современных ученых. Именно изыскания гендерологов, посвященные анализу пути женщин в научную сферу, касаются факторов, влиявших на их профессиональный выбор. Как пишет социолог Г. Г. Силласте, «в науку женщины идут не “благодаря тому, что...”, а “несмотря на то, что...”, ибо занятие наукой и жизнь в науке — это имманентная потребность, состояние души и ума» [Силласте, 2021: 8]. По ее мнению, исторически наука представляла собой сферу, в которой материальное вознаграждение отходило на второй план по сравнению с нематериальными возможностями: реализовать свои способности к саморазвитию и проявить интеллектуальные таланты [там же: 5]. Н. Л. Пушкарева отмечала, что под удовлетворенностью работой многие женщины-ученые и сегодня понимают «не достаточность зарплаты, а оценку своих научных достижений и возможность заниматься творческим трудом» [Пушкарева, 2010: 27].

Многообразие систем оценки мотивационной структуры личности обуславливает сложность выбора методологии для изучения мотивации первых женщин-историков Российской империи. Выявив нарративные секвенции о внутренних факторах, побуждавших женщин к научной деятельности, мы можем провести историко-антропологический анализ мотивации первых женщин в науке в соответствии с трехчастной структурой, предложенной Э. Лам: проанализировать, как в структуре мотивации сочетались материальные факторы,

научная репутация и желание заниматься наукой ради нее самой. С одной стороны, этот подход позволяет учитывать разнообразие и неоднозначность нарративных секвенций, встречающихся в автодокументальных текстах, и искать в них проявления мотивационной структуры, а с другой — столь широкое понимание мотивационных паттернов позволяет сравнивать исторические реалии с современными представлениями о мотивации научных работников.

«Золото»: материальная мотивация научного труда

Исследование мотивации первых русских женщин-историков невозможно без краткой характеристики социально-политических условий, в которых они приобрели возможность профессиональной самореализации. Хотя первой русской женщиной-историком можно по праву назвать Екатерину II, создавшую собственную концепцию российской истории в парадигме философии Просвещения, для нее занятия историей были в первую очередь увлекательной формой досуга (в марте 1792 г. в дневнике кабинет-секретарь А. В. Храповицкий писал о повседневных занятиях Екатерины II: «...упражняются теперь в составлении родословной Российских Великих Князей... это проверка истории и хронологии» [Храповицкий, 1874: 393]). XIX в. стал эпохой становления отечественной университетской корпорации и профессионализации занятий историей. В этих условиях женщины изначально могли заниматься историческими исследованиями лишь в маргинальном положении дилетанток, не имевших достаточного образования и возможностей для профессиональной карьеры. Тем не менее некоторые из них сумели превратить увлечение историей в профессиональное занятие. Так, А. О. Ишимова, адаптировавшая труды Н. М. Карамзина для детского чтения, стала первой женщиной, известной всей России как популяризатор русской истории, а графиня П. С. Уварова реализовалась как успешный организатор археологических съездов и раскопок. Профессионализация женского труда в науке осуществлялась постепенно, сначала женщины осваивали близкие к науке профессии (преподавание, журналистика) и затем вовлекались в научные исследования.

Для первого поколения женщин-историков не последнюю роль играла материальная мотивация: о ней они прямо, не стесняясь, писали в эго-документах. Многие будущие исследовательницы (А. О. Ишимова, Н. А. Белозерская, А. Я. Ефименко, П. Я. Литвинова и др.) находились в тяжелой жизненной ситуации, и статьи на исторические темы для популярной литературы или исторических журналов становились для них способом найти дополнительный источник дохода. Образованная дворянка, оставшаяся без средств к существованию (незамужняя или разведенная), рассматривала несколько стратегий выживания: либо работу в педагогике (пробовали себя в ней почти все женщины-историки первого поколения), либо занятие литературными трудами (под ними подразумевались прежде всего переводы зарубежной художественной литературы и, лишь по мере развития отечественной исторической прессы в 1860—1870-х гг., написание гонорарных статей в популярные журналы). Конкуренция в этих сферах была высокой, при этом педагогика женщинами-историками рассматривалась как менее оплачиваемая и гораздо более трудоемкая сфера деятельности

(«возня с школами рабочих» [РГАЛИ, ф. 569, оп. 2, д. 1, л. 61], «день проходит в уроках» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 224]). Н. А. Белозерская, долгое время работавшая секретарем историка Н. И. Костомарова, а затем ставшая самостоятельной исследовательницей, признавалась: «У меня было три случая сделаться начальницей гимназии, но я, не задумываясь, отказалась, так как не хотела уложить жизнь в тесные рамки и знала, что не гожусь для этого» [Белозерская, 1913: 932]. «Почему я должна брать именно эту, ненавистную мне, работу?» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 224], — писала о возможности работать домашней учительницей египтолог Н. Д. Флиттнер (которая, тем не менее, долго и с явным удовольствием вела уроки истории в женском коммерческом училище). Для историка кельтской культуры Е. В. Балобановой возможность заниматься исследованиями, а не искать заработка в других сферах давало унаследованное состояние («...Я могла учиться и не работать» [Екатерина Балобанова... , 2014: 85]).

Ученые дамы из обеспеченных семей иначе представляли себе мотивацию занятий наукой. С. К. Брюллова, дочь историка К. Д. Кавелина, в отличие от своих нуждающихся современниц, стремилась совмещать научные занятия и преподавание в женской гимназии. Полученное жалованье она, как обеспеченная дворянка, возвращала в ссудную кассу при гимназии, а остаток тратила на финансирование обучения трех бедных гимназисток [Корсаков, 1887: 483]. Примечательно отношение к преподаванию в школах первой женщины — преподавательницы истории Бестужевских курсов Е. Н. Щепкиной: «Честно и естественно жить своим трудом, но я обеспечена и мне не подобает тянуться за платным трудом, перебивая у беднейших немногие доступные женщинам места и платные занятия» [РГАЛИ, ф. 569, оп. 2, д. 3, л. 102 об.]. Она, не нуждавшаяся в дополнительном заработке, могла посвящать свое время самостоятельным исследованиям в архивах и библиотеках, не рассчитывая на гонорары от изданий. Подобной же тактики придерживались и другие женщины-ученые из обеспеченных семей. П. С. Уварова или Е. Г. Волконская не могли позволить себе заниматься исследованиями на коммерческой основе: принадлежность к аристократическим династиям делала их карьерные устремления невозможными, оставляя исторические науки в качестве уместного для их социального статуса хобби (а в случае с П. С. Уваровой занятия историей были еще и данью памяти делам покойного супруга).

С распространением исторического образования на Высших женских курсах занятия профессиональной наукой также не рассматривались женщинами как успешная высокооплачиваемая карьера. В 1909 г., по данным переписи (анкеты) о планах на будущее курсисток Санкт-Петербургских высших женских курсов, лишь 11,2 % опрошенных на историко-филологическом факультете были определенно настроены на научную карьеру в будущем (следует отметить, что слушательницы физико-математического и юридического факультетов еще менее были уверены в возможности построения научной карьеры — 4,1 и 1,5 % соответственно) [Слушательницы... , 1912: 143]. Даже после Закона 1911 г., разрешившего женщинам приобретать ученые степени [Закон... , 1914], материальная мотивация научной работы для женщин-историков была не на первом месте. Исторические исследования продолжали восприниматься как в первую очередь

неоплачиваемое хобби для собственного удовольствия. Н. Д. Флиттнер писала: «Затягивает повседневная работа, повседневные обязанности, потому что чересчур много приходится жить для хлеба. Забывая свою цель, я точно теряю щит, за которым стояла» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 240—241].

«Ленты»: репутация и общественное признание как мотивация первых женщин-историков Российской империи

Дискуссия о высшем образовании для женщин, в которую включились и общественные деятели, и политики, и философы Российской империи пореформенной эпохи, ставила вопрос о профессиональной репутации первых женщин, занимавшихся наукой, и признании их академическим сообществом. «Будущность не мыслилась иначе как некая деятельность, необходимая для чего-нибудь», — писала Е. Н. Щепкина о том, как формировалось ее желание выбрать профессию историка [РГАЛИ, ф. 569, оп. 2, д. 3, л. 102 об.]. По мере расширения доступа женщин к образованию «перед русской женщиной открывается новый вопрос, более верный, чем вопрос о праве, т. к. он должен сильнее повлиять на положение женщин в русском обществе, это вопрос об общественном призвании русской женщины» [ОР РГБ, ф. 70, оп. 1, д. 33-7, л. 1]. Организатор Московских высших женских курсов профессор В. И. Герье полагал также, что именно «на поприще общественного призрения женщина доказывает свое право на образование» [там же, л. 11 об.]. Осознание и восприятие себя как ученых, равных мужчинам или хотя бы стремящихся к научному идеалу, формировало у первых исследовательниц потребность в признании научным сообществом и коллегами. В эго-документах распространены нарративные секвенции, подтверждающие важность для них нематериальных форм поощрения, демонстрирующих общественное признание успехов женщин-историков: упоминаются статьи в прессе и мнения современников. Так, А. О. Ишимова писала об издании «История России в рассказах для детей», что «публика приняла его очень благосклонно, а все тогдашние периодические издания: “Современник”, “Отеч. записки”, “С.-Петербур.” и “Моск. вед.”, “Русск. инвалид” и “Северн. пчела” — отозвались о нем с единодушным одобрением» (цит. по: [Быков, 1878: 321]).

Премии и награды, хотя были и приятным финансовым дополнением (А. О. Ишимова и Н. А. Белозерская писали, что именно благодаря премиям они смогли вернуть многочисленные долги), в первую очередь имели значение как подтверждение общественного признания вклада женщин в науку. Демидовской премии в 1843 г. была удостоена А. О. Ишимова. Единственной женщиной — лауреатом Уваровской премии в 1893 г. стала Н. А. Белозерская за работу о В. Т. Нарезном, авторе первого бытового русского романа «Российский Жилблаз» (1814) [Белозерская, 1896]. Особенно ценным символом признания своих трудов первые русские женщины-историки, разделявшие консервативные убеждения, считали внимание представителей царской семьи. А. О. Ишимова упоминала, что «несколько раз получала за свои литературные труды ценные подарки, денежные пособия и награды от царской фамилии» (цит. по: [Быков, 1878: 322]). П. С. Уварова в мемуарах отмечала «милости царские» [Уварова, 2005: 157]

и все факты встреч с императорами и великими князьями, восхищавшимися тем, как она успешно продолжает дело умершего супруга по развитию русской археологии, организации научных съездов и выставок [там же: 116]. Женщины-историки последующих поколений, чей период становления в профессии пришелся на начало XX в., с гораздо меньшим пиететом относились к проявлениям внимания от высочайших особ. Хотя подаренную императрицей в честь окончания гимназии «царскую браслетку» Н. Д. Флиттнер хранила до конца своих дней. «Наташа, эту награду берегите. Дело не в том, что она царская, и не в ее материальной ценности... Эту награду вы сами себе работой заслужили, она вам полагается, вы ее добились своими усилиями, и как память этой работы она должна быть вам всю жизнь дорога» — так объяснили ей ценность знака отличия [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 164]. Желание видеть результат своей работы и возможность гордиться им воспринимались как важнейшие элементы в мотивационной структуре первых женщин-ученых.

Не меньшее значение для признания заслуг женщин-историков имели и почетные звания. «Кенигсбергский университет удостоил меня избранием своим почетным членом и прислал мне диплом с весьма лестным отзывом о моих “ученых” трудах», — писала П. С. Уварова [Уварова, 2005: 174], подозревая, впрочем, немецких профессоров в том, что они не столько высоко оценивали ее научные труды, сколько хотели выразить благодарность «за отношения русских ученых и властей к немецкому населению края и к представителям зарубежной Германии» на археологических съездах. Женщины-историки начала XX в. были признаны и за границей. Медиевист И. И. Любименко отмечала: «В Англии меня хотели в случае возобновления отношений сделать почетным доктором Лондонского университета. В Париже в этом году должна напечататься моя книга» [СПбФ АРАН, ф. 885, оп. 1, д. 214, л. 339]. Значение столь широкого признания для собственной мотивации И. И. Любименко поясняла так: «Для меня все это важно главным образом постольку, поскольку это мне говорит, что я избрала правильный путь, то дело, которое я взяла на себя, хотя не принесло мне денег, но все-таки сделано неплохо» [там же].

Уникальный случай для Российской империи — получение историком и этнографом А. Я. Ефименко степени доктора истории (*honoris causa*) в 1910 г. в Харьковском университете по случаю сорокалетия научной деятельности. Это также можно считать формой общественного признания ее заслуг (почетное звание помогло ей избраться профессором Высших женских курсов) [Платонов, 1920]. Ценность успеха была именно в признании коллег-мужчин: внимание и поддержка многих из них являлись важнейшей мотивацией женщин в начале их карьерного пути. В автодокументальных текстах первых женщин-историков зачастую встречается образ вдохновителя, человека, который ввел мемуаристку в мир исторической науки. Как правило, в этом образе предстают или близкие знакомые, чьи связи сыграли важную роль в карьере и получении заказов на исторические работы, или наставники, бескорыстно и увлеченно помогавшие девушкам войти в мир исторической науки: «Графиня Д., интересовавшаяся... судьбой молодой девушки, однажды выразила мысль такого рода: отчего бы Ишимовой не написать историю России в рассказах для детей, вроде того как Вальтер Скотт рассказал историю Англии — английским детям» (автобиография

А. О. Ишимовой в пересказе Быкова) [Быков, 1878: 321]; «Тут опять произошло неожиданное: сразу от переводов я перешла к самостоятельной работе. Приехал Д. Л. Мордовцев, с которым я познакомилась у Костомарова, и предложил мне писать рецензии для “Древней и Новой России”, издававшей под редакцией С. Н. Шубинского, добавив, что работу мою будет выдавать за свою, потому что не примут иначе: я женщина и это первый случай...» [Белозерская, 1913: 933]; «У дяди... был тесный кружок друзей, таких же бретонских патриотов, как он сам, а кроме того, каждое лето гостил у него ирландский ученый, м-р Кэмбель. В этом обществе я начала заниматься кельтским языком» (Е. В. Балобанова о жизни у родственников в Бретани) [Екатерина Балобанова... , 2014: 85].

Как только учеба на Высших женских курсах становится обязательным этапом успешной карьеры женщины-ученого, в образе «проводника» предстают профессора, выступавшие научными руководителями, не только обучившие женщин азам научной работы, но и сформировавшие необходимую мотивацию для продолжения исторических исследований: «Мне он [К. Н. Бестужев-Рюмин] первый открыл путь к пониманию первоисточников» (воспоминания Е. Н. Щепкиной) [РГАЛИ, ф. 569, оп. 1, д. 131, л. 12]; «А. Н. Веселовский образовал кружок учениц, из которых О. М. Петерсон и я занимались у него по фольклору, и не только в течение курса, но и после него, вплоть до 1889 г. По окончании курса А. Н. <Веселовский> предложил нам обеим остаться при его кафедре для дальнейших занятий» [Екатерина Балобанова... , 2014: 87].

В некоторых случаях первыми вдохновителями и наставниками женщин-ученых были супруги: «Моя литературно-научная деятельность связана с замужеством самым тесным образом. Связь была материальная и нравственная» [Ефименко, 1908: 24]; «Хотелось продолжать начатое дело в том направлении, которое было дано... мужем» [Уварова, 2005: 132].

Фигура научного руководителя как образца ученого представлялась всеми как необходимое условие формирования научной мотивации. Н. Д. Флиттнер горько сожалела о том, что поздно встретила своего научного руководителя египтолога Б. А. Тураева: «Огромную роль в эти дни мог бы сыграть в моей жизни настоящий учитель — Учитель с большой буквы. А на курсах я встретила ряд отличных профессоров, но ни одного учителя, никого, кто мог бы продолжить дело, начатое некоторыми из институтских преподавателей» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 169]. Именно поэтому в качестве образцов, в соответствии с которыми историк строила свою карьеру, она выбирала знаменитых ученых прошлого: «...я думаю все-таки добиться своего, я думаю все-таки стать как Шлиман, как Гумбольдт... Я... буду когда-нибудь старой ученой, у меня будет камердинер Johan и ручной попугай...» [там же, л. 151].

Зачастую неясное представление о будущей карьере и репутации возникало перед первыми русскими женщинами-историками в качестве второстепенного мотива выбора профессионального пути. Вероятно, главным и гораздо более значимым мотивом для занятий историей было удовольствие от процесса научного творчества.

«Загадка»: творческий исследовательский поиск в структуре внутренней мотивации женщин-ученых

Удовлетворение от процесса научного поиска, стремление разрешить исследовательские проблемы и искренний интерес к истории — все эти элементы мотивации (в отличие от «понятных» материальных мотивов) встречаются в автодокументальных текстах женщин-историков лишь эпизодически. Хотя присутствие нарративных секвенций о получаемом удовольствии от разрешения «головоломок» определялось еще и жанровой принадлежностью эго-документа, и, возможно, представлением о будущем читателе. Тем не менее примеров текстов женщин-ученых, в которых они бы подробно рефлексировали о процессе своего профессионального выбора через призму научного интереса к событиям прошлого, немного: исследовательницы будто бы стеснялись рассказывать о своем глубоком личном интересе к истории. Однако этот искренний интерес и любовь к предмету незримо присутствуют во всех эго-документах: в описании удовольствия от процесса учебы и занятий первыми исследовательскими работами, восторгов от посещения научных библиотек и исторических достопримечательностей, во внимании к историческим деталям окружающего мира.

Приведем редкий для своего времени отрывок из написанных на основе дневника мемуаров египтолога Н. Д. Флиттнер. Еще в юности посвятив себя научной карьере (в первые годы абсолютно не оплачиваемой), она объясняла причины своего выбора так: «Я хочу создать себе интересную широкую жизнь, где бы я постоянно шла вперед, которая совсем захватила бы меня, которая дала бы мне возможности творчества, пусть хоть не мирового масштаба, пусть хотя компилятивного, но все-таки живого творчества. Я говорила об этом уже — я хочу, чтобы слушатели мои, когда я говорю о Флоренции, о жизни ее, видели бы ее перед собой, чтобы из-под пальцев моих, когда я развертываю папирус, для них возникала бы долина Нила. Одним словом, я хочу воссоздавать прошлое, делать его живым, показать, что время — нечто относительное, что его можно забыть» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 240—242]; «Где-то в отдаленном будущем передо мной вставали миражи дальних стран, мне слышался гул морских валов, великие имена Гумбольдта, Шлиманна и других; их славные судьбы сулили и мне возможности иной работы, чем преподавание немецкого языка в церковной школе, открывали безграничные горизонты впереди» [там же, л. 223—224].

Карьера историка была для Н. Д. Флиттнер воплощением мечты, к которой она очень долго шла: сама возможность заниматься наукой в Эрмитаже, которую она получила только после 1917 г., представлялась наградой за долгие труды в сфере образования. «Живое творчество», способность «оживлять» для современников события прошлого, соприкосновение с древними артефактами — все эти проявления искренней любви к исторической науке были для нее главными мотивами в постижении ремесла историка.

Заключение

Жизненные стратегии первых женщин-ученых Российской империи второй половины XIX — начала XX в. строились в условиях неблагоприятных: на своем пути в науку исследовательницы вынуждены были преодолевать законодательные преграды и идти наперекор общественному мнению. Многие подававшие надежды женщины-историки так и не смогли реализоваться в науке и уходили в смежные специальности — преподавание, музееведение, библиотечное дело. Для женщин, добившихся успехов в изучении истории, была характерна сильная мотивационная структура, сочетающая финансовые мотивы, стремление к успешности и интерес к процессу получения знаний. Переплетение разнообразных внутренних мотивов находило отражение в автодокументальных источниках: женщины-ученые переживали не только по поводу материальной составляющей своей работы, но и относительно научной репутации, возможности добиться общественного признания научных трудов. Мотивационные паттерны женщин-ученых, зафиксированные в эго-документах, несколько отличаются от представлений их коллег начала XXI в.: в зависимости от социального положения и жизненной ситуации материальная мотивация была либо ключевой для занятий историей (как основной формой литературного или педагогического заработка), либо принципиально не имела никакого значения. Мотивы общественного признания женского труда и научной репутации хотя и сближали представительниц разных социальных групп, отличались в зависимости от системы ценностей: для кого-то важными были положительные оценки в прессе, для кого-то — внимание высочайших особ и почти для всех важной мотивацией была поддержка научного руководителя. Хотя эго-документы сохранили лишь отдельные нарративные секвенции, посвященные тому, как женщины-историки видели основную мотивацию своего труда в интересе к истории как науке, характерные жанровые особенности женских эго-документов второй половины XIX — первой половины XX в. позволяют предположить, что интерес, любовь к предмету исследования воспринимались авторами как мотивы, не требующие проговаривания.

Список источников

- Белозерская Н. А.* Василий Трофимович Нарезный: историко-литературный очерк. СПб.: Тип. В. А. Тиханова, 1896. 297 с.
- Белозерская Н. А.* Автобиография // Исторический вестник. 1913. Т. 132. С. 925—937.
- Быков П. В.* Русские женщины-писательницы. А. О. Ишимова // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 2, № 8. С. 316—321.
- Валькова О. А.* Штурм цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 792 с.
- Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: труды, документы, воспоминания. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. 208 с.
- Ефименко А. Я.* Автобиография // Первый женский календарь на 1908 г. / сост. П. Н. Ариян. СПб.: Тип. В. Ф. Ревитцера, 1908. Отд. 5. С. 18—25.

- Закон 19 декабря 1911 года и правила об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3. СПб., 1914. Т. 31, № 36226. С. 1296—1300.
- Каитов А. П.* Эволюция научных представлений о феномене профессиональной мотивации в зарубежных и отечественных исследованиях // Гаудеамус: психолого-педагогический журнал. 2022. Т. 21, № 2. С. 9—24.
- Корсаков Д. А. К. Д. Кавелин: материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний* // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 457—488.
- НАРДФ ГЭ (Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа).
- ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки).
- Павлова Е. В.* Мотивация научной деятельности: классификация и факторы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 4. С. 103—108.
- Платонов С. Ф.* Александра Яковлевна Ефименко: некролог // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 617—620.
- Пушкарева Н. Л.* Женщины в российской науке конца XX — начала XXI в.: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 24—35.
- Пушкарева Н. Л.* Женщины-историки в России 1810—1917 годов // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. Вып. 1. С. 228—246.
- РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства).
- Сидорова Л. А.* Советские историки: духовный и научный облик. М.: Ин-т рос. истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с.
- Силласте Г. Г.* Наука как сфера самореализации женщин и социогендерный потенциал ее развития // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 3—17.
- Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов: по данным переписи (анкеты), выполненной Статистическим семинарием в ноябре 1909 г. СПб.: Типолитография «Экономия», 1912. 144 с.
- СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук).
- Уварова П. С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 293 с.
- Храповицкий А. В.* Дневник, 1782—1793. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. 610 с.
- Gustin B. H.* Charisma, recognition, and the motivation of scientists // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78, № 5. P. 1119—1134.
- Hagstrom W. O.* The Scientific Community. New York: Basic Books, 1965. 304 p.
- Johnson B. B., Dieckmann N. F.* Americans' views of scientists' motivations for scientific work // Public Understanding of Science. 2020. Vol. 29, iss. 1. P. 2—20.
- Lam A.* What motivates academic scientists to engage in research commercialization: «gold», «ribbon» or «puzzles»? // Research Policy. 2011. № 40. P. 1354—1368.
- Merton R. K.* Priorities in scientific discovery: a chapter in the sociology of science // American Sociological Review. 1957. № 22. P. 635—659.
- Shmatko N., Volkova G.* Service or devotion? Motivation patterns of Russian researchers // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11, № 2. P. 54—66.
- The Science and Technology Labor Force: the Value of Doctorate Holders and Development of Professional Careers / ed. by L. Gokhberg, N. Shmatko, L. Auriol. Springer International Publishing, 2016. 350 p.

References

- Belozerskaya, N. A. (1896) *Vasilii Trofimovich Narezhnyi*: Istoriko-literaturnyi ocherk [Vasily Trofimovich Narezhny: Historical and literary essay], St. Petersburg: Tipografiia V. A. Tikhanova.
- Belozerskaya, N. A. (1913) Avtobiografiia [Autobiography], *Istoricheskiĭ vestnik*, vol. 132, pp. 925—937.
- Bykov, P. V. (1878) Russkie zhenshchiny-pisatel'nitsy. A. O. Ishimova [Russian women writers. A. O. Ishimova], *Drevniaia i novaia Rossiia*, vol. 2, no. 8, pp. 316—321.
- Efimenko, A. Ya. (1908) Avtobiografiia [Autobiography], *Pervyi zhenskiĭ kalendar' na 1908 g.*, chap. 5, St. Petersburg: Tipografiia V. F. Revittsera, pp. 18—25.
- Ekaterina Balobanova, bibliotekar' Bestuzhevskikh kursov*: Trudy, dokumenty, vospominaniia (2014) [Ekaterina Balobanova, librarian of the Bestuzhev Courses: Works, documents, memoirs], St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Gokhberg, L., Shmatko, N., Auriol, L. (eds) (2016) *The Science and Technology Labor Force: The Value of Doctorate Holders and Development of Professional Careers*, Springer International Publishing.
- Gustin, B. H. (1973) Charisma, recognition, and the motivation of scientists, *American Journal of Sociology*, vol. 78, no. 5, pp. 1119—1134.
- Hagstrom, W. O. (1965) *The Scientific Community*, New York: Basic Books.
- Johnson, B. B., Dieckmann, N. F. (2020) Americans' views of scientists' motivations for scientific work, *Public Understanding of Science*, vol. 29, iss. 1, pp. 2—20.
- Kaitov, A. P. (2022) Ėvoliutsiia nauchnykh predstavlenii o fenomene professional'noi motivatsii v zarubezhnykh i otechestvennykh issledovaniiaxh [Evolution of scientific ideas on professional motivation in foreign and national research], *Gaudeamus: Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal*, vol. 21, no. 2, pp. 9—24.
- Khrapovitsky, A. V. (1874) *Dnevnik, 1782—1793* [Diary, 1782—1793], St. Petersburg: Tipografiia M. Stasiulevicha.
- Korsakov, D. A. (1887) K. D. Kavelin: Materialy dlia biografii, iz semeinoi perepiski i vospominanii [K. D. Kavelin: Materials for a biography, from family correspondence and memoirs], *Vestnik Evropy*, no. 4, pp. 457—488.
- Lam, A. (2011) What motivates academic scientists to engage in research commercialization: “gold”, “ribbon” or “puzzle”? *Research Policy*, no. 40, pp. 1354—1368.
- Merton, R. K. (1957) Priorities in scientific discovery: A chapter in the sociology of science, *American Sociological Review*, no. 22, pp. 635—659.
- Pavlova, E. V. (2022) Motivatsiia nauchnoi deiatel'nosti: klassifikatsiia i faktory razvitiia [Motivation for scientific activity: classification and development factors], *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no. 4, pp. 103—108.
- Platonov, S. F. (1920) Aleksandra Iakovlevna Efimenko: Nekrolog [Alexandra Yakovlevna Efimenko: Obituary], *Dela i dni*, b. 1, pp. 617—620.
- Pushkareva, N. L. (2010) Zhenshchiny v rossiiskoi nauke kontsa XX — nachala XXI v.: obobshchenie kolichestvennykh kharakteristik [Women in Russian science of the late 20th — early 21st c.: generalization of quantitative characteristics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 24—35.
- Pushkareva, N. L. (2012) Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1810—1917 godov [Women historians in Russia in 1810—1917], *Vestnik Permskogo universiteta*, seriia Istoriia, iss. 1, pp. 228—246.
- Shmatko, N., Volkova, G. (2017) Service or devotion? Motivation patterns of Russian researchers, *Foresight and STI Governance*, vol. 11, no. 2, pp. 54—66.

- Sidorova, L. A. (2017) *Sovetskie istoriki: dukhovnyĭ i nauchnyĭ oblik* [Soviet historians: spiritual and scientific appearance], Moscow: Institut rossiĭskoĭ istorii Rossiĭskoĭ akademii nauk, Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Sillaste, G. G. (2021) Nauka kak sfera samorealizatsii zhenshchin i sotsiogendernyĭ potential eĭ razvitiia [Science as a sphere of women's self-realization and the sociogender potential of its development], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—17.
- Slushatel'nitsy Sankt-Peterburgskikh vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursov: po dannym perepisi (ankety), vypolnennoĭ Statisticheskim seminarom v noiabre 1909 g.* (1912) [Female students of the St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses: according to the census (questionnaire) conducted by the Statistical Seminary in November 1909], St. Petersburg: Tipolitografiia "Ėkonomiia".
- Uvarova, P. S. (2005) *Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni* [The Past. Happy Days Long Gone], Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
- Valkova, O. A. (2019) *Shturmuia tsitadel' nauki: Zhenshchiny-uchēnye Rossiĭskoĭ imperii* [Storming the citadel of science: Female scientists of the Russian Empire], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Семенова Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, jkzkzray@mail.ru (Cand. Sc. (History), Research Fellow, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 98—112.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 98—112.

Научная статья

УДК 94(47).07/08

EDN: <https://elibrary.ru/wvgtzy>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.7

**ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЫ ГУБЕРНАТОРА —
«КРАСНОГО ЛИБЕРАЛА»:
АННА МИХАЙЛОВНА АРЦИМОВИЧ
В ТОБОЛЬСКЕ И КАЛУГЕ (1850—1860-е гг.)**

Наталья Петровна Матханова

Институт истории, Сибирское отделение, Российская академия наук,
г. Новосибирск, Россия, nmatkhanova@mail.ru

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот писем А. М. Арцимович мужу и выписок из его писем к ней характеризуются взгляды и деятельность одной из жен «либеральных бюрократов» эпохи реформ 1860-х гг. В. А. Арцимович в доносе противников из числа калужских дворян-крепостников был назван главой «красных либералов». Не отказавшись от традиционных обязанностей хозяйки дома, жены, матери, А. М. Арцимович энергично и увлеченно руководила возглавлявшимися ею благотворительными и учебными заведениями. Как жена калужского губернатора, разделявшая его взгляды, она активно участвовала в борьбе В. А. Арцимовича, стоявшего во главе группы либерально настроенных мировых посредников при проведении в жизнь крестьянской реформы 1861 г.

Ключевые слова: история России, эпоха Великих реформ, история женщин, история семьи, жена губернатора, «либеральные бюрократы», В. А. Арцимович, А. М. Арцимович, эпистолярный

Благодарности: публикация подготовлена в рамках госзадания, проект «Прошлое в письменных источниках XVI—XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

Для цитирования: Матханова Н. П. Жизнь и деятельность жены губернатора — «красного либерала»: Анна Михайловна Арцимович в Тобольске и Калуге (1850—1860-е гг.) // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 98—112.

Original article

THE LIFE AND WORK OF THE GOVERNOR'S WIFE —
A “RED LIBERAL”:
ANNA MIKHAILOVNA ARTSIMOVICH
IN TOBOLSK AND KALUGA (1850s—1860s)

Natalya P. Matkhanova

Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, nmatkhanova@mail.ru

Abstract. The article covers the life and work of the wife of one of the “liberal bureaucrats” A. M. Artsimovich. V. A. Artsimovich was called the head of the “red liberals” in a denunciation by opponents from among the Kaluga serf-owning nobles. The authors use letters from A. M. Artsimovich to her husband and excerpts from his letters to her, which are introduced into scientific circulation for the first time. Already in the first years of marriage, along with the performance of the traditional duties of a housewife, wife, and mother, which were difficult with a large family and the absence of significant income, she energetically and enthusiastically managed the charitable and educational institutions that she headed. The actions of A. M. Artsimovich as a trustee of the Tobolsk Women’s School and the orphanage opened by it, as well as as the chairperson of the ladies’ department of the provincial prison committee, which provided assistance to exiled women and the wives of prisoners and exiles, differed noticeably from the formal performance of duties typical of governors’ wives. Already in these years she shared the views of her husband, V. A. Artsimovich, who belonged to the group of “liberal bureaucrats”. Later, as the wife of the Kaluga governor, A. M. Artsimovich, along with all her previous tasks, devoted more and more time and attention to social and even socio-political activities. She actively participated in the struggle of V. A. Artsimovich and the group of liberal-minded peace mediators he headed for the implementation of the peasant reform of 1861. A. M. Artsimovich not only conveyed the orders of her husband, who was often and for a long time in Saint Petersburg on business, which was a rare and even unique phenomenon. She discussed the situation in the province with his supporters who gathered at her home and communicated to her husband the proposals they had jointly developed. In one of his letters, her husband called her a “business woman”, and the Decembrist G. S. Batenkov, who was close to him, hinted that she was replacing the governor during his long stay in Saint Petersburg. Such active participation in social and political life and effective assistance to their husbands were also characteristic of the wives of other “liberal bureaucrats” — N. A. Milyutin, Prince V. A. Cherkassky.

Key words: history of Russia, era of the Great Reforms, history of women, family history, governor’s wife, “liberal bureaucrats”, V. A. Artsimovich, A. M. Artsimovich, epistolary

Acknowledgments: the research was carried out within the framework of the state assignment, the project “The past in the manuscript sources of the 16th—20th centuries: preservation and development of traditions” (FWZM-2024-0006).

For citation: Matkhanova, N. P. (2025) Zhizn’ i deiatel’nost’ zheny gubernatora — “kрасного liberala”: Anna Mikhaïlovna Artsimovich v Tobol’ske i Kaluge (1850—1860-e gg.) [The life and work of the governor’s wife — a “red liberal”: Anna Mikhailovna Artsimovich in Tobolsk and Kaluga (1850s—1860s)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 98—112.

Введение

Интерес к женской истории / истории женщин постоянен (см., напр.: [Хасбулатова, 1994; Пушкарева Н., Пушкарева И., 2021; Ульянова, 2021]), не ослабевает внимание исследователей и к дамам, принадлежавшим к светскому обществу. Имеется немало работ, в которых характеризуется круг забот женщины-дворянки — жены, матери, «хорошей хозяйки» [Веремченко, 2019], анализируется новое, формировавшееся во второй половине XIX в. отношение к воспитанию детей в среде дворянской интеллигенции [Веремченко, Жукова, 2020], новое понимание женщинами этого круга материнских обязанностей [там же; Мицюк, 2015]. Поскольку основным источником для изучения жизни и деятельности героини статьи являются ее письма, особое значение имеют многочисленные исследования, посвященные женскому эпистолярию, среди которых следует выделить работы А. В. Беловой [Белова, 2013, 2016].

Особое место среди женщин занимали жены либеральных бюрократов — жены чиновников, инициировавших и проводивших реформы 1860-х гг. Им посвящен ряд статей (см.: [Морозова, 2009, 2015; Черникова, 2023; Матханова, 2023]), но сколько-нибудь подробного анализа особенностей их жизни и деятельности не проводилось.

В настоящей статье делается попытка выявить и показать специфику обыденной жизни и поведенческих практик Анны Михайловны Арцимович, а также определившие эту специфику факторы. А. М. Арцимович была женой одного из либеральных деятелей эпохи Великих реформ, разделявшей взгляды мужа и помогавшей ему. Как тобольский губернатор, он вел борьбу со взяточниками, как калужский — с помещиками-крепостниками, противившимися крестьянской реформе (см.: [Попов, 1985; Иванов, 2009; Крестьянников, 2017; Матханова, 2018]). В доносе противников из числа калужских дворян-крепостников В. А. Арцимович был назван главой «красных либералов» [Попов, 1985: 63]. Жена не только поддерживала его морально, но и помогала в практической деятельности.

Работа выполнена в русле подходов персональной истории с использованием концепта «человек второго плана», введенного в научный оборот и обоснованного историками Южного федерального университета. Обобщая их теоретические построения и конкретно-исторические изыскания, Л. П. Репина отмечала, что «“человек второго плана” занял в фокусе современного гуманитарного познания стратегически важный “плацдарм” между “безмолвным (и безымянным) большинством”, “типичным человеком” и “актерами”, “творцами истории”» [Репина, 2010: 12] (см. также: [Мининков и др., 2005: 6]). Героиню данного исследования скорее можно отнести к фигурам даже не второго, а третьего плана, с персонажами второго плана ее сближает наличие значительного корпуса оставленных ею эго-документов. Стоит напомнить, что к первой группе отнесены «“выдающиеся личности”... экстраординарность личных качеств которых создавала у современников и потомков впечатление их исключительности»; члены второй характеризуются так: «человек второго плана», который «в большей мере интегрирован в социальный контекст и в этом смысле — типичен», «выделяется из толпы, но в то же время “не дотягивает”... до масштаба

“творца истории” и “вершителя судеб”»; в третью входят лица «“третьего плана” (исторического фона, единиц социального ландшафта) — безымянные, вербально и визуально не представленные как индивидуумы» [Мининков и др., 2010: 23—25].

Анна Михайловна Арцимович (урожд. Жемчужникова, 1831—1908) родилась в известной и культурной семье — дочь сенатора, сестра А. М. и В. М. Жемчужниковых, кузина А. К. Толстого — трех создателей Козьмы Пруткова. Оставшись без матери в младенчестве, она воспитывалась в Смольном институте. Дальнейшая биография обычна: замужество, большая семья (шестеро детей), успешная карьера мужа. Она была неплохо образованна, начитанна, настроена в довольно распространенном в то время либеральном духе, в то же время глубоко религиозна.

Имеется немало источников для реконструкции ее биографии, взглядов, основных направлений деятельности и ее результатов. Это воспоминания ее брата [Жемчужников, 1926], знакомых и современников [Виктор Антонович Арцимович... , 1904]. Сохранилась обширная переписка членов большой семьи и такой уникальный источник, как сделанные ею выписки из писем к ней В. А. Арцимовича и М. Н. Жемчужникова, ее писем к ним. В. Г. Чернуха, сравнив письма В. А. Арцимовича за 1864 г. с выписками из них, пришла к выводу о добросовестности копий, как она назвала их [Чернуха, 1962: 426], но это выписки, а не копии, даже не копии с купюрами нежелательных фрагментов. Ряд выписок, особенно из дел, хранящихся в ГА РФ, представляют собой лишь несколько абзацев (порой всего два). Они делались с явной и нескрываемой целью — для предоставления материалов авторам текстов готовившегося семейного сборника [Виктор Антонович Арцимович... , 1904]. Более детальное сопоставление текстов показало, что Анна Михайловна выписывала из писем только то, что считала нужным и возможным предоставить им [Матханова, 2019: 239], сохраняла высказывания мужа, имевшие общественно-политический смысл, но не то, что имело личный характер. В настоящей статье использованы как подлинники письма А. М. Арцимович и В. А. Арцимовича [РО ИРЛИ, д. 1, 15], так и выписки из их писем [ГА РФ, д. 472, 474]. Переписка Анны Михайловны с В. А. Арцимовичем позволяет охарактеризовать взгляды, деятельность, повседневную жизнь жены губернатора — умной, деятельной, преданной мужу и его идеалам. Поскольку, будучи губернатором сначала в Тобольске, а потом в Калуге, он нередко подолгу отсутствовал, объезжая губернию и посещая Петербург, письма были частыми и регулярными.

Жена губернатора. Традиционные занятия и их изменение

Анна Михайловна горячо любила мужа, даже через много лет брака в письмах встречаются признания в любви, воспоминания о начале романтических отношений: «Никогда я, бывши в девушках, не мечтала о такой сильной любви, я не считала себя достойной приобрести твою любовь» [РО ИРЛИ, д. 15, л. 47]; «Я тебя ведь люблю не за лицо и наружность, а за твои добрые и хорошие качества, за твое благородное сердце, за твой ум, одним словом, за все, что есть в тебе хорошего» [там же, л. 3]. В письмах В. А. Арцимовича меньше подобных признаний — правда, сохранились лишь относительно поздние его

собственноручные письма, в которых встречаются слова о любви («Одно достоверно и ясно, это моя любовь к тебе, моя дорогая» [там же, д. 1, л. 2 об.]). Бесконечные слова о любви к мужу в письмах жены можно считать не только проявлением чувства, но и характерной чертой женского письма, «отличавшегося по функциональному назначению и содержанию» [Белова, 2016: 177]. А. М. Арцимович не только любила мужа, но и очень его уважала, высоко ценила: «Как бы велико ни было общественное о тебе мнение, оно всегда будет действительно... Господь дал тебе много ума, много силы воли и характера, а с этим вместе Он наделил тебя добротой, любовью к ближним, сознанием твоего долга и высоким благородством» [РО ИРЛИ, д. 15, л. 57 об.].

На долю А. М. Арцимович выпало немало трудностей. Жизнь семьи была не слишком обеспеченной с финансовой стороны, долгие годы единственным источником доходов являлось жалованье Арцимовича, при этом у губернатора был «открытый стол». В семье уже в середине XIX в. «контроль за бюджетом» был обязанностью жены — явление, более характерное для конца столетия [Веремченко, 2019: 72]. Перед отъездом из Тобольска Анна Михайловна сообщила: «Вчера я получила твое жалованье, у меня теперь 870 р. <...> Руб. 100 завтра уйдет на жалованье прислуге, булочнику и проч. Но, если выручу от продажи вишни (выращиваемой в собственном саду. — *Н. М.*) 1000 руб., достаточно будет на дорогу» [РО ИРЛИ, д. 15, л. 77—77 об.]. И позже в письмах нередко говорилось о том же. Из Калуги: «... усердно занимаюсь работой и еще усерднее уменьшением расходов» [там же, л. 98 об.], из Москвы: «...сегодня сводила месячные счета и ужаснулась» [там же, л. 121].

И в Тобольске, и в Калуге А. М. Арцимович была очень занята семейными заботами. Реальный, довольно значительный объем работы (именно работы!) хозяйки дома не раз подробно описывался [Пономарева, Хорошилова, 2016: 229—236; Веремченко, 2019]. А губернаторша должна была выполнять ряд светских и представительских функций, к тому же жене Арцимовича при переездах приходилось заниматься сборами и распродажей имущества. Много времени требовали совсем маленькие дети, хотя были, разумеется, и кормилицы, и няни, а потом и гувернантки. Анна Михайловна делилась с мужем: «Читаю книгу... “Физиологическая история женщины, книга для матерей и воспитательниц” Дерикера. Я нахожу, что она мне очень полезна». Виктор Антонович поддерживал это настроение, в том же письме жена подчеркивала: «Последнее время мы с тобою больше говорили о детях, я больше читала. <...> Сердце и разум говорят мне, что я могу и должна лучше исполнять обязанности свои как матери и жены» [РО ИРЛИ, д. 15, л. 22]. Ее письма могут служить подтверждением наблюдений Н. А. Мицюк и В. А. Веремченко о появлении в пореформенной России нового родительства [Веремченко, 2019], сознательного или, по выражению врача В. В. Дерикера, «достойного» материнства [Дерикер, 1854; Мицюк, 2015: 65—66]. А. М. Арцимович, как и некоторые ее современницы, осознавала «необходимость подготовки к выполнению материнских обязанностей» [Веремченко, Жукова, 2020: 10].

Мать сама участвовала в обучении дочерей: «Оля и Аня учатся с гувернанткой ежедневно, она не совсем хорошо знает французский язык... я поправляю, где следует» [РО ИРЛИ, д. 15, л. 121 об.], с удовлетворением

и гордостью сообщала, что Ольга «пристрастилась к естественной истории и все свободное время проводит над горшками цветов, изучает все выходящие из земли насекомые, мысль о микроскопе радует ее для лета, она надеется, что можно ей будет изучать многое. Вчера ее до слез почти тронуло явление жизни везде и во всем, она роется в земле и делает разные открытия» [там же, л. 112]. Еще через несколько лет, в 1865 г., она писала: «Оля читает жизнь Сперанского» [там же, л. 145]. Письмо было посвящено прощанию с умершим отцом, и значит, эта деталь заслуживала его внимания. Такое серьезное и не совсем еще обычное в начале 1860-х гг. отношение к интересам и увлечениям девочек предвосхищало их будущее — Ольга и Вера стали профессиональными педагогами, Анна активно участвовала в женских организациях [Матханова, 2021]. Для характеристики семейных нравов и поведения А. М. Арцимович важна такая деталь: в одном из писем к брату, А. М. Жемчужникову, она вспоминала, как в годы жизни в Калуге вместе с женой Алексея Михайловича «покуривала папиросы» [ОР РГБ] — курение в 1860-х гг. было своеобразным маркером принадлежности к «новым женщинам».

Как жена губернатора, А. М. Арцимович являлась попечительницей женских учебных и благотворительных заведений. В отличие от очень многих губернаторш, она занималась ими ежедневно и очень серьезно. В Тобольске А. М. Арцимович входила во все подробности существования приюта для сирот при женской школе, постоянно сообщала о них мужу, советовалась с ним. С наивной гордостью она хвасталась: «Казенные воспитанницы (женской школы. — *Н. М.*) имеют удивительно здоровый вид, толстые краснощекие девушки, ни в одном казенном заведении не найдешь таких» [РО ИРЛИ, д. 15, л. 54 об.]. В одном из ее писем высказана важная мысль: «По-моему, приют открывается для призрения сирот и, кроме того, для того, чтобы девочки эти не только не избаловались, но напротив, вышли со временем чистые, хорошие и, главное, нравственные девушки, не изнеженные, которые могли бы быть и прачками, и кухарками. Так я понимаю цель открытия приюта, и так я думаю его направить» [там же, л. 27 об.]. Вечером того же дня отчет о решениях и предложениях, связанных с будущим женской школы, продолжен. «Скажу вкратце все, как порешили. 1-е. Сделать им платья не камлотовые, а тиковые для дешевизны и как менее роскошные. <...> 3-е. Я предложила по окончании курса наук держать их еще год и занимать в это время исключительно тем, к чему они готовились, т. е. стряпать, мыть, ткать и проч., т. к. они привыкнут действительно заниматься как следует практически и хозяйством, а куда они должны готовить уроки, они не могут хорошо выучиться этим ремеслам. Разумеется, занимать каждую по способностям, а в этот год они будут занимать при школе должности служанок, которых теперь нанимают; мне кажется, что это мысль хорошая, их после удачной практики легче будет поместить в хорошие места и всякий охотно возьмет, быв уверен, что они действительно научились своему ремеслу и исполнят его хорошо» [там же, л. 28 об.]. По указанию попечительницы девочки готовили «соленые огурцы, моченую морошку, варенье», она также «велела завести кур и индеек и сделать для птиц особый сарайчик» [там же, л. 61 об.]. Подобное отношение к благотворительным заведениям для бедных было вполне типичным. Бросается в глаза схожесть высказанных идей с направлениями

деятельности создававшихся через двадцать с лишним лет обществ помощи работающим девушкам. Эти организации тоже были нацелены на практическое обучение тем «ремеслам» и навыкам, которые давали возможность последующего трудоустройства.

Было еще и руководимое губернаторшей дамское отделение Тобольского губернского тюремного комитета, в обязанность которого входила опека заключенных и ссыльных женщин, а также жен ссыльных. А. М. Арцимович передавала мужу, что на очередном заседании этого комитета был поставлен вопрос о положении пересыльных: «...женщины, следующие за мужьями, иногда задерживаются даже на месяцы, им не на что кормить и одевать детей» [там же, л. 36 об.]. Она сочла необходимым найти этим женщинам работу, для чего напечатать в губернских ведомостях соответствующее объявление. Особой проблемой было здоровье детей заключенных, даже купили «козу для кормления детей молоком», решили отдавать детей в деревни кормилицам на год с уплатой 1—1,5 руб. в месяц и премией при возвращении здорового ребенка [там же, л. 37—37 об.]. К концу пребывания в Тобольске Анна Михайловна начала разбираться и в документации. Так, просмотрев черновик журнала об очередном заседании тюремного комитета, она приказала переделывать, «много сократила, другое прибавила» [там же, л. 39]. На очередном заседании комитета, которое проходило дома у Арцимович, она вступила в спор с временно замещавшим губернатора Н. П. Милордовым и настаивала на необходимости назначить надзирательницу в женском отделении тюрьмы, причем «чернорабочую, а не такую белоручку» [там же, л. 63—63 об.].

Влияние В. А. Арцимовича: «Ты теперь развилась»

С нескрываемой гордостью Анна Михайловна писала мужу еще из Тобольска, что знакомая «удивляется, как я умею и успеваю управлять». В том же письме звучит благодарное признание: «Это все по милости моего Вити, который приучил меня к этому... Ты был бы мною доволен... Я сознаю свой долг и достоинство» [там же, л. 25 об. — 26]. Все же основы были заложены в детстве — соученица по Смольному вспоминала, что там у девочек воспитывали «неукоснительное чувство долга»: «Гордость наша и чувство нашего дворянского достоинства... тщательно поддерживались в нас воспитанием» [Соколова, 1901, № 6: 145; № 7: 162].

Виктор Антонович с гордостью и удовлетворением отмечал изменения во взглядах, уровне понимания проблем и умственном и нравственном облике жены. В одном из его писем с дороги из Тобольска в Петербург есть многозначительные слова: «Ты теперь развилась и достигла самостоятельности, настала эпоха сознательного и разумного нашего общения» [РО ИРЛИ, д. 3, л. 7 об.]. Очевидно, супруги и раньше рассуждали на эту тему, во всяком случае, в письме от 16 апреля 1856 г. Анна Михайловна признавалась: «Я не знаю наверно, что развило меня, знаю только, что твои слова и твои мысли имеют всегда на меня большое влияние. <...> Я чувствую и нахожу в себе новую силу, до сих пор не подозреваемую мною, я знаю, что и я не лишний человек в мире и что могу быть помощницею тебе. <...> Кто развил меня, мой ум, сердце, кто заставил меня привязаться в жизни, кто убедил меня, что Господь создал меня не напрасно

и что я могу и должна быть полезна на земле, кто исправил некоторые мои недостатки и, несмотря на недостатки эти, кто полюбил меня и приголубил? Все ты, мой несравненный Витя!» [там же, д. 15, л. 23—23 об.]. Через два года она повторяла: «Когда мы приехали в Тобольск, ты еще не так любил меня и не так слушался, с тех пор мы очень с тобою сошлись, и мне кажется, что я с тех пор много развилась, стала больше понимать свои обязанности» [там же, л. 32, 57 об.]. Как и другие современницы аналогичного статуса, она «искала одобрения мужа, эмоционально находясь в сильнейшей зависимости от него» [Мицюк, 2015: 17]. Не только возраст (ко времени переезда в Калугу ей было тридцать лет) и положение (мать четырех маленьких девочек), но и воспитание, и привычки делали невозможной ориентацию на личностную, независимую от мужа самостоятельность, эта стратегия была реализована ее дочерьми, получившими образование и ставшими профессиональными педагогами в новых исторических условиях, при одобрении и поддержке родителей.

Однако «стремление к иной жизни» и «потребность в освоении публичной сферы деятельности» [там же] все же воплотились в жизнь. Очень важная мысль есть в одном ее письме: «Пожалуйста, продолжай делать из меня, как ты выразился, деловую женщину» [ГА РФ, д. 474, л. 8].

Уже в Тобольске А. М. Арцимович была глубоко погружена в дела и заботы мужа-губернатора. При отъезде из Сибири она с горечью размышляла: «Грустно становится мне, когда вижу, что труды твои напрасны. <...> Я не могу без слез видеть и слышать обо всех предполагаемых переменах, неужели труды твои пропали даром, разумеется, ты действовал не для награды, но все же я думала, что награду ты найдешь в том, что теперь не будет здесь таких злоупотреблений» [РО ИРЛИ, д. 15, л. 31—31 об.].

Новые заботы. «Деловая женщина»

В Калуге сохранялись все прежние дела и заботы, но со временем и по мере личностного развития они наполнялись иным содержанием и занимали иное место в системе приоритетов. Анна Михайловна являлась попечительницей женской гимназии и училища для девочек, председателем женского благотворительного общества [Памятная книжка... , 1861: 8, 15], но о подобных делах писала мужу гораздо меньше. Она только сообщала о тех или иных заседаниях и решениях, но лаконично и не советуясь с ним, а лишь информируя. В специальной работе, посвященной проведению крестьянской реформы в Калужской губернии, А. А. Корнилов подчеркивал: «Попечение о поддержании и распространении женских школ взяла на себя супруга губернатора, А. М. Арцимович». Как председательница женского благотворительного общества, она настояла на попечении дам — членов общества над женскими приходскими школами [Корнилов, 1904: 195]. О роли губернатора и его супруги в развитии женского образования в Калужской губернии, их борьбе за гимназию и изобретательности в поиске финансов подробно говорится в статье Е. Е. Белкиной [Белкина, 2013: 74—78].

В сибирский период почти вся общественная деятельность А. М. Арцимович была направлена на заботу о возглавляемых ею учреждениях и в переписке

с мужем речь шла именно о них (разумеется, кроме семейных дел). В годы жизни в Калуге ситуация меняется: теперь все больше внимания она уделяет делам мужа-губернатора, не только следит за ходом решения крестьянского вопроса, действиями мировых посредников, борьбой крепостников и либералов, но и непосредственно участвует во всем этом.

Особенно явно проступают специфические черты обыденной жизни и поведенческих практик А. М. Арцимович при сопоставлении ее с другой, более известной калужской губернаторшей — А. О. Смирновой (Россет), которая предпринимала немало усилий для оживления культурной жизни провинции. В бытность Н. М. Смирнова губернатором (1845—1851 гг.) в Калуге, благодаря усилиям его просвещенной супруги, побывало немало видных деятелей русской культуры. Однако в источниках не сохранилось сведений о каких-либо ее занятиях, подобных тем, которые входили в круг действий Арцимович. Понятно, что такие новации были следствием и проявлением происходивших в стране перемен.

В. А. Арцимович, помимо обычных губернаторских обязанностей, с энергией и увлечением занимался подготовкой и проведением в жизнь крестьянской реформы и связанной с этим борьбой с влиятельными помещиками-крепостниками, он часто и подолгу находился в Петербурге, так как привлекался к работе готовивших преобразования общегосударственных структур. В результате Анна Михайловна занималась передачей его распоряжений и советов, фактически руководя (вместе с братом, А. М. Жемчужниковым, ближайшим помощником губернатора) либеральной группой местных мировых посредников и чиновников. Особенно активна она стала после отъезда В. А. Арцимовича и А. М. Жемчужникова из Калуги. А. А. Корнилов отмечал, что В. А. Арцимович в письмах жене передавал советы и указания входившим в его ближайшее окружение мировым посредникам [Корнилов, 1904: 390—397]. А. М. Арцимович осознавала свои обязанности как информатора мужа, который ее «обязал... писать обо всем подробно» [ГА РФ, д. 472, л. 12]. Сама лаконичность деловых указаний свидетельствует о том, что жена с полуслова должна была понять суть его позиции. Так, в январе 1863 г. он писал: «Передай Андрею Васильевичу (Оболенскому. — *Н. М.*) и друзьям, что на общем съезде мировых посредников нужна особая, твердая, но спокойная осмотрительность» [там же, л. 22]. В ее письмах обычны такие сведения: «Твои товарищи по службе часто у меня бывают»; «...почти все посредники были у меня, некоторые по два-три раза»; «...вчера наши посредники собирались и обсуждали, какими должны быть отношения с (новым. — *Н. М.*) губернатором»; «...сегодня у меня были Пусторослев, Муромцев, Рахманов, Арсеньев, Рихтер, Щепкин, обсуждали результаты выборов» [там же, д. 474, л. 8, 13 об., 2 об., 3 об.]. После таких обсуждений А. М. Арцимович обобщала мнения сторонников мужа и советовала ему, например, где лучше напечатать те или иные полемические статьи [там же, л. 14 об.].

Ее роль в Калуге высоко оценивали близкие к В. А. Арцимовичу люди: «Вчера милые посредники поднесли мне черный хлеб (пуда в полтора) и вызолоченную солонку» [там же, д. 472, л. 6]. Анна Михайловна с некоторым удовлетворением, хотя и шуточно, писала мужу: «Батеньков уверяет, что ты должен

был назначить вместо себя правительницей меня, а не Юркевича и все бы хорошо пошло» [РО ИРЛИ, д. 15, л. 94]. Н. И. Юркевич был вице-губернатором [Памятная книжка... , 1861: 3] и замещал уезжавшего в Петербург Арцимовича, но Г. С. Батеньков видел фактического заместителя губернатора в Анне Михайловне.

Заключение

Изучение источников, прежде всего эпистолярия, позволило сделать следующие выводы. Многие во взглядах, жизни и деятельности А. М. Арцимович было таким же или почти таким же, как у занимавших аналогичное положение современниц. Это большой объем работы как хозяйки дома и матери семейства, необходимость выполнять многочисленные обязанности представительского характера, участвовать в светской и культурной жизни, порой и организовывать соответствующие мероприятия, и многое другое, чем постоянно занимались губернаторши. К общим явлениям следует также отнести неизбежную в первой половине — середине XIX в., в условиях дореформенных и первых пореформенных лет, зависимость от мужа и обусловленность образа жизни семьи занимаемой им должностью. Выявлены определенные специфические черты, отличавшие А. М. Арцимович от большинства подобных дам как личность и как представительницу особой группы — жен «либеральных бюрократов». Она искренне и горячо любила мужа, признавала его реально существовавшее интеллектуальное превосходство и высокий моральный авторитет, со временем все в большей степени разделяла его идейно-политические убеждения. Как и другие жены чиновников-реформаторов, она активно участвовала в общественно-политической деятельности мужа. А. М. Арцимович, возглавляя, как и все губернаторши, женские учебные и благотворительные учреждения, выделялась особенно продуманной, энергичной, а затем и самостоятельной деятельностью. Дело не в том или, точнее, не столько в том, что А. М. Арцимович добросовестно и бесплатно (на общественных началах, как это называлось в советское время) выполняла довольно большой объем работы. Дело в том, что она справлялась с этим — умело распоряжалась, редактировала документы, поддерживала коммуникации, вдохновляла помощников и союзников мужа, направляла их деятельность. А все это требовало специальных знаний и умений — значит, А. М. Арцимович приобрела их. В жизнь Анны Михайловны начали входить ранее незнакомые занятия, она не стала «новой женщиной», не отошла от традиционных семейных ценностей, хотя восприняла идеи «сознательного материнства», нового отношения к семейному воспитанию детей. Со временем она превратилась в соратницу В. А. Арцимовича, «деловую женщину», как он ее называл. В Калуге в конце 1850-х и особенно в начале 1860-х гг. А. М. Арцимович стала заметной фигурой в борьбе левого, либерального крыла мировых посредников против крепостников. Специфические черты жизни и деятельности А. М. Арцимович определялись как ее личностными качествами, так и изменением условий жизни и общественных настроений эпохи, влиянием мужа, принадлежавшего к особой группе «либеральных бюрократов».

Список источников

- Белкина Е. Е.* Среднее женское образование в 1850—1860-е гг. и открытие первой женской гимназии в Калуге // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2013. № 3. С. 70—79.
- Белова А. В.* Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII — первой половины XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII—XXI вв.): материалы Международной научной конференции, 14—16 марта 2013 г. / под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2013. С. 64—69.
- Белова А. В.* Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII—XIX и XX—XXI веков // Культура и текст. 2016. № 2. С. 167—185.
- Веремченко В. А.* Хозяйские заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX — начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2019. № 1. С. 71—78.
- Веремченко В. А., Жукова А. Е.* Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях второй половины XIX — начала XX в. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2020. 232 с.
- Виктор Антонович Арцимович: воспоминания. Характеристики. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. 823 с.
- ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 815 (В. А. Арцимович). Оп. 1.
- Дерикер В. В.* Физиологическая история женщины: устройство женского организма. Его свойства, особенности и потребности, развитие, возрасты и физиологические состояния. Сохранение здоровья и красоты. Воспитание: книга для матерей и воспитательниц. СПб.: Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1854. 432 с.
- Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1926. Кн. 1. 168 с.
- Иванов В. А.* Образцовый губернатор: жизнь и тяготы Виктора Антоновича Арцимовича // Родина. 2009. № 6. С. 101—102.
- Корнилов А. А.* Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче // Виктор Антонович Арцимович: воспоминания. Характеристики. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. С. 129—404.
- Крестьянников Е. А.* В. А. Арцимович в Сибири // Российская история. 2017. № 1. С. 91—102.
- Матханова Н. П.* Тобольский губернатор В. А. Арцимович как интеллектуальный лидер // Вестник Омского государственного университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2. С. 92—99.
- Матханова Н. П.* Образ деятеля Великих реформ В. А. Арцимовича в мемуарах его современников // Александр II и его время: к 200-летию со дня рождения: сборник статей участников Международной научной конференции. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т, 2019. С. 236—246.
- Матханова Н. П.* Письма сестры и племянницы к поэту А. М. Жемчужникову: женский взгляд на события в России (конец XIX — начало XX века) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 74—86.
- Матханова Н. П.* «Попутчицы» женского движения: случай А. М. Арцимович // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2023. Ч. 1. С. 248—251.
- Мининков Н. А., Корневский А. В., Иванеско А. Е.* Человек второго плана в контексте современной историографии // Человек второго плана в истории. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т, 2005. Вып. 2. С. 3—8.

- Мининков Н. А., Корневский А. В., Иванеско А. Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы. СПб.: Алетейя, 2010. С. 19—28.
- Мицюк Н. А. Рождение матери: субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. Смоленск: Смол. гор. тип., 2015. 382 с.
- Морозова Е. Н. Историко-психологический портрет семьи реформатора: (на примере семьи Н. А. Милютин) // Жизнь в городе: частная и общественная. Саратов: Наука, 2009. С. 33—47.
- Морозова Е. Н. Н. А. Милютин в воспоминаниях и эпистолярном наследии его жены, М. А. Милютиной // Известия Саратовского университета. Новая сер., История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 25—32.
- ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 101 (А. М. Жемчужников). Карт. 4815. Д. 2. Л. 33 об.
- Памятная книжка Калужской губернии на 1861 год. Калуга: Губерн. тип., 1861. 402 с.
- Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад, XVIII — начало XX века. М.: Ломоносов, 2016. 279 с.
- Попов И. П. Деятель крестьянской реформы 1861 года В. А. Арцимович // Из истории общественно-политической мысли России XIX века. М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1985. С. 51—67.
- Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17—27.
- Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории: вместо предисловия // В тени великих: образы и судьбы. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5—18.
- РО ИРЛИ (Рукописный отдел Института русской литературы РАН). Ф. 11 (В. А. Арцимович). Оп. 1.
- Соколова А. И. Из воспоминаний смолянки // Вестник всемирной истории. 1901. № 6. С. 134—149; № 7. С. 158—171.
- Ульянова Г. Н. Купчихи, дворянки, магнатки: женщины-предпринимательницы в России XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 346 с.
- Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 135 с.
- Черникова Н. В. За спиной реформатора: княгиня Е. А. Черкасская и подготовка крестьянской реформы 1861 г. // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2023. Ч. 1. С. 242—245.
- Чернуха В. Г. Фонд В. А. Арцимовича в ИРЛИ АН СССР // Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 426—442.

References

- Belkina, E. E. (2013) Srednee zhenskoe obrazovanie v 1850—1860-e gg. i otkrytie pervoi zhenskoj gimnazii v Kaluge [Secondary female education in the 1850s and 1860s and the opening of the first female gymnasium in Kaluga], *Vestnik Moskovskogo universiteta, serii 8, Istoriiia*, no. 3, pp. 70—78.
- Belova, A. V. (2013) Diskursy “zhenskogo pis'ma” v russkoj dvorianskoj povsednevnoy kontsa XVIII — pervoi poloviny XIX veka [Discourses of “women’s writing” in Russian noble everyday life of the late 18th — first half of the 19th century], in: Skvortsov, V. N., Veremenko, V. A. (eds), *Patriotizm i grazhdanstvennost' v povsednevnoy zhizni rossijskogo obshchestva (XVIII—XXI veka)*: Materialy

- Mezhdunarodnoï nauchnoï konferentsii, 14—16 marta 2013 g., St. Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina, pp. 64—69.
- Belova, A. V. (2016) Zhenskaia èpistoliarnaia kul'tura v Rossii na rubezhe XVIII—XIX i XX—XXI vekov [Women's epistolary culture in Russia at the 18th—19th and 20th—21st centuries turn], *Kul'tura i tekst*, no. 2, pp. 167—185.
- Chernikova, N. V. (2023) Za spinoï reformatora: kniaginia E. A. Cherkasskaia i podgotovka krest'ianskoï reformy 1861 goda [Behind the reformer's back: Princess E. A. Cherkasskaya and the preparation of the Peasant Reform of 1861], in: *Semeïnoe, zhenskoe, povsednevnoe v istoriko-antropologicheskom izmerenii: Materialy XVI Mezhdunarodnoï nauchnoï konferentsii Rossiïskoï assotsiatsii issledovatelei zhenskoï istorii i Instituta ètnologii i antropologii Rossiïskoï akademii nauk*, pt. 1, Moscow: Institut ètnologii i antropologii Rossiïskoï akademii nauk, pp. 242—245.
- Chernukha, V. G. (1962) Fond V. A. Artsimovicha v Institute russkoï literatury Akademii nauk SSSR [Collection by V. A. Artsimovich in the Institute of Literature of the USSR Academy of Sciences], in: *Russko-pol'skie revoliutsionnye svyazi 60-kh godov i vosstanie 1863 goda*, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 426—442.
- Deriker, V. V. (1854) *Fiziologicheskaia istoriia zhenshchiny: Ustroïstvo zhenskogo organizma. Ego svoïstva, osobennosti i potrebnosti, razvitie, vozrasty i fiziologicheskie sostoiania. Sokhranenie zdorov'ia i krasoty. Vospitanie*: Kniga dlia materei i vospitateľnits [Physiological history of a woman: The structure of the female body. Its properties, characteristics and needs, development, ages and physiological states. Preserving health and beauty. Upbringing: A book for mothers and educators], St. Petersburg: Tipografiia Shtaba voenno-uchebnykh zavedeniï.
- Ivanov, V. A. (2009) Obraztsovyï gubernator: zhizn' i tiagoty Viktora Antonovicha Artsimovicha [An exemplary governor: the life and hardships of Viktor Antonovich Artsimovich], *Rodina*, no. 6, pp. 101—102.
- Khasbulatova, O. A. (1994) *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii (1860—1917)* [Experience and traditions of the women's movement in Russia], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kornilov, A. A. (1904) Krest'ianskaia reforma v Kaluzhskoï gubernii pri V. A. Artsimoviche [The Peasant Reform in Kaluga province under V. A. Artsimovich], in: *Viktor Antonovich Artsimovich: Vospominaniia. Kharakteristiki*, St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, pp. 129—204.
- Krestyannikov, E. A. (2017) V. A. Artsimovich v Sibiri [V. A. Artsimovich in Siberia], *Rossiïskaia istoriia*, no. 1, pp. 91—102.
- Matkhanova, N. P. (2018) Tobol'skiï gubernator V. A. Artsimovich kak intellektual'nyi lider [Tobolsk governor V. A. Artsimovich as an intellectual leader], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoricheskie nauki, no. 2, pp. 92—99.
- Matkhanova, N. P. (2019) Obraz deiatelia èpokhi Velikikh reform V. A. Artsimovicha v memuarakh sovremennikov [The image of the figure of the era of the Great Reforms V. A. Artsimovich in the memoirs of contemporaries], in: *Aleksandr II i ego vremia: K 200-letiiu so dnia rozhdeniia: Sbornik statei uchastnikov Mezhdunarodnoï nauchnoï konferentsii*, St. Petersburg: Rossiïskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 236—246.
- Matkhanova, N. P. (2021) Pis'ma sestry i plemiannitsy k poëtu A. M. Zhemchuzhnikovu: zhenskiï vzgliad na sobytia v Rossii (konets XIX — nachalo XX veka) [Letters from the sister and niece to the poet A. M. Zhemchuzhnikov: women's view on the events of Russia (late 19th — early 20th century)], *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 2, pp. 74—86.

- Matkhanova, N. P. (2023) “Poputchitsy” zhenskogo dvizheniia: sluchai A. M. Artsimovich [“Fellow Travelers” of the women’s movement: the case of A. M. Artsimovich], in: *Semeinoe, zhenskoe, povsednevnoe v istoriko-antropologicheskom izmerenii*: Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiiskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoj istorii i Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, pt. 1, Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 248—251.
- Mininkov, N. A., Korenevsky, A. V., Ivanenko, A. E. (2005) Chelovek vtorogo plana v kontekste sovremennoi istoriografii [The back-burner man in the context of modern historiography], in: *Chelovek vtorogo plana v istorii*, iss. 2, Rostov-on-Don: Rostovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3—8.
- Mininkov, N. A., Korenevsky, A. V., Ivanenko, A. E. (2010) Chelovek “vtorogo plana” v kontekste sovremennoi istoriografii: piat’ let spustia [The back-burner man in the context of modern historiography: five years later], in: *V teni velikikh: Obrazy i sud’by*, St. Petersburg: Aleteia, pp. 19—28.
- Mitsyuk, N. A. (2015) *Rozhdenie materi: subkul’tura materinstva v vysshikh sloiakh obshchestva industrial’noi Rossii* [The birth of the mother: subculture of motherhood in the highest strata of the industrial Russia society], Smolensk: Smolenskaia gorodskaia tipografiia.
- Morozova, E. N. (2009) Istoriko-psikhologicheskiĭ portret sem’i reformatora: (Na primere sem’i N. A. Miliutina) [Historical and psychological portrait of the reformer’s family: (Based on the example of the family of N. A. Milyutin)], in: *Zhizn’ v gorode: chastnaia i obshchestvennaia*, Saratov: Nauka, pp. 33—47.
- Morozova, E. N. (2015) N. A. Miliutin v vospominaniakh i epistolarnom nasledii ego zheny, M. A. Miliutinoi [N. A. Milyutin in memoirs and epistolary heritage of his wife M. A. Milyutina], *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, novaia seriia, Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 15, iss. 4, pp. 25—32.
- Pamiatnaia knizhka Kaluzhskoi gubernii na 1861 god* (1861) [Memorial book of the Kaluga province for 1861], Kaluga: Gubernskaia tipografiia.
- Ponomareva, V. V., Khoroshilova, L. B. (2016) *Mir russkoi zhenshchiny: sem’ia, professiia, domashnii uklad, XVIII — nachalo XX v.* [The world of the Russian woman: family, profession, home life, 18th — early 20th century], Moscow: Lomonosov.
- Popov, I. P. (1985) Deiatel’ krest’ianskoj reformy 1861 goda V. A. Artsimovich [Statesman of the Peasant Reform of 1861 V. A. Artsimovich], in: *Iz istorii obshchestvenno-politicheskoj mysli Rossii XIX veka*, Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskiĭ institut, pp. 51—67.
- Pushkareva, N. L., Pushkareva, I. M. (2021) Dva veka zhenskogo dvizheniia v Rossii i ego sovremennoe sostoianie [Two centuries of women’s movement in Russia and its current state], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 17—27.
- Repina, L. P. (2010) Ot istoricheskoi biografii k biograficheskoj istorii: Vmesto predisloviia [From historical biography to biographical history: Instead of a preface], in: *V teni velikikh: obrazy i sud’by*, St. Petersburg: Aleteia, pp. 5—18.
- Sokolova, A. I. (1901) Iz vospominanii smolianki [From the memories of a Smolyanka], *Vestnik vseмирnoi istorii*, no. 6, pp. 134—149; no. 7, pp. 158—171.
- Ulyanova, G. N. (2021) *Kupchikhi, dvorianki, magnatki: Zhenshchiny-predprinimatel’nitsy v Rossii XIX veka* [Merchants noblewomen, magnate: Women entrepreneurs in Russia of the 19th century], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Veremenko, V. A. (2019) Khoziaiskie zaboty: zhizn’ zamuzhnei dvorianki v provintsial’nom gorode Rossii v kontse XIX — nachale XX v. [Hostess’s concerns: everyday life of a married noblewoman in a Russia provincial town in the late 19th — early 20th century], *Ural’skii istoricheskii vestnik*, no. 1, pp. 71—78.

- Veremenko, V. A., Zhukova, A. E. (2020) *Vospitatel'nye praktiki v dvoriansko-intelligentskikh sem'iakh Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Educational practices in the noble-intellectual families of Russia in the second half of the XIX — early XX century], St. Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina.
- Viktor Antonovich Artsimovich: *Vospominaniia. Kharakteristiki* (1904) [Victor Antonovich Artsimovich: Memories. Characteristics], St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha.
- Zhemchuzhnikov, L. M. (1926) *Moi vospominaniia iz proshlogo* [My memories from the past], b. 1, Moscow: Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovykh.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Матханова Наталья Петровна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, nmatkhanova@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation).

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЖЕНЩИНЫ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
OUTSTANDING WOMEN OF RUSSIA:
HISTORY AND MODERNITY

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 113—128.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 113—128.

Научная статья

УДК 001.32-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/xszcly>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.8

СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КОВАЛЕВСКАЯ:
К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Ольга Александровна Валькова

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, o-val2@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена 175-летию юбилею Софьи Васильевны Ковалевской, который отмечался 15 января 2025 г. Первая в новейшей истории женщина-математик, признанная научным сообществом, одна из первых женщин — докторов наук, первая женщина — университетский профессор Европы Нового времени, С. В. Ковалевская стала символом независимой, успешной, прогрессивной женщины не только для ее младших современниц, но и для последующих поколений. В статье на материале биографии С. В. Ковалевской анализируется феномен ее широчайшей известности и неугасающего интереса к ее биографии со стороны историков, математиков, историков математики; выявляются черты, выделявшие ее среди других крупных женщин-ученых ее поколения, в том числе, так же как и она, удостоенных избрания членами-корреспондентами или почетными членами Императорской Академии наук в России.

Ключевые слова: С. В. Ковалевская, женщина-ученый, женщина-математик, история женского образования, история женского движения

Для цитирования: Валькова О. А. Софья Васильевна Ковалевская: к 175-летию со дня рождения // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 113—128.

Original article

SOFYA VASILYEVNA KOVALEVSKAYA: ON THE 175th ANNIVERSARY OF HER BIRTH

Olga A. Valkova

S. I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, o-val2@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the 175th anniversary of the birth of Sofya Vasilyevna Kovalevskaya, which was celebrated on January 15, 2025. The first female mathematician in modern history recognized by the scientific community, the first woman to receive a doctorate in mathematics, the first female university professor in Modern Europe, Sofya Kovalevskaya became a symbol of an independent, successful, progressive woman not only for her younger contemporaries, but also for subsequent generations. In the article, based on the biography of Kovalevskaya, the phenomenon of her widespread fame and the unceasing interest in her biography on the part of historians, mathematicians, and historians of mathematics is analyzed; the features that distinguished her from other major female scientists of her generation are revealed, including those, like her, who were honored with election as Corresponding Members or Honorary Members of the Imperial Academy of Sciences in Russia.

Key words: S. V. Kovalevskaya, female scientist, female mathematician, history of women's education, history of the women's movement

For citation: Valkova, O. A. (2025) Sof'ia Vasil'evna Kovalevskaia: K 175-letiiu so dnia rozhdeniia [Sofya Vasilyevna Kovalevskaya: On the 175th anniversary of her birth], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 113—128.

Введение

Публицист и философ, социолог и историк, общественный деятель и революционер П. Л. Лавров, один из постоянных корреспондентов и единомышленников Софьи Васильевны Ковалевской (1850—1891), в посвященной ей памятной речи охарактеризовал ее как женщину, «которой удалось соединить в себе способность открытия новых истин в области самой точной и самой абстрактной науки, талант писательницы, умеющий воспроизводить живые образы того, что она видела и пережила, привлекательность светской женщины, обогатившей свой ум обширным чтением и опытом жизни, и умение не только сочувствовать, но и содействовать широкому социальному движению нашего времени» [Лавров, 1891: 2]. На взгляд автора, это самая точная и емкая характеристика Софьи Васильевны из всех существующих на сегодняшний день, охватывающая наиболее важные черты ее многогранной личности. А писали и говорили о ней немало. Наверное, автор не ошибется, если предположит, что С. В. Ковалевская входит в число трех наиболее известных женщин нашей страны — наряду с императрицей Екатериной II и первой женщиной-космонавтом В. Н. Терешковой. Можно также не сомневаться, что С. В. Ковалевская — наиболее известная в России и за рубежом российская женщина-ученый. Она имела широкую известность уже при жизни, ее неожиданная безвременная

смерть подвигла многих ее друзей и коллег на написание воспоминаний о ней, на размышления о ее вкладе как в науку, так и в решение крайне актуального для того периода «женского вопроса». В результате в конце XIX — начале XX в. в нашей стране имя С. В. Ковалевской превратилось в символ успешной новой, прогрессивной женщины, а она сама стала ролевым примером для многих младших современниц, стремившихся к высшему образованию и научной карьере, да и просто к жизни, наполненной иным смыслом, нежели лишь традиционный узкий круг семейных обязанностей. Позднее, в СССР, С. В. Ковалевскую почитали как национальную героиню: в ее честь назывались улицы, выпускались марки, о ней снимались художественные фильмы. Празднование ее 100-летнего юбилея проходило очень широко; в дальнейшем были написаны ее биографии и посвященные разным граням творчества статьи и монографии (см., напр.: [Полубаринова-Кочина, 1981]), опубликованы ее научные и литературные труды, воспоминания, переписка.

Биография С. В. Ковалевской вызывала интерес не только в России: западные исследователи также посвятили ей немало статей и целый ряд серьезных работ [Koblitz, 1983; Cooke, 1984; Audin, 2011]. На сегодняшний день интерес к ней не ослабевает, а количество опубликованных за последние 10 лет материалов о С. В. Ковалевской значительно превысило даже опубликованное в предыдущие периоды. Немногие ученые-мужчины, не говоря уже об ученых-женщинах, могут похвастаться такой обширной историографией, посвященной их творчеству. В настоящей статье, написанной в честь 175-летнего юбилея Софьи Васильевны, который отмечался 15 января этого года, мы хотим порассуждать о том, почему именно она стала олицетворением нашедшей себя в профессии и социальном движении женщины нашей страны; чем она настолько выделялась среди своих современниц, также внесших значительный вклад в развитие различных наук, что ее имя вошло в пантеон российской общественной и научной мысли.

Женщина-математик

Безусловно, в основе головокружительного успеха Софьи Васильевны Ковалевской лежали прежде всего ее достижения в области математики. Открывая торжественное заседание сессии Академии наук СССР, посвященное 100-летию С. В. Ковалевской, президент АН СССР С. И. Вавилов, по образованию и роду деятельности физик, основатель научной школы физической оптики, заявил: «В истории человечества до Ковалевской не было женщины, равной ей по силе и своеобразию математического таланта» [Вавилов, 1951: 5]. Примечательно, что он не нашел нужным сравнить талант С. В. Ковалевской с талантами *математиков-мужчин*. Однако к 1950 г. мысль о первенстве Софьи Васильевны среди *математиков-женщин* уже не была оригинальной. На заседании Московского математического общества, состоявшемся 19 февраля 1891 г. в память о С. В. Ковалевской, ординарный профессор чистой математики Московского университета, ставший буквально через пару лет его ректором, П. А. Некрасов сказал нечто очень близкое, вспомнив, правда, еще одну талантливую женщину-математика: «Знает ли история математики между женщинами столь талантливого и знаменитого математика-аналиста, как покойная С. В. Ковалевская?»

Только единственный пример этого рода записан на страницах истории математики; этот пример представляла собою знаменитая итальянка XVII века Мария Гаетана Аньези (Maria Gaetana Agnesi), автор превосходного труда по математическому анализу...» [Некрасов, 1891: 35]. И автор не может поручиться, что Некрасов был первым, высказавшимся в подобном роде; скорее всего нет. Неудивительно, что в 1891 г. коллеги прежде всего хотели подчеркнуть сам факт существования женщины-математика; в 1950 г., казалось бы, уже пришло время поставить С. В. Ковалевскую в ряд знаменитых *математиков*, но... тогда это время еще не пришло. Ее принадлежность к женскому полу все еще являлась определяющей.

Тем не менее уже современники вполне оценили научные заслуги С. В. Ковалевской. Тот же П. А. Некрасов, известный не только своей преподавательской и административной работой, но и принадлежностью к московской философско-математической школе, так охарактеризовал труд Софьи Васильевны в контексте тенденций развития математики своего времени: «...будучи глубоким знатоком чистой математики и именно труднейших и сложнейших частей современного математического анализа, она в то же время постоянно направляла свои взоры в область прикладной математики, достигая и здесь блестящих результатов. ...С. В. Ковалевская поддерживала традиции математиков старой школы, соединявших в себе знание чистой и прикладной математики, — традиции, которые ныне под влиянием необычайного роста математики стали, к сожалению, редкими, несмотря на всю важность связи между отдельными частями науки. Этот указанный сейчас характер трудов С. В. Ковалевской, объединяющий чистую и прикладную математику, делает их особенно интересными и эффективными» [там же: 36—37].

Н. Е. Жуковский, знаменитый основоположник гидро- и аэродинамики, доктор прикладной математики, которого через 3 года, в 1894 г. выберут членом-корреспондентом Императорской Академии наук, впоследствии заслуженный профессор Московского университета, на том же заседании 19 февраля 1891 г. оценил вклад нашей героини в развитие прикладной математики следующим образом: «С. В. Ковалевская под руководством своего знаменитого учителя, профессора Вейерштрасса, прошла школу высокого математического анализа, но самостоятельные работы ее относятся не к одной чистой математике, а, главным образом, — к прикладным наукам. Она избирала при этом для своего исследования те задачи, решение которых требовало обширного знания трансцендентных функций, и, вполне обладая этим знанием, получила результаты, которые составляют ценный вклад в науку» [Жуковский, 1891: 19]. И таких высказываний современных Ковалевской математиков, как отечественных, так и иностранных, можно привести немало. Но все эти слова были сказаны сразу после ее смерти, под впечатлением трагических событий. В дальнейшем образовавшийся вокруг имени С. В. Ковалевской почти мифологический ореол затруднил понимание ее истинного вклада в развитие математических наук. Надо заметить, что ореол этот не всегда был героическим, что отразилось и на оценке математических работ Софьи Васильевны. Например, американский историк женского движения А. Коблиц пишет, что с уходом из жизни математиков-современников С. В. Ковалевской, признававших ее вклад в развитие науки

и ставивших ее имя в один ряд с именами А. Пуанкаре, Э. Пикара, К. Вейерштрасса, Ш. Эрмита — величайших математиков XIX в., значение ее трудов в западной математике стало забываться и принижаться, в том числе под влиянием сложившегося в европейской литературе негативного образа Ковалевской как несчастной и непоследовательной в личной жизни женщины [Koblitz, 1987: 75].

Неудивительно, что математики и историки математики последней четверти XX в. — первой четверти XXI в. захотели разобраться, соответствует ли громкая слава С. В. Ковалевской ее реальному вкладу в развитие науки. Американский математик Р. Кук, объясняя в предисловии к своей опубликованной в 1984 г. книге «Математика Софьи Ковалевской» мотивы, заставившие его взяться за эту работу, пишет: «Мотивация создания этой книги заключена в шести главах, посвященных математическому анализу, в которых сделана попытка поместить работу Ковалевской в контекст истории анализа девятнадцатого века» [Cooke, 1984: VIII]. Р. Кук находил странным и неудовлетворительным тот факт, что «...написанное о ней на английском было написано людьми, интересовавшимися социологическими и психологическими аспектами ее жизни. Никакое из этих описаний не обсуждало ее математическую работу в каких-либо деталях. Это упущение кажется серьезным в биографических исследованиях о женщине, чье основное значение заключается в ее математической работе» [там же: VIII]. Завершая свое очень тщательное, основанное на анализе не только научных трудов самой Ковалевской, ее предшественников и современников, но и архивных источников и написанной уже литературы исследование, Р. Кук сделал следующий вывод: «Мне кажется, что общий корпус ее работ презентует нам портрет компетентного, творческого математика, создавшего некоторые ценные работы и несколько работ меньшей значимости, сделавшего случайные ошибки в процессе. Если коротко, она была математиком наравне с большинством других, более талантливым, чем большинство, но отвлекавшимся от своей работы также гораздо чаще» [там же: 179].

Л. Кин, редактор сборника трудов симпозиума «Наследие Сони Ковалевской», организованного 25—28 октября 1985 г. Американским математическим обществом при поддержке Ассоциации женщин в математике и Институтом Мэри Ингрэм Бантинг Гарвардского университета (Mary Ingraham Bunting Institute Radcliffe College, Harvard University), в своем предисловии нашла нужным подчеркнуть, что Софья Ковалевская «считалась современниками среди лучших из ее поколения», а «ее работа, подход к математике и идеи все еще актуальны и сегодня» [Keen, 1987: IX—X].

Отечественные математики также находят отдельные работы С. В. Ковалевской более чем актуальными в настоящее время. Например, академик Российской академии наук О. А. Олейник писала об одном из аспектов ее творческого наследия: «Можно назвать лишь очень небольшое число теорем в теории с частными производными, которые бы использовались так часто и так по существу, как теорема Ковалевской. Многие десятки работ посвящены обобщениям теоремы Коши — Ковалевской. Во всех важнейших разделах современной теории дифференциальных уравнений и смежных областей... теорема Ковалевской находит многочисленные применения, ее использование является существенным моментом в доказательстве многих важных и трудных теорем» [Олейник, 1997: 116].

Очень специальная математическая работа доктора физико-математических наук В. А. Городцова «Софья Ковалевская, Поль Пенлеве и интегрируемость нелинейных уравнений сплошных сред» посвящена одному из математических методов, который обязан своим рождением С. В. Ковалевской и французскому ученому и политику, президенту Французской академии наук и иностранному члену-корреспонденту Российской академии наук П. Пенлеве [Городцов, 2003].

В 2023 г. в Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук О. А. Юлиной на тему «Развитие математических методов решения проблемы о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки в XVIII—XIX вв.», посвященная истории решения задачи, прославившей С. В. Ковалевскую [Юлина, 2023].

Таким образом, интерес современных математиков и историков математики к наследию С. В. Ковалевской не угасает. В целом они признают значительную роль Софьи Васильевны в развитии математики. Однако среди современниц С. В. Ковалевской известны имена нескольких женщин-ученых, чей вклад в развитие наук, которыми они занимались, был не менее значимым, чем вклад Ковалевской (насколько возможно судить о таких малосопоставимых вещах), и также признавался научным сообществом. Так чем же она выделялась на их фоне? Конечно, кроме того, что С. В. Ковалевская покорила именно математику, эту самую выдающуюся из всех наук.

Женщина — полноправный член академического сообщества

Известность С. В. Ковалевской в научном мире, принесшая ей в итоге более широкую известность в российском и европейском обществе, была основана не только на признанных научных трудах, но и на ее полной интеграции в профессиональное математическое сообщество своего времени. Эта интеграция основывалась на успешном освоении нескольких определяющих этапов: получении в 1874 г. степени доктора философии Геттингенского университета; работе в Стокгольмском университете (с 1883 г.), где она, пройдя ряд промежуточных ступеней, в итоге заняла должность ординарного профессора, читала лекции, участвовала в заседаниях совета, редактировала научный журнал и пр. [Ковалевская, 1945а: 131], и награждении двумя престижными премиями в области математики — премией Бордена, присужденной Парижской академией наук (1888 г.), и премией Шведской академии наук (1889 г.). Этот список достижений дополнило ее избрание иностранным членом-корреспондентом Императорской Академии наук в России (1889 г.). Подобной успешной карьере может позавидовать почти любой ученый, независимо от пола и научной дисциплины, в которой он/она специализируется. Возможно, именно потому, что С. В. Ковалевская оказалась столь успешной, беспрецедентно успешной для женщины того времени, в сознании людей академическая карьера Софьи Васильевны постепенно приобрела некоторый легендарный и даже, можно сказать, мифологический оттенок.

Вероятно, поэтому же биография С. В. Ковалевской, точнее, историческая память о ней содержит немало парадоксов. Ей часто приписывали первенство

там, где на самом деле она была только одной из первых, но ее образ оказался настолько ярким, что затмил предшественниц. Например, как автор уже упоминала выше, все — от современников до последующих историков — признавали С. В. Ковалевскую первой женщиной-математиком Новейшего времени. Как заметила в одной из посвященных С. В. Ковалевской работ советский физик, академик АН СССР П. Я. Полубаринова-Кочина, больше, чем кто бы то ни было, сделавшая для изучения ее биографии и научного наследия, «Ковалевская превосходила своих предшественниц талантом и значительностью полученных результатов. Вместе с тем она опередила общий уровень женщин, стремившихся к науке в ее время» [Полубаринова-Кочина, 1951: 64]. Талант С. В. Ковалевской исследователи сегодня не оспаривают, но первой нашей соотечественницей, издавшей в 1835 г. математическое сочинение, стала княгиня Е. И. Голицына, ученица математика и механика академика Императорской Академии наук М. В. Остроградского, известная своим интересом к математике и дружбой с академиками Парижской академии наук [Galitsina, 1835]. Однако признана ими равной она не была и ее математические работы оказались забыты.

Первой и даже второй женщиной, получившей в Новое время ученую степень доктора, С. В. Ковалевская также не являлась. Эта честь принадлежит Н. П. Суслевой. Дочь сумевшего разбогатеть и выкупиться на свободу крепостного крестьянина Н. П. Сулова в 1864 г. поступила в Цюрихский университет и в 1867 г., написав и защитив диссертацию, смогла получить диплом доктора медицины, хирургии и акушерства. В 1871 г., на 3 года раньше С. В. Ковалевской защитила докторскую диссертацию также в Цюрихском университете и также на степень доктора медицины М. А. Бокова-Сеченова. Обе эти женщины по возвращении в Россию были встречены как героини. Их имена, безусловно, сохранились в истории и российского женского движения, и отечественной науки [Родзевич, 1892; Смирнов, 1960; Лисицына, Иванова Л., Иванова И., 2021]; они известны за рубежом [Pozefsky, 1999; Koblitz, 2000]. Но ни одна из них не испытала славы С. В. Ковалевской.

Нельзя сказать, чтобы получение степени доктора далось Софье Васильевне легко. В течение 5 лет она жила почти что отшельницей и работала не поднимая головы, подготовив три квалификационные работы, отвечавшие всем требованиям, вместо необходимой одной, просто на всякий случай. Даже ее учитель, выдающийся немецкий математик К. Вейерштрасс, член многих европейских академий, к моменту своего знакомства с юной Ковалевской уже избранный в том числе и иностранным членом-корреспондентом Императорской Академии наук (1864 г.), несколько удивлялся, зачем это понадобилось благородной молодой барышне ее положения и состояния. В письме к своему ученику, профессору Геттинггенского университета И. Фуксу, с просьбой об оказании содействия в получении разрешения для Ковалевской претендовать на докторскую степень, он писал: «Стремление изучать математику, столь необычное у молодой женщины, живущей в блестящих условиях, и с полным сознанием того, чего будет ей стоить это решение, естественно, сначала вызвало противодействие со стороны ее родных. <...> Поэтому именно теперь, когда после 5-летней студенческой... жизни, в которой для нее стал слишком чувствителен недостаток обычного домашнего комфорта, она намерена возвратиться на родину

и к семейной жизни, для нее очень важно получить осязательный для всякого документ, доказывающий, что не ради каприза, а из-за действительного стремления к науке она, отказываясь от всего, что привлекает молодую женщину (ей теперь 23 года), осуществила свое решение с силой воли, находящейся в едва объяснимом противоречии с чрезвычайной женственностью ее натуры» [Письма Вейерштрасса... , 1948: 347].

Первенство Ковалевской, впервые прошедшей все ступени академической карьерной лестницы в университете, пусть университете молодом, только что основанном, еще «скромном» и очень демократичном по меркам его более «солидных» коллег, отрицать невозможно. В этом она проявила смелость, упорство, настойчивость, привитые ей с детства навыки светского общения и манипулирования общественным мнением; конечно, не обошлось без преданной поддержки коллег, прежде всего ее соученика, шведского математика Г. Миттаг-Леффлера, о чем она сама писала впоследствии [Ковалевская, 1945а: 129].

Получение ею престижной премии Парижской академии наук немало способствовало ее окончательному успеху на поприще высшего образования — присвоению звания ординарного (пожизненного) профессора. Вручение С. В. Ковалевской в 1888 г. премии Бордена, присуждавшейся Парижской академией наук за решение каких-либо заранее назначенных академией математических задач, безусловно, стало первым вручением престижной зарубежной награды в области *математики* женщине, но вот первой международной *научной* наградой, врученной нашей соотечественнице, она точно не была. Еще в 1875 г. проходивший в Париже Международный географический конгресс присудил свою медаль россиянке О. А. Федченко за ее путешествие в Туркестан [Валькова, 2006: 120—121]. Ботаник-систематик О. А. Федченко стала первой в нашей стране женщиной — полноправной участницей научной экспедиции, организованной при государственной поддержке для изучения Туркестанского края в 1868—1872 гг. У О. А. Федченко не было докторского диплома, она на него никогда не претендовала, но по возвращении из ставшей сенсацией в научном мире Туркестанской экспедиции научное сообщество, отечественное и международное, признало ее как равную. Однако вручение ей престижной международной награды прошло незамеченным, хоть информация об этом и была опубликована сразу же [Список наград... , 1876: 239]. В том году О. А. Федченко лично не участвовала в работе конгресса, поэтому причитающаяся ей медаль передали представителям Русского географического общества, где она и пролежала 8 лет всеми забытая, прежде чем ее нашли при разборе старых бумаг и доставили владелице [Валькова, 2006: 121]. Присуждение престижной международной награды никак не повлияло на ее жизнь, в том числе научную. При всеми признаваемом профессионализме в глазах общества ее занятие наукой оставалось всего лишь хобби и не вызывало интереса за пределами узкого круга специалистов.

Совсем иначе выглядело вручение премии Бордена С. В. Ковалевской. Сохранились многочисленные опубликованные описания этого события; позднее сама Софья Васильевна также написала об этом: «Меня сейчас же уведомили, и я поехала в Париж, чтобы присутствовать на назначенном по этому поводу заседании Академии наук. Меня приняли чрезвычайно торжественно, посадили

рядом с президентом, который сказал лестную речь, и вообще я была осыпана почестями» [Ковалевская, 1945a: 132].

Присуждение международных наград способствовало не только упрочению положения С. В. Ковалевской в Стокгольмском университете, но и избранию ее в 1889 г. иностранным членом-корреспондентом Императорской Академии наук — честь, оказанная женщине впервые в нашей стране. Конечно, вполне возможно, делу помогло то, что С. В. Ковалевская происходила из в полном смысле «академической» семьи (со стороны ее матери) и в этом качестве не была чужой для академии. Ее прадеда, Ф. И. Шуберта, математика, астронома, геодезиста, избрали ординарным академиком по астрономии в 1803 г.; ее деда, Ф. Ф. Шуберта, геодезиста, избрали почетным членом академии в 1827 г. Ее «академическая» семья помогала в хлопотах: двоюродный дядя С. В. Ковалевской со стороны матери — А. И. Косич, в тот момент генерал-лейтенант в отставке, служивший губернатором Саратова, направил письмо с соответствующим предложением великому князю Константину Константиновичу, вновь назначенному (1889 г.) президенту Императорской Академии наук. После первоначального вежливого отказа, выступления в защиту этой идеи академиком-математиком во главе с П. Л. Чебышевым, ординарным академиком с 1859 г., поддерживавшим активную профессиональную переписку с Софьей Васильевной, и специального решения общего собрания академической конференции состоялось ее избрание, правда, членом-корреспондентом — титул больше почетный, нежели практический. Тем не менее это решение академии стало событием в научном мире [Ковалевская, 1945b: 205, 208—209].

Помимо С. В. Ковалевской (через несколько лет после нее), до вызванных революцией 1917 г. изменений в российском законодательстве, положивших конец большинству формальных ограничений по службе, связанных с половой принадлежностью в России, в состав Императорской Академии наук, кроме особ королевской (царской) крови, избирались следующие женщины: почетным членом — археолог графиня П. С. Уварова (1894 г.), членами-корреспондентами — лингвист О. И. Срезневская (1895 г.), ботаник О. А. Федченко (1907 г.), физик и химик М. Склодовская-Кюри (1907 г.). Все они принадлежали примерно к одному и тому же поколению, кроме разве что М. Склодовской-Кюри, но основная часть принесших им известность научных трудов была создана и опубликована в конце XIX — начале XX в., позже, чем работы С. В. Ковалевской. Никто из них, кроме опять-таки М. Склодовской-Кюри, даже не пытался сделать формальную академическую карьеру. Их признание отмечено научным сообществом членством каждой из них в самых разных престижных отечественных и международных научных обществах и академиях, но за пределы научных сообществ их известность не выходила. Возможно, поэтому имеющаяся научная литература о трех российских женщинах-ученых, вошедших в этот краткий список кроме С. В. Ковалевской, крайне скромна. О. А. Федченко посвящена одна монография [Валькова, 2006], можно также найти несколько некрологов и небольших статей, хотя специалисты хорошо знают ее имя и до сих пор используют ее научное наследие. О графине П. С. Уваровой появились публикации после 1991 г., ее воспоминания были изданы [Уварова, 2005], но полноценной научной биографии не существует до настоящего времени. Об О. И. Срезневской вряд ли удастся

найти хотя бы несколько статей, ее имя остается сегодня мало известным даже специалистам. Такой «забывчивости» историков способствовали различные факторы. Одним из них, по нашему мнению, стало отсутствие широкой известности при жизни, которая выходила бы за пределы круга научного сообщества и повседневного общения каждой из них. Как автор уже упоминала, ситуация с С. В. Ковалевской сложилась совсем иначе.

Фактически С. В. Ковалевская стала первой в новейшей истории европейской женщиной, сделавшей классическую, мужскую академическую карьеру в одной из самых «привилегированных» и «аристократических» наук — математике, пройдя все ее формальные этапы и заслужив награды и поощрения, которых удается добиться далеко не всем мужчинам. При этом она аккумулировала солидный социальный капитал, став значимым звеном в цепи коммуникаций и влияний международного математического сообщества, в повседневной жизни которого она принимала самое активное участие. Этот факт, выделявший ее на фоне других не менее талантливых в своих областях женщин-ученых, сделал ее известной далеко за пределами математического мира. Кроме того, не следует забывать, что Софья Васильевна была не только математиком, но и писательницей. И писала она на темы, волновавшие многих ее современниц.

Больше, чем ученый

Круг интересов С. В. Ковалевской не ограничивался ее научными интересами или интересами академическими. Отдавая дань памяти Софье Васильевне, П. Л. Лавров, с которым она разделяла многие идеи, касавшиеся социального развития общества, сказал, объясняя роль, сыгранную ею, помимо роли женщины-математика: «Я имею... в виду не только женщин, посвятивших себя специальной науке, даже не только женщин, которым обстоятельства дозволили отдать достаточное время науке вообще. Я имею в виду всех *развитых русских женщин*; всех тех, которые не довольствуются тем, чтобы мыслить по указанному, жить как живется, но в груди которых проснулось стремление поменять среду, их окружающую, насколько обстоятельства им это позволяют; проснулось стремление внести в жизнь свою и чужую элемент лучшего; я имею в виду женщин, которые ни в ученой лаборатории, ни за швейною машиною не остались слепы и глухи к задачам мысли, возникающим около них, к заботам и болям общества, в рядах которого они имеют каждая свои особые задачи, свои особые заботы и боли» [Лавров, 1891: 6—7].

Претендуя одной из первых в XIX в. на степень доктора философии, С. В. Ковалевская подробно объяснила свои мотивы в сопроводительном письме, добавленном к отправленному ею прошению на факультет Геттингенского университета о присуждении ей степени доктора философии в ее отсутствие: «Мне было нелегко решиться на шаг, который должен был вывести меня из состояния неизвестности, в котором я до сих пор находилась. Только одно желание доставить удовольствие близким мне людям, желание дать им настоящее понятие о себе, убедить их в том, что я действительно серьезным образом и небезуспешно занималась математикою, которую изучала исключительно по любви, без всяких посторонних целей, заставило меня отбросить в сторону все колебания»

[Ковалевская, 1951b: 136]. С одной стороны, эти слова говорят о том, что С. В. Ковалевская понимала: такой шаг выведет ее «из состояния неизвестности», с другой — описанные ею мотивы исключительно личные. Трудно сказать, насколько она была искренна, называя их. В 1890 г. в автобиографическом очерке С. В. Ковалевская написала слова, которые заставляют думать, что докторская степень (и связанные с ее получением амбиции) являлась ее целью с самого начала: «Слушая лекции Вейерштрасса, я в то же время стала готовиться к достижению докторской степени. Но так как двери Берлинского университета были для меня, как для женщины, закрыты, то я решила обратиться в Геттинген» [Ковалевская, 1945a: 126]. Хотя многолетний саббатикал по возвращению в Россию противоречит этому выводу: в тот момент казалось, что, достигнув искомой степени, С. В. Ковалевская исполнила свою мечту. Но это было совсем не так: ей действительно хотелось большего, и не только для себя лично.

Решившись на возвращение в профессию после 6 лет жизни в России, отданной светским развлечениям, семейной жизни, материнству и предпринимательским проектам, Софья Васильевна задумалась о преподавании. Ведя переговоры о потенциальных возможностях с другим учеником своего учителя, шведским математиком Г. Миттаг-Леффлером, она 7 июня 1881 г. писала о том, что хотела бы стать первопроходцем и открыть путь для других женщин: «Что касается Ваших прекрасных планов относительно меня в Гельсингфорсе, то я должна признаться, милостивый государь, что я никогда в них серьезно не верила, хотя и очень желала их осуществления. Я не собираюсь возлагать слишком большие надежды и на Стокгольм; однако признаюсь, что я была бы в восторге, если бы мне представился случай применить свои математические знания к преподаванию в высшей школе, обязанности профессора заключают в самих себе нечто благородное, что всегда сильно привлекало меня. Не говоря уже о том большом значении, которое обязанности доцента имели бы в моей жизни, я была бы в восторге открыть новую карьеру женщинам...» [Переписка... , 1984: 26].

Обсуждая этот вопрос в дальнейшем, в том числе вероятное преподавание без оплаты, С. В. Ковалевская развила свою мысль несколько подробнее: «...могу Вас заверить, что если мне будет предложена должность доцента, я приму ее от всего сердца. Я никогда не рассчитывала на какое-либо другое положение и должна признаться даже, что для начала я буду чувствовать себя гораздо менее смущенной и менее робкой, если мне просто предложат возможность приложить свои знания в области высшего образования и тем самым открыть женщинам доступ в университеты, который до сих пор им не разрешен, за исключением совершенно особых случаев и в виде особой милости. К тому же эта милость может быть отнята у них так же легко и произвольно, как это имело место в большинстве германских университетов. Не будучи особенно богатой, я все же имею средства, чтобы жить совершенно независимо. Таким образом, вопрос об окладе не оказывает никакого влияния на мое решение. Моей главной целью является — служить делу, которое мне очень дорого, и самой убедиться в то же время в возможности посвятить себя работе в среде людей, занимающихся тем же делом, что и я. Этого счастья я всегда была лишена; я лишена его и теперь — в России — и до сих пор могла пользоваться им только во время пребывания в Берлине» [там же: 28].

Современники С. В. Ковалевской, вероятно, понимали это ее желание — проложить путь не только для себя, но для всех. Рассказывая о последнем приезде Софьи Васильевны в Россию, Е. Ф. Литвинова, так же как и С. В. Ковалевская, принадлежавшая к числу первых в Европе XIX в. женщин — докторов математики*, написала: «Мы уже говорили, что Ковалевская всегда была путеводною звездой всех женщин, стремившихся к высшему образованию, но с тех пор, как получила профессию, она возбуждала *общий* интерес, который все возрастал и сопровождался энтузиазмом: особенно же ее чествовали в этот последний приезд в Россию — в Гельсингфорсе и в Петербурге» [Литвинова, 1894: 78].

Заключение

В последний приезд в Петербург, 9 мая 1890 г. С. В. Ковалевская оставила запись в альбоме историка, журналиста и общественного деятеля М. И. Семевского, так сказав о своей жизни: «Младшая сестра-подросток теперь уже тоже пожилая женщина. И для нее жизнь пошла необычной колеей. Много в ней было и хорошего, и худого; но стоит ей вспомнить то старое, доброе время — и кажется — все это лишь вчера было...» [Ковалевская, 1951а: 138]. В самом ли деле чувствовала она себя «пожилой», не так давно отметив свое сорокалетие? Вполне возможно: ее жизнь вместила столь многое, что кажется, будто она прожила все восемьдесят лет...

С. В. Ковалевская действительно принадлежала к категории «развитых людей», по классификации П. Л. Лаврова, тех людей, которые чувствуют необходимость назревших перемен, которые готовы броситься вперед невзирая на последствия, чтобы приблизить их, готовы заплатить за это высокую цену, которые сами и олицетворяют, персонифицируют перемены. Она действительно была кем-то большим, чем просто неординарно талантливый ученый или писательница. Она принадлежала к первопроходцам, тем, кто прокладывает новые пути, и неважно, где эти пути пролегают: в еще не нанесенных на карту землях, в глубинах космоса или в чопорных и консервативных залах университетов и академий.

Софья Васильевна Ковалевская прожила хорошую жизнь. Ей удалось найти профессию, которая ежедневно бросала вызов ее способностям, удалось исполнить мечты своей юности, путешествовать и увидеть мир; удалось испытать славу и признание; она успела стать матерью, любила и была любимой. Неудивительно, что ее имя стало путеводной звездой для нескольких поколений молодых российских женщин, что ее жизнь до сих пор продолжает вызывать интерес потомков. В каком-то смысле каждый вручающийся сегодня женщине диплом кандидата или доктора наук, доцента или профессора — это и заслуга Софьи Васильевны Ковалевской. Нам следует не забывать об этом.

* Е. Ф. Литвинова получила степень доктора в Бернском университете в 1878 г., на 4 года позже С. В. Ковалевской.

Список источников

- Вавилов С. И. Софья Васильевна Ковалевская: (к 100-летию со дня рождения) // Памяти С. В. Ковалевской: сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 5—6.
- Валькова О. А. Ольга Александровна Федченко, 1845—1921. М.: Наука, 2006. 318 с. (Научно-биографическая литература).
- Городцов В. А. Софья Ковалевская, Поль Пенлеве и интегрируемость нелинейных уравнений сплошных сред. М.: Изд-во физ.-мат. лит., 2003. 40 с.
- Жуковский Н. Е. О трудах С. В. Ковалевской по прикладной математике // Столетов А. Г., Жуковский Н. Е., Некрасов П. А. Софья Васильевна Ковалевская. М.: Университет. тип., 1891. С. 18—31.
- Ковалевская С. В. Автобиографический рассказ // Ковалевская С. В. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1945а. С. 122—132.
- Ковалевская С. В. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1945б. 225 с.
- Ковалевская С. В. Автобиографическая запись // Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М.: Изд-во АН СССР, 1951а. С. 137—138.
- Ковалевская С. В. Письмо декану факультета, Берлин, июль 1874 г. // Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М.: Изд-во АН СССР, 1951б. С. 136.
- Лавров П. Л. Русская развитая женщина. В память Софьи Васильевны Ковалевской: (прочитано на собрании 6 апреля 1891 г. в Париже). [Б. м.]: Вольная рус. тип., 1891. 19 с.
- Лисицына Н. В., Иванова Л. Ю., Иванова И. И. Мария Александровна Бокова-Сеченова — первая русская женщина — врач-офтальмолог // Детская медицина Северо-Запада. 2021. Т. 9, № 4. С. 82—85.
- Литвинова Е. Ф. С. В. Ковалевская: (женщина-математик). Ее жизнь и ученая деятельность: биографический очерк. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1894. 92 с.
- Некрасов П. А. О трудах С. В. Ковалевской по чистой математике // Столетов А. Г., Жуковский Н. Е., Некрасов П. А. Софья Васильевна Ковалевская. М.: Университет. тип., 1891. С. 34—55.
- Олейник О. А. Теорема С. В. Ковалевской и современная теория уравнений с частными производными // Соросовский образовательный журнал. 1997. № 8. С. 116—121.
- Переписка С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера / отв. ред. А. П. Юшкевич. М.: Наука, 1984. 312 с.
- Письма Вейерштрасса Фуксу о Софье Ковалевской // Ковалевская С. В. Научные работы. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 343—352.
- Полубаринова-Кочина П. Я. Жизнь и научная деятельность С. В. Ковалевской // Памяти С. В. Ковалевской: сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 7—66.
- Полубаринова-Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская, 1850—1891. М.: Наука, 1981. 312 с. (Научно-биографическая серия).
- Родзевич Г. И. Материалы для биографии первой русской женщины, получившей диплом доктора медицины, Н. П. Суловой. СПб.: Тип. П. И. Шмидта, 1892. 16 с.
- Смирнов А. А. Первая русская женщина-врач. М.: Медгиз, 1960. 179 с.
- Список наград, присужденных Парижским международным географическим конгрессом 1875 г. русским экспонентам // Известия Русского географического общества. 1876. Т. 11: 1875, отд. 1. С. 239.
- Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 296 с.
- Юлина А. О. Развитие математических методов решения проблемы о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки в XVIII—XIX вв.: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. СПб., 2023. 37 с.

- Audin M. Remembering Sofya Kovalevskaya. New York: Springer Science & Business Media, 2011. 284 p.
- Cooke R. The Mathematics of Sonya Kovalevskaya. New York: Springer, 1984. 250 p.
- Galitsina E. De l'analyse de la force. St. Petersburg, 1835. T. 1, pt. 1. 58 p.
- Keen L. Preface // Contemporary Mathematics. 1987. Vol. 64: The Legacy of Sonya Kovalevskaya: Proceedings of a Symposium Sponsored by the Association for Women in Mathematics and the Mary Ingraham Bunting Institute Held October 25—28, 1985. P. III—X.
- Koblitz A. H. Convergence of Lives, Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary. Boston; Basel; Stuttgart: Birkhauser Boston, Inc., 1983. 305 p.
- Koblitz A. H. Changing views of Sofia Kovalevskaia // Contemporary Mathematics. 1987. Vol. 64: The Legacy of Sonya Kovalevskaya: Proceedings of a Symposium Sponsored by the Association for Women in Mathematics and the Mary Ingraham Bunting Institute Held October 25—28, 1985. P. 53—78.
- Koblitz A. H. Science, Women and Revolution in Russia. Women in Science. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000. 211 p.
- Pozefsky P. C. Love, science, and politics in the fiction of shestidesiatnitsy N. P. Suslova and S. V. Kovalevskaia // The Russian Review. 1999. Vol. 58, № 3. P. 361—379.

References

- Audin, M. (2011) *Remembering Sofya Kovalevskaya*, New York: Springer Science & Business Media.
- Cooke, R. (1984) *The Mathematics of Sonya Kovalevskaya*, New York: Springer.
- Galitsina, E. (1835) *De l'analyse de la force*, t. 1, pt. 1., St. Petersburg.
- Gorodtsov, V. A. (2003) *Sof'ia Kovalevskaia, Pol' Penleve i integriruemoi' nelineinykh uravnenii' sploshnykh sred* [Sofya Kovalevskaya, Paul Painlevé and integrability of nonlinear equations of continuous media], Moscow: Izdatel'stvo fiziko-matematicheskoi' literatury.
- Keen, L. (1897) Preface, in: *Contemporary Mathematics*, vol. 64: The Legacy of Sonya Kovalevskaya: Proceedings of a Symposium Sponsored by the Association for Women in Mathematics and the Mary Ingraham Bunting Institute Held October 25—28, 1985, pp. III—X.
- Koblitz, A. H. (1983) *Convergence of Lives, Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary*, Boston, Basel, Stuttgart: Birkhauser Boston, Inc.
- Koblitz, A. H. (1987) Changing views of Sofia Kovalevskaia, in: *Contemporary Mathematics*, vol. 64: The Legacy of Sonya Kovalevskaya: Proceedings of a Symposium Sponsored by the Association for Women in Mathematics and the Mary Ingraham Bunting Institute Held October 25—28, 1985, pp. 53—78.
- Koblitz, A. H. (2000) *Science, Women and Revolution in Russia. Women in Science*, Amsterdam: Harwood Academic Publishers.
- Kovalevskaya, S. V. (1945a) Avtobiograficheskiĭ rasskaz [An autobiographical story], in: Kovalevskaya, S. V., *Vospominaniia detstva i avtobiograficheskie ocherki*, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 122—132.
- Kovalevskaya, S. V. (1945b) *Vospominaniia detstva i avtobiograficheskie ocherki* [Childhood memories and autobiographical essays], Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Kovalevskaya, S. V. (1951a) Avtobiograficheskaia zapis' [Autobiographical record], in: Kovalevskaya, S. V., *Vospominaniia i pis'ma*, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 137—138.

- Kovalevskaya, S. V. (1951b) Pis'mo dekanu fakul'teta, Berlin, iul' 1874 g. [A letter to the Dean of the Faculty, Berlin, July 1874], in: Kovalevskaya, S. V., *Vospominaniia i pis'ma*, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, p. 136.
- Lavrov, P. L. (1891) *Russkaia razvitaia zhenshchina. V pamyat' Sof'i Vasil'evny Kovalevskoi: (Prochitano na sobranii 6 apreliia 1891 g. v Parizhe)* [A Russian advanced woman. In memory of Sofya Vasilyevna Kovalevskaya: (Read at a meeting on April 6, 1891 in Paris)], Vol'naia russkaia tipografiia.
- Lisitsyna, N. V., Ivanova, L. Yu., Ivanova, I. I. (2021) Mariia Aleksandrovna Bokova-Sechenova — pervaiia russkaia zhenshchina — vrach-oftal'molog [Maria Alexandrovna Bokova-Sechenova is the first Russian female ophthalmologist], *Detskaia meditsina Severo-Zapada*, vol. 9, no. 4, pp. 82—85.
- Litvinova, E. F. (1894) *S. V. Kovalevskaya: (Zhenshchina-matematik). Ee zhizn' i uchenaia deiatel'nost': Biograficheskiĭ ocherk* [S. V. Kovalevskaya: (Female mathematician). Her life and academic work: A biographical sketch], St. Petersburg: Tipografiia P. P. Soĭkina.
- Nekrasov, P. A. (1891) O trudakh S. V. Kovalevskoi po chistoĭ matematike [About S. V. Kovalevskaya's works on pure mathematics], in: Stoletov, A. G., Zhukovsky, N. E., Nekrasov, P. A. *Sof'ia Vasil'evna Kovalevskaya*, Moscow: Universitetskaia tipografiia, pp. 34—55.
- Oleynik, O. A. (1997) Teorema S. V. Kovalevskoi i sovremennaia teoriia uravnenii s chastnymi proizvodnymi [S. V. Kovalevskaya's theorem and the modern theory of partial differential equations], *Sorosovskii obrazovatel'nyi zhurnal*, no. 8, pp. 116—121.
- Perepiska S. V. Kovalevskoi i G. Mittag-Lefflera* (1984) [Correspondence between S. V. Kovalevskaya and G. Mittag-Leffler], Moscow: Nauka.
- Pis'ma Veiershrassa Fuku o Sof'e Kovalevskoi (1948) [Letters from Weierstrass to Fuchs about Sofya Kovalevskaya], in: Kovalevskaya, S. V., *Nauchnye raboty*, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 343—352.
- Polubarinova-Kochina, P. Ya. (1951) Zhizn' i nauchnaia deiatel'nost' S. V. Kovalevskoi [The life and scientific activity of S. V. Kovalevskaya], *Pamiatĭ S. V. Kovalevskoi: Sbornik stateĭ*, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 7—66.
- Polubarinova-Kochina, P. Ya. (1981) *Sof'ia Vasil'evna Kovalevskaiia, 1850—1891* [Sofia Vasilyevna Kovalevskaya, 1850—1891], Moscow: Nauka.
- Pozefsky, P. C. (1999) Love, science, and politics in the fiction of shestidesiatnitsy N. P. Suslova and S. V. Kovalevskaiia, *The Russian Review*, vol. 58, no. 3, pp. 361—379.
- Rodzevich, G. I. (1892) *Materialy dlia biografii pervoi russkoĭ zhenshchiny, poluchivsheĭ diplom doktora meditsiny, N. P. Suslovoi* [Materials for the biography of the first Russian woman to receive a Doctor of Medicine degree, N. P. Suslova], St. Petersburg: Tipografiia P. I. Shmidta.
- Smirnov, A. A. (1960) *Pervaiia russkaia zhenshchina-vrach* [The first Russian female doctor], Moscow: Medgiz.
- Spisok nagrad, prisuzhdenykh Parizhskim mezhdunarodnym geograficheskim kongressom 1875 g. russkim eksponentam (1876) [List of awards given by the Paris International Geographical Congress in 1875 to Russian exhibitors], *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 11, no. 1, p. 239.
- Uvarova, P. S. (2005) *Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni* [The past. Happy days long gone], Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
- Valkova, O. A. (2006) *Ol'ga Aleksandrovna Fedchenko, 1845—1921* [Olga Alexandrovna Fedchenko, 1845—1921], Moscow: Nauka.
- Vavilov, S. I. (1951) Sof'ia Vasil'evna Kovalevskaiia: (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia) [Sofia Vasilyevna Kovalevskaya: (On the occasion of the 100th anniversary of her birth)],

- in: *Пам'яті С. В. Ковалевскої*. Sbornik statei, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 5—6.
- Yulina, A. O. (2023) *Razvitie matematicheskikh metodov resheniia problemy o vrashchenii tvërdogo tela vokrug nepodvizhnoï toчки v XVIII—XIX vv.*: Avtoref. dis. ... kand. fiziko-matematicheskikh nauk [The development of mathematical methods for solving the problem of the rotation of a solid body around a fixed point in the XVIII—XIX cc.: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Zhukovsky, N. E. (1891) О трудakh С. В. Ковалевскоï по прикладноï математике [About S. V. Kovalevskaya's works on applied mathematics], in: Stoletov, A. G., Zhukovsky, N. E., Nekrasov, P. A. *Sof'ia Vasil'evna Kovalevskaiia*, Moscow: Universitetskaia tipografiia, pp. 18—31.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 25.04.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication 25.04.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Валькова Ольга Александровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия, o-val2@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Department of History of Physical and Mathematical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 129—133.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 129—133.

Обзорная статья

УДК 316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/vbcnzn>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.9

О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЖИЗНЕННЫЙ МИР В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ»

Марина Юрьевна Милованова¹, Нурсафа Гафуровна Хайруллина²

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru

² Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. Анализируются результаты Международной научной конференции — Третьих Шанявских чтений «Жизненный мир в гендерном измерении: теоретические и прикладные задачи современных исследований» (Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 5 марта 2025 г.).

Ключевые слова: жизненный мир, женщины, мужчины, социальные общности, теория, практика, междисциплинарные исследования

Для цитирования: *Милованова М. Ю., Хайруллина Н. Г.* О Международной научной конференции «Жизненный мир в гендерном измерении» // *Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 129—133.*

Review article

ABOUT THE INTERNATIONAL ACADEMIC CONFERENCE “LIFEWORLD IN THE GENDER DIMENSION”

*Marina Yu. Milovanova*¹, *Nursafa G. Khairullina*²

¹ Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, m_milovanova@mail.ru

² Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract. The results of the International Academic Conference “The Third Shanyavskaya Readings — Lifeworld in the Gender Dimension: Theoretical and Applied Tasks of Modern Research” (Moscow, Russian State University for the Humanities, March 5, 2025) are analyzed. The event brought together more than 140 academicians, researchers, and scientists from 19 Russian regions and 7 countries (Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan, Vietnam, India, China and Pakistan).

Key words: lifeworld, women, men, social communities, theory, practice, interdisciplinary research

For citation: Milovanova, M. Yu., Khairullina, N. G. (2025) О Международной научной конференции “Zhiznennyi mir v gendernom izmerenii” [About the International Academic Conference “Lifeworld in the Gender Dimension”], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 129—133.

5 марта 2025 г. на социологическом факультете Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) состоялась Международная научная конференция — Третьи Шанявские чтения «Жизненный мир в гендерном измерении: теоретические и прикладные задачи современных исследований». Конференция носила междисциплинарный характер, объединив исследователей в области социологии, психологии, истории, антропологии, политологии, экономики. В работе конференции приняли участие более 140 ученых из 19 российских регионов, 67 академических, вузовских и других учреждений России. В мероприятии участвовали также ученые из семи зарубежных стран: Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Вьетнама, Индии, Китая, Пакистана.

Пленарное заседание открыла председатель оргкомитета конференции доцент М. Ю. Милованова (РГГУ). С приветственным словом к участникам конференции обратился член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко (Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ), который обратил внимание на важное значение объективного, гендерного подхода в процессе научного анализа социального положения женщин и мужчин. В пленарных докладах были проанализированы теоретические и прикладные направления в изучении обозначенной проблематики. Профессор Г. Г. Силласте (Финансовый университет при Правительстве РФ) раскрыла идеологические и методологические основания гендерной социологии в условиях транзитивности общества. Докладчик отметила, что, несмотря на смену гендерного мирового социального порядка, Россия остается традиционной страной с социально-демографической асимметрией в отношении женщин, с традиционными представлениями о семье, семейных ценностях и исконным

уважением к мужчине. Расчеты профессора Т. Н. Юдиной (Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН), основанные на анализе статистических данных за последние тридцать пять лет, позволили сформулировать актуальные демографические и социальные вызовы, стоящие перед институтом российской семьи. В России зарегистрировано 24,5 млн семей и только 2,4 млн являются многодетными. Социальными вызовами докладчик назвала сокращение численности населения (к 2046 г. до 130 млн), уменьшение численности женщин репродуктивного возраста, увеличение числа разводов, неполных семей, старение населения. Доцент М. Ю. Милованова (РГГУ) раскрыла тему базового понятия «социология жизни», охарактеризовала концепцию жизненного мира и ее эвристический потенциал для исследования движущих сил сознания и поведения женщин и мужчин как социальных общностей. Теоретические данные докладчик подкрепила результатами социологических исследований, выявивших существование социального неравенства по признаку пола, сегрегации женщин (заработная плата последних составляет три четверти от зарплаты мужчин, а в советах директоров компаний их лишь 15 %).

На специфику в определении жизненного успеха молодым поколением, девушками и юношами Дагестана, обратила внимание профессор М. М. Шахбанова (Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала). Данные опроса показывают, что девушки в качестве значимых ценностей называют «родительская семья», «наличие собственной семьи, детей», а юноши — «интересная работа», «наличие связей», «клановость». Профессор Н. Н. Коростылева (РАНХиГС) обозначила гендерное измерение корпоративной социальной ответственности в условиях актуальной повестки устойчивого развития. Психологические аспекты преимущества и недостатков андрогинного статуса мужчин и женщин были отмечены в выступлении доцента М. П. Китаевой (Московский институт психологии). Свежий взгляд на городские гендерные режимы обеспечил сравнительный анализ критической топонимики российских и европейских городов, представленный в выступлении ведущего научного сотрудника Р. В. Евстифеева (ИНИОН РАН) и доцента Г. Г. Евстифеевой (Владимирский филиал РАНХиГС). Докладчики на основе применения статистических и картографических методов с использованием программ Microsoft Excel и QGIS констатировали безусловное доминирование в названиях улиц мужских имен над женскими. Тема социальной активности мужчин пожилого возраста нашла отражение в выступлении доцента Е. В. Воеводиной (Финансовый университет при Правительстве РФ), которая на основе материалов глубинного интервью с работниками университета выявила факторы их активности: наличие семьи, работы, общение с коллегами, передача опыта молодым. При этом информанты признали значимую роль жен в поддержании социальной активности, они помогают следить за здоровьем, посещать театры, привлекают к домашним делам и воспитанию внуков.

Ряд выступлений были посвящены проблемному вопросу представленности женщин в политике. Профессор О. В. Крыштановская (Ядов-центр, РГГУ) обозначила малую долю женщин в истеблишменте (15,4 %), что стало основанием для выдвижения гипотезы о явлении токенизма, порождающем символическую, декоративную роль женщин в российской политике. Аналитика Ядов-центра гипотезу не подтверждает, поскольку по уровню образования, по происхождению,

по возрастным параметрам, по возможности укореняться в системе государственной власти современные российские женщины-политики не уступают мужчинам-политикам. М. В. Баканова (ICMC Dua Hospital, Пакистан) показала возрастающую роль женщины в политической жизни Пакистана, несмотря на традиционный характер данного общества. Женщинам на политическом олимпе был посвящен доклад Л. Я. Прокопенко (Институт Азии и Африки РАН), осветившей реализацию проектов общественного развития первыми леди стран Африки, их важную персональную роль в политической жизни государств континента. П. И. Шаброва (Центр североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН) обратила внимание на уникальный пример сочетания традиционных гендерных ролей и стремления к независимости в образе Мелании Трамп. Ее роль в качестве первой леди, по мнению исследовательницы, подчеркивает сложность и многогранность гендерных аспектов в политике, особенно в условиях усиливающейся политической поляризации, а также показывает, как женщины на публичных должностях могут балансировать между выполнением ожиданий и стремлением к индивидуализации, используя визуальные и символические средства для выражения своей позиции. Аспирантка А. А. Жохова (МГУ им. М. В. Ломоносова) проанализировала научные работы, отраженные за 10 лет в базах данных Научной электронной библиотеки eLIBRARY и Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по важной теме современной политической социологии в России — политическому лидерству женщин. Одним из выводов научного анализа стало утверждение, что институционализация женского политического лидерства не рассматривается ни в отечественной, ни в зарубежной науке.

Тематика жизненного мира современной семьи и родительства была раскрыта научным сотрудником И. Г. Поляковой (Уральский федеральный университет), заострившей внимание на основных правовых и этических проблемах использования репродуктивных технологий в России, доцентом Л. И. Винокуровой (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск), показавшей роль женских организаций Якутии в деле укрепления семейной политики в регионе, доцентом А. Д. Ивановой (Уфимский университет науки и технологий), обозначившей виды и модели родительства молодых людей — миллениалов, старшим научным сотрудником А. В. Фроловой (Институт этнологии и антропологии РАН), определившей проблемы воспитания в семье с ребенком, который имеет ограниченные возможности здоровья, и указавшей на необходимость практической семейной и психологической терапии матерей ребенка с ОВЗ.

Жизненный мир представительниц умственного труда в прошлом и настоящем стал предметом обсуждения на секции Российской ассоциации исследователей женской истории и Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Специфика советской академической графикационной системы обозначена профессором Н. Л. Пушкаревой (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН), а особенности духовного мира, нравственных и этических исканий, своеобразии профессиональной деятельности представительниц гуманитарных и естественных наук рассмотрены

в докладах научных сотрудников О. И. Секеновой и В. В. Слисковой (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН).

В связи с подготовкой к 80-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. отдельным направлением обсуждения стала проблематика трансформации жизненного мира женщин в периоды военных конфликтов. Интернациональный характер участия женщин, их многогранный вклад показан на примере ратного и трудового подвига узбекских женщин (доцент Л. С. Махмутходжаева; Ташкентский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Узбекистан) и героических образов женщин Казахстана (доцент Г. К. Уразалиева; РГГУ). Женские практики социальной адаптации к условиям оккупации на территории РСФСР (1941—1944 гг.) с применением историко-антропологического анализа освещены научным сотрудником К. В. Сак (Институт всеобщей истории РАН).

В рамках конференции прошла презентация монографии «Гендерные ресурсы социальных изменений» (М.: РГГУ, 2024), в которой отражен многолетний опыт исследований коллектива авторов. Изложенный в издании научный материал вызвал интерес аудитории, что свидетельствует о необходимости дальнейшего развития междисциплинарного подхода и сравнительного анализа положения женщин и мужчин, учета влияния прошлого на настоящее и видения в настоящем перспектив будущего здорового общества. Конференция подтвердила значимость традиции содержательного обсуждения результатов научных исследований, диалога между наукой и практикой, направленного на гармонизацию всего комплекса общественных отношений в условиях трансформации российского общества.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 21.04.2025.

The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication 21.04.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Милованова Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Хайруллина Нурсафа Гафуровна — доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия, nursafa@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: wlnrs@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Шведова Н. А.** Мировое сообщество: «В единстве для всех женщин и девочек» 3

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Гурко Т. А.** Развитие института брака: Россия в международном контексте 13
- Циткилов П. Я.** Межпоколенная трансляция семейных ценностей:
анализ социологического исследования студенческой молодежи юга России 35

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В.** Успешные женщины-ученые
в советских наукоградах 1950—1960-х гг.: жизненные стратегии,
особенности повседневности 48
- Мутиева О. С., Гарунова Н. Н.** Как понималось освобождение горянки
органами советской власти Дагестана в 1920—1930-х гг. 67
- Секенова О. И.** Путь в науку: профессиональное самоопределение и личная
мотивация в автодокументальных текстах российских женщин-историков
второй половины XIX — начала XX в. 84
- Матханова Н. П.** Жизнь и деятельность жены губернатора — «красного либерала»:
Анна Михайловна Арцимович в Тобольске и Калуге (1850—1860-е гг.) 98

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЖЕНЩИНЫ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Валькова О. А.** Софья Васильевна Ковалевская: к 175-летию со дня рождения 113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Милованова М. Ю., Хайруллина Н. Г.** О Международной научной конференции
«Жизненный мир в гендерном измерении» 129
- Информация для авторов* 134

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

- Shvedova N. A.** The global community: “Unity for all women and girls everywhere” 3

SOCIOLOGICAL SCIENCES

- Gurko T. A.** The development of the institution of marriage:
Russia in an international context 13
- Tsitkilov P. Ya.** Intergenerational transmission of family values among students
in the South of Russia: an analysis of a sociological study 35

HISTORICAL SCIENCES

- Pushkareva N. L., Zhidchenko A. V.** Successful female scientists in Soviet science cities
of the 1950—1960s: life strategies and features of everyday life 48
- Mutieva O. S., Garunova N. N.** How did the Soviet authorities of Dagestan understand
the liberation of mountain women in the 1920s—1930s? 67
- Sekenova O. I.** The path to historical science: professional self-determination
and personal motivation in self-documentary texts of Russian women historians
of the second half of the 19th — early 20th c. 84
- Matkhanova N. P.** The life and work of the governor’s wife — a “red liberal”:
Anna Mikhailovna Artsimovich in Tobolsk and Kaluga (1850s—1860s) 98

OUTSTANDING WOMEN OF RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

- Valkova O. A.** Sofya Vasilyevna Kovalevskaya: on the 175th anniversary of her birth 113

SCIENTIFIC LIFE

- Milovanova M. Yu., Khairullina N. G.** About the International Academic Conference
“Lifeworld in the Gender Dimension” 129
- Information for the authors* 134

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2025

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата размещения на сайте 26.06.2025.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 9,8. 2,66 МБ

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ